

Ю. С. Лынов

ДЕЛА ЗАПОВЕДНЫЕ

ЛЫНОВ Ю.С.

ДЕЛА ЗАПОВЕДНЫЕ
(природа, особенности, люди, проблемы)

Ташкент
“Университет”
2012

В брошюре описаны эпизоды из жизни животных, охарактеризованы биологические свойства растений и растительных сообществ в условиях заповедников Туркестана. Описаны случаи из жизни работников заповедников в реальных условиях. Автором предпринята попытка «привязать» происходящие в заповедниках явления к требованиям заповедной науки. В подготовке брошюры приняла участие журналистка У.Умарходжаева.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Рецензенты: Э.В.Вашетко, кандидат биологических наук,
В.А.Попов, кандидат географических наук.

ПРОЛОГ

Заповедники – оригинальные учреждения по охране природы. Несмотря на ограниченное распространение, они пользуются повышенным вниманием широкой публики. Объяснение простое: вопросы экологии, охраны природы среди общественных интересов вышли на первый план, информация о жизни диких животных и растений приобрела повышенную привлекательность, к тому же заповедник из всех учреждений подобного рода считается наиболее эффективной формой охраны природы. Вписываясь в глобальную систему охраняемых природных территорий, заповедники вносят свой посильный вклад в международные проекты по сохранению ландшафтного и биологического разнообразия, в решение проблемы устойчивого развития.

Человек славен трудом, без него природа и в заповеднике выглядит сиротой. Заповедник, как одна из форм деятельности человека, объект приложения его сил, призван сохранить природу в так называемом диком виде, всемерно ограничить вмешательство человека в природные процессы. В этом заключается противоречие. В публикациях на заповедные темы на слово «хозяйствование» наложено табу. Но, как иногда случается, с водой выплеснули и ребенка. Не будем говорить о прямых нарушениях – поползновениях хозяйственников, развивающих пчеловодство, народные промыслы и другие. Оставим в стороне, как редкие виды хозяйствования, экотуризм, регуляционные мероприятия в виде сенокосения, лесных рубок, отстрелов и отловов избыточных зверей. Примем за суровую необходимость получение в некоторых заповедниках материала для расселения: соболя, бобра, выхухоли, нутрии, пятнистого и тугайного олсней, кабана (список можно при желании продолжить). Но, как признано, абсолютное заповедание – весьма дорогостоящая затея, а любое вложение средств, финансов, как ни крути, оборачивается хозяйствованием, да и само финансирование – не что иное, как хозяйственное мероприятие. В условиях глобальной трансформации природы под воздействием человека само абсолютное заповедание какого-либо участка, а оно всегда организуется человеком, выглядит как мощный фактор вмешательства человека в природные (с антропогенной «начинкой») процессы. Это можно рассматривать

как дополнение к вышеупомянутому парадоксу. И не зря считают, что подходящая кандидатура на должность директора заповедника – это крепкий хозяйственник: он и деньги направит по назначению, и кадры стоящие подберет, и инфраструктуру, соответствующую отпускаемым средствам, наладит.

Таким образом, здесь уместно высказать крамольную мысль, что человек во всех его ипостасях вездесущ, его деятельность обнаруживается даже там, где по всем установкам быть не должно, – заповедники тому пример. В стремлении как-то сгладить противоречия придумали компромиссную формулировку: заповедники – не только изъятая из хозяйственного пользования территория, но, в первую очередь, это высшая форма природопользования.

Большой вопрос для всей заповедной системы – отсутствие, неразработанность подходящих показателей работы, его продукции. Можно возразить, какая, мол, продукция, если на заповедной территории человек ничего не делает? Продукции нет – нет и хозяйствования! И наоборот.

Как-то мы, представители двух соседних заповедников, на междусобойчике, имевшем раньше социалистическим соревнованием, не могли прийти к соглашению, кто же из нас, какой из заповедников ценнее и продвинутое. «Мой папа лучше твоего папы, потому что он толще и сильнее!» - примерно на таком уровне шло подведение итогов.

Оценочные показатели необходимы, чтобы знать, насколько соответствует состоянию территории свалившееся на нее бремя заповедания после смены вывески лесхоза на заповедную. В том ли направлении действует коллектив, насколько успешна работа заповедника в прошедший год или за пятилетие, как сопоставить работу заповедников, буде они отличны друг от друга как метр и секунда.

Человеческий фактор, определенный уклон в человеческой деятельности много значит для заповедника. Охраняют территорию люди, настраивают и налаживают инфраструктуру – они же, финансируют – люди, нарушают заповедный режим – люди (хотя и относимые категории браконьеров и нарушителей), принимают решения, направленные как в пользу заповедника, так и во вред – тоже люди. Представление о заповеднике, как о месте, где отдыхают

наблюдатели-бездельники, за «восемьдесят целковых» ублажающие свою любознательность. такое представление, особенно если оно складывается у людей, наделенных полномочиями принимать решения, губительно для самой заповедной идеи. К сожалению, поводов для таких поворотов мысли предостаточно.

Всю свою почти вековую историю заповедники подстраивались под общий ритм. чтобы, не дай Бог, не проявилась изживенческая сущность. В отдельные периоды, когда было трудно оправдаться, в заповедниках напрямую занимались хозяйствованием. В благоприятные времена, когда к голосу деятелей охраны природы прислушивались, рядом со словом «заповедник» появлялись (скажем откровенно, не от хорошей жизни) слова «обогащение окружающих охотничьих угодий», «равновесные экосистемы», «эталон», «генофонд», «передовая форма природопользования», «мониторинг», «научный ресурс», «биоразнообразие». Нужные и уместные понятия, вполне приложимые к заповедникам! Но ими не столько оправдывались и подводили фундамент под деятельность заповедника, сколько озадачивали руководителей и исполнителей в заповедниках. Время идет, проходит очередная кампания, сменяются приоритеты, истираются и притупляются одни слова от частого употребления, появляются другие... и жизнь продолжается.

Отдельные оригиналы пошли дальше: заповедники, оказывается, обладают (а коль обладают – должны и дальше развиваться в том направлении) культурной, исторической, духовной, эстетической, этической, информационной ценностью, а также являются элементами госбезопасности. а все прошлые ориентиры – всего лишь убожество мотиваций, о которых, естественно, упоминать не желательно, чтобы не прослыть самому убогим.

Всё бы ничего, но заповедник может выдать что-нибудь стоящее, только работая в одном направлении, не разбрасываясь, длительный период, исчисляемый не одним десятилетием. Естественно, кампанейщина не впрок, себя не оправдывает.

Судьбе было угодно (если быть точным и откровенным - благодаря собственной целеустремленности), чтобы я провел в заповедниках более сорока пяти лет. Кыргызстан. Таджикистан, Узбекистан... Менялись конторы и их вывески, природа в горах, работники-сотрудники и их говор-язык, кони под моим седлом, уровень

организации, оснащенности, обеспеченности, мои должности и оклады. Непременными оставались любопытство к дикой живой природе, которую необходимо исследовать; ожидание, что из всего этого получится (умные же люди придумали!). интерес к выбранной науке. Все применяемые методики в моих личных, собственных исследованиях, требования руководителей, инструкций, положений и наставлений прошли через моё сознание (иногда через мои руки) прежде, чем обрели материальную плоть, стали реальностью. Только поэтому повествование в данной брошюре ведётся в основном от моего имени, переработано в моём понимании. Дела заповедные – мои дела, поэтому приписывать элементы самовосхваления очень не хотелось бы! Хотя кому как видится... За длительный срок я обрел вкус к жизни в заповеднике и немалую практику. И тут приходит мысль: а не поделиться ли, если уж не своим опытом, то хотя бы радостью бытия?!

В этом мне поможет журналистка Умида Насыровна Умарходжаева.

Умида Умарходжаева: Я думаю, что это интересно всем любителям природы, желающим по-больше узнать о заповедных уголках родного края, о дикой жизни, закованной в броню заповедных правил и условностей.

Ю.Л.: Мои рассказы основываются главным образом на материалах прошлых десятилетий, в течение которых я вел свои наблюдения и исследования.

Известно, что последние десятилетия существования бывшего Союза было временем глубокого, всестороннего кризиса всего государства. Это не могло не отразиться и на положение заповедников.

Образование национальных государств на постсоветском пространстве открыло возможности для организации заповедного дела. Из всех среднеазиатских республик с наименьшими потерями преодолел трудности лишь Узбекистан. В стране создана новая правовая база для организации и деятельности природоохранных учреждений. Руководство республики, лично Президент И.А.Каримов уделяют постоянное внимание проблемам высыхания Арала и преодоления его последствий, охраны окружающей среды и сохранения биоразнообразия, в том числе в горных регионах. Всё это даст

* В соответствующих местах повествования в сносках указаны места (страны) и время (годы) событий.

основание полагать, что принимаемые меры окажут благоприятное влияние на деятельность отечественных заповедников.

У.У.: Итак, с чего начнём, Юрий Сергеевич?

Ю.Л.: С короткого рассказа об одном экстремальном случае.

ПОЖАР

Группа работников заповедника и приезжие ботаники занимались поиском редких растений в архивниках Кумбеля. Сторонние ботаники свое участие оговорили условием – предоставить лошадей для переездов. Бедному на тот момент заповеднику пришлось изымать часть лошадей у инспекторов. Конюх, он же табунщик, привел на поводу двух заседланных коней.

Довольный, что перегон закончился успешно, он присел к дастархану - расстеленной на траве скатерти - пить чай. Сообщив ряд новостей, по его мнению, представляющих интерес, он, как бы невзначай, проговорился, что по пути сюда притушил возгорание на границе заповедника: кто-то зажженную спичку бросил либо костерок налаживал, чтобы воды для чая вскипятить.

Наши инспекторы всполошились: где, много ли ветоши под ногами, почему не остался окарауливать? Конюх как мог, слабо оправдывался. Два инспектора, подтянув подпруги у седел, вскочили на коней и чуть ли не галопом помчались в направлении, указанном конюхом. Через пятнадцать минут один из них показался на рядом стоящей вершине, прокричал - потребовал, чтобы лошадей отправили на полевую базу для инспекторов, оставшихся на хозяйственных работах, — все на тушение пожара!

Мы свернули палатки, загрузили на лошадей и поспешили вниз, к полевой базе. В стороне, где был замечен и потушен (со слов конюха) огонь, сильно дымило. С гребня, куда вывела тропа, пожар открылся во всей красе. Огонь снизу подступал к зеленой арке и пламя свечкой, с гудением охватывало крону. Спереди фронта огня (в полдень ветер дует снизу) копошились люди, пытались организовать полосу открытой земли, пустить встречный пат. Но разве можно потушить пожар в жаркий полдень, если, к тому же, огню пищи вдоволь?!

Во всей этой истории больше всего досталось лошадям: вверх-вниз, вверх-вниз. На лошадях завезли людей, лопаты, кетмени, топоры, фляги с водой, продукты. К счастью, солнце в положенное

ему время отправилось на покой, изменилось направление ветра – сверху вниз. А в этом направлении огонь съел пищу еще раньше. Отдельные всплески пламени, тлеющую ветошь тщательно залили водой, доставляемой из сая во флягах.

Всходившее солнце осветило неприглядную картину: черный овал трехсотметровой длины с обуглившимися стволами, перемазанных сажей, но веселых людей. Оставив двух надежных работников на окарауливание (смены дежурили на пожарище неделю), руководитель тушения отправил остальных домой на отдых.

У.У.: Часты ли пожары в заповеднике и в округе?

Ю.Л.: На удивление редко. А все потому, что у нас не накапливается ветошь – отмершая трава. Возгорания, которые возникают обычно по неосторожности людей, сами по себе и тухнут. Люди, пребывающие в горах, чувствуют ответственность, знают, где можно и не опасно разводить огонь. Поздней осенью, когда требуется огонь для тепла, пожары уже не возникают.

Несколько бывших пожарищ находятся под наблюдением. Травостой и мелкие кустарники восстанавливаются в два-три года после пожара, деревьям же требуются десятилетия. На одном из пожарищ (а ветоши в момент возгорания там практически не было) кустики миндаля и вишенки дали корневые отпрыски уже через два месяца, следующей весной на удобренной золой почве развился высокий, хотя и редкий травостой, по видовому составу не отличающийся от растительности, не затронутой пожаром. Лишь обгоревшие стволы арчи торчат длительные сроки. Но и свалившиеся наземь, они еще долго не могут истрепляться, своим видом напоминая: «Здесь был пожар. Люди, будьте осторожны с огнем!»

ВОЛКИ

*Ночью прошел дождь. Слабый, какой только бывает в высокогорье в августе. Но пыль на тропях он все-таки сумел прибить.

Нам предстояло выбраться из самого дальнего угла Майдантальского участка, из урочища Ташкупыр. Срочные дела требовали присутствия на другом участке заповедника – в Башкызылсае. Позавтракав и заседлав коней, мы, не спеша (путь

* Узбекистан, 2001 г.

далек!), тронулись вниз по Ташкескенсаю, по хорошо набитой тропе.

Через полкилометра пришлось спешиться с коня и подтянуть подпругу. Лошадка у меня (да и не только моя) с хитрецей. Стоит на седловке набросить на спину потники и седло, она тут же вздувается и напрягает рёбра, памятуя, что тугость подпруги препятствует пищеварению. Надо ловить момент, когда конь забудет об этом, и дотягивать подпругу. Подтянув ее, я обратил внимание на волчьи следы, ровной цепочкой тянущиеся по тропе. После дождя следы отпечатывались четко. Пройдя десяток метров, призвав на помощь навыки зимнего тропления следов, разобрал, что ночью здесь прошли три зверя: два взрослых самца и один прошлогодок.

«Волка ноги кормят!»- гласит пословица. Но и волки относятся к своему «рабочему инструменту» с заботой и вниманием: летом, чтобы не сбить лапы, хищники передвигаются пыльными тропами.

Обычным волчьим аллюром – неспешной рысцой – хищники прошлись вдоль поймы и свернули на подъем. Я не отрывал глаз от тропы, хотелось узнать, куда свернут волки и какова цель их перехода. Вывершив перевал Очильды, звери также неспешно, не покидая тропы, спустились в долину Тереклисаю, и, не задерживаясь, затрусили по пойме.

Три часа мы ехали до устья Тереклисаю, и постоянно перед глазами струилась цепочка следов. Казалось, волки были одержимы определенной целью: из пункта А обязательно попасть в пункт Б. Объяснялось всё проще: от Ташкупыра три-четыре километра до границы заповедника, на сопредельной территории, в Кошмансае выпас скота прекратился, отары и гурты откочевали через перевал: волки в поисках овечьих отар устремились на другие участки, играючи за полночи перемахнули через заповедную территорию. Я прикинул километраж: то, что мы проследили по тропе, составило, по меньшей мере, пятнадцать километров. А были подъемы, крутые спуски, броды через речки, местами тропа шла по осыпям-курумам. Применительно к другому участку заповедника, Башкызылсайскому, который в два с лишним раза меньше Майдантальского, волки могли перемахнуть его поперек за два часа, возникни для них такая необходимость.

Последнее место, где нам встретились свежие следы трех волков, была тропа на Учхат. Хищники все той же легкой рысцой

преодолели серпантинный подъем и выскочили на относительно ровное плато, где тропы были набиты во всех направлениях. Здесь следы затерялись. Но это уже не заповедная территория.

У.У. Юра-ака, вы полагаете, что волки – «незаповедные» звери?

Ю.Л. Меня всегда поражал вопрос простодушiem задававшего его: «Так сколько же волков в заповеднике?» Ответ можно сформулировать примерно так: «В разные сезоны, в разные месяцы от 0 до 5 (10, 25)» Волчьи «приписные охотничьи участки» – сугубо временные территории по площади огромны настолько, что группа (стая) «хозяев» не успевает следить за порядком, выгонять прибудных одиночек-стариков, остатки разгромленных стай. И, конечно, волчьи участки не совпадают с заповедными, перекрывают границы, поскольку звери по своей природной безграмотности не могут прочитать граничных аншлагов и при передвижении руководствуются иными своими мотивами.

* * *

* Низкая облачность, снежные сугробы скрадывали пространство, расстояние определять в такую погоду затруднительно. Биноклем «ощупал» ближние склоны. На плоской седловине, где, я знал, был заложен искусственный солонец, заметил движение. Пригляделся. Шесть волков вольготно разметались на снегу – три «старика» отдыхали, три молодых иногда затевали ленивую игру. Вот взрослый зверь подошел к такому же взрослому, попытался обнюхать, в ответ лежащий зверь ощерил клыки. В это же время два молодых образовали клубок, откатились вниз по склону на десяток метров.

Захватывающее зрелище: шесть зверей сразу и вдобавок днем! Но видимость была неподходящая, и я попытался приблизиться к волчьей дневке. Скрываясь за кустами, наметил ориентир – рослую, раскидистую арчу. От нее до волков – рукой подать. Ветер тянул в мою сторону. Каково же было разочарование, когда, затратив массу сил, соблюдая крайнюю осторожность, я добрался до арчи, выглянул, но волков не увидел. Осмотревшись на месте, обнаружил по следам, что волки уходили спокойно, выстроившись в цепочку и своим излюбленным аллюром – неторопливой рысцой. Не я вспугнул зверей, и дневку волки покинули, имея какие-то свои планы. Частые

* Узбекистан, 1982 г.

мочевые точки и другие признаки подтвердили предположение, что самка (а может, было и две самки из шести волков) находилась в гонном состоянии. В такое время волки беспокойны, постоянно в движении, мало времени уделяют добыванию пищи, и на какой-то короткий период пара взрослых отделяется от молодых, точнее, изгоняет их.

* * *

* Настоящая зима в среднегорье заповедника Рамит длится полмесяца-месяц. Еще вчера на песчаных склонах зеленели розетки ячменя, щетинились всходы мятлика и неравноцветника, а нынче, все покрыто снегом. Снежный покров более глубок и дольше держится на склонах северной экспозиции, куда не проникают лучи низкого январского солнца.

Из горных саев в пойму реки Сардаи-Миёна спустились хангулы – тугайные, или бухарские олени. Они глодали ветви кустарников, скусывая торчащие из-под снега желто-бурые побеги пырея, мягкими губами собирали лежащие на снегу стручки белой акации, которые сбили длинными палками егеря заповедника, заботящиеся о пропитании благородного копытного.

Однажды вьюжной ночью погиб оленёнок. Егерь Ёрмахмад Одинаев поутру обнаружил его остатки, по следам установил, что несколько часов назад устроили пир два волка. Все мягкое: внутренности из брюха и грудной части, шея, окорока – было вырвано крепкими зубами хищников. Волки, по-видимому, вылеживались неподалеку, рассчитывали прийти к оставленной добыче следующей ночью.

Ёрмахмад прикрыл истерзанную тушку на день от ворон, замаскировал вокруг четыре волчьих капкана, предварительно протерев их конским навозом. Ночью хищники покрутились рядом, но не приблизились к приваде – бывшей их добыче: что-то отпугивало их. Зато они устроили полный разгон взрослых оленей, которые держались вместе. На следующую ночь волки вообще проигнорировали приваду, хотя в поисках оленей крутились близко около реки.

Посоветовавшись со своим тестем, старым охотником бобо

* Таджикистан, 1975 г.

Нуриддином. Ёрмахмад решил изменить способ отлова. (В мусульманской среде главное – имя, причём два имени – частое явление. Фамилии приживаются с трудом).

Два дня Ёрмахмад искал в соседних кишлаках старого, бракованного ишака, чуть ли не волоком дотащил его до устья сухого сая, где обычно кормятся хангулы. Вбил крепкий кол, к нему накоротко привязал ишака, а вокруг установил шесть капканов. Ишаку вменялось в обязанность привлекать хищников. Для него Ёрмахмад выделил две охапки объедьев, а линию капканов обильно присыпал конским навозом.

Ночью ишак принимался несколько раз реветь, вначале от одиночества и заброшенности, потом от близости хищников. Утром Ёрмахмад наведёлся к нему. Домашняя скотина так долго и бешено крутилась на короткой привязи, что образовалась рытвина. На шее ишака краснела рваная рана, сго пробирала крупная дрожь.

Один из волчьих капканов оказался выдернутым из ямки, валялся в двадцати метрах: тяжелый потаск не позволили хищнику утащить его. Капкан сработал, закрылся, но волку удалось освободиться. Внимательно приглядываясь к следам, Ёрмахмад обнаружил на снегу пятнышко крови. Неподалеку от него – волчий коготь, ближе к капкану – еще один коготь. От него волк освободился, перекусив вместе с подушечкой: снег обильно окрасился кровавой слюной. Видимо, дужки капкана, преодолевая сопротивление толстого слоя снега, сработали медленно, и волк успел больше чем наполовину выхватить лапу из лязгнувшего металлом захвата.

Волки были так напуганы, что, не задерживаясь, покинули «оленье место». Через неделю лунной ночью Ёрмахмад стрелял по другой стае хищников. Конечно, в зверя не попал, но отвадил волков от облюбованного ими кормного уголья.

* * *

*Закончив неотложные дела, техник-охотовед Анатолий Погребняк взял удочку и направился к шумевшей в ста метрах речке: авось, удастся выудить две-три маринки для обеденной жарехи. За плечами неизменная «Белка». Река Серкалсай служила границей заповедника, на левый берег изредка наведывались овечьи отары, так что ловить рыбу не возбранялось. Начальство сквозь пальцы смотрело, если и на правом заповедном берегу прохаживался с удочкой какой-нибудь сотрудник заповедника.

В июне река несла еще много воды, рыба не ловилась. Анатолий закидывал удочку в трех-четырех омутах - все безрезультатно. Хотел возвращаться, бросив никчемное занятие, но какое-то шевеление в прибрежных кустах привлекло его внимание. Наученный опытом, охотовед сорвал с плеча ружьё, привел его в готовность. И не зря! В пятнадцати метрах из кустов показалась лобастая голова волка. Звук выстрела перекрыл шум реки, отразился от дальней горы и эхом вернулся обратно. Зверь был убит наповал, но стрелок для верности ткнул его стволами, зайдя из предосторожности сзади.

Хищник оказался четырехлетней самкой. С первого взгляда можно было определить, что детенышей волчица не имела. Замерив с помощью портняжного метра стандартные параметры. Погребняк сразу же приступил к свежеванию – съёмке шкуры. Тушка поражала белизной – так много оказалось подкожного жира. Добравшись до внутренностей, охотовед опять-таки наткнулся на обилие жировых прослоек. Состояние молочных желез и матки лишь подтвердило, что волчица в размножении не участвовала. Почему? Техник-охотовед задумался.

Волки в округе водились. Предположительно у одной пары было логово. Несколько раз инспекторы, да и сам охотовед, слышали в вечерних сумерках вой волков. Был и волкобой: по весне, по насту волки загнали двух косуль, а летом задавили горных козлов - прошлогодка и сеголетка.

То, что волчица оказалось вне стаи - это временно. Волки связаны друг с другом крепкими узами, контактируют с помощью звуковых сигналов, а также обоняния. Возможно, эта связь и оказала тормозящее действие: в «волчьем поле» был разлит сигнал – «нас много, от участия в размножении кое-кому следует воздержаться». Такая внутрипопуляционная регуляция в ходу у многих зверей. Возможно, она сработала и в данном случае.

У.У.: Не слишком ли много капканов, оружия приготовлено для волков? Ведь все-таки заповедник!

Ю.Л.: В заповедном деле волки задают много проблем. Считается, что для экологического равновесия в заповеднике достаточно одной пары волков на 250-300 копытных разных видов. Тут же необходимо вводить поправки. Не всякое копытное по вкусу хищникам: волк избегает связываться с кабанами, а полуручных хангулов может

известии в считанные месяцы. В малых по площади заповедниках волк находит корм и держится лишь в отдельные сезоны. При отсутствии дичи волки и сами переходят на падаль и эта их привязанность используется при истреблении. На своих постоянных маршрутах хищники обследуют места прежних удачных охот, иногда гложут старые кости.

50-80% волчьих охот заканчиваются безрезультатно, и особенно мало удачливы стаи, если в них отсутствуют матери. Можно сказать, что, не имея естественных врагов, волк постоянно страдает от голода. Чаще всего голодают совсем молодые – щенки и приплоды (и это несмотря на подключение к добыванию пищи для молодняка других родственников – “дядей”, “тёток”) и совсем старые. Старый зверь, изгнанный из стаи, переключается на лов мышей, ящериц, долго держится у падали, поедает плоды-падальцу. У одного из убитых в августе старых самцов в кишечнике оказалось немного косточек алычи, был он худ, костляв, имел стёртые зубы.

Потенциально все позвоночные (частично, насекомые), обитающие на одной территории совместно с волком, могут стать его пищей. На протяжении года семья волков имеет 15-25 кормовых объектов, однако основными являются 1-3(5). Энергетические затраты, особенно в период выкармливания молодняка, должны покрываться калорийной и объёмной пищей – дикими и домашними копытными.

В тёплый период волчьи стаи делают набеги на овечьи отары и другой домашний скот, выпасающийся преимущественно вольно. По соседству животноводы в сердцах восклицают: «Вы в заповеднике занимаетесь размножением и своих, и наших врагов – волков!» И доля правды здесь есть. Волка можно считать, фигурально выражаясь, полудомашним животным, так как кормами он обеспечивается человеком, берет свой корм чуть ли не из рук человека, хотя последний этому всеми силами препятствует и противится.

Положение усугубляется еще и тем, что волка, даже в общих угодах, считают санитаром в животном мире, а уж в заповеднике – тем более. Надо все-таки признать: здесь палку перегнули – волк селекцией заниматься не склонен, больных и старых особей не выбирает и, если испытывает голод, режет все, что может догнать и одолеть.

В заповеднике Рамит, который рассматривался как резерват своеобразной горной популяции хангула (бухарского оленя), волка надо было преследовать всеми способами. В Сарычелекском заповеднике, где временами обнаруживается засилье кабанов и хищники необходимы, волки появляются набегами, зимой из-за глубокого снега не держатся. В Чаткальском заповеднике «генеральная линия» не стабильная: десять лет волков преследуют, следующие десять лет объявляется полная заповедность.

Ущерб от волков во всех типах угодий, в том числе и в заповедниках, значительный. Волк чувствует себя превосходно, особенно в районах пастбищного животноводства, а посему в патронаже со стороны человека не нуждается. Человек временами запутывается в этой проблеме, и дело доходит до смешного. В одном из районов процветала такая практика: на убитого волка, как на крупного зверя, задним числом оформляли лицензию, естественно, платную, параллельно заполняли другие документы на получение премии за истребление хищника.

* * *

*Солнце клонилось к закату, но было жарко и душно – обычная погода начала лета. На подъеме тропы из Тахтаходжи меня догнал техник-охотовед на своем низкорослом Акъёле.

– Пеший конному не товарищ! – прокричал он. – Но все-таки вдвоем веселее и идем мы в одном направлении.

Выяснилось, что он выполнял «спецзадание»: нужно было проверить, заселила ли волчья пара логово, обнаруженное два года назад. В тот год на логово наткнулись в августе, когда выводок уже покинул нору. В следующее лето логово оказалось необитаемым.

Я двигался по своим делам, но решил отклониться – время позволяло. С гребня, на который вышла тропа, охотовед показал на днище сая, на относительно ровное место, заросшее реденькими кустиками: «Там!» Он резво спрыгнул с коня, стал его привязывать. Снял с плеча карабин, вогнал патрон в патронник.

– Может взрослые волки набегут. Хотя и очень редко, они защищают выводок.

Иногда же хищники просто беспечны: чаще это проявляется, если встреченный человек безоружен (а отличить палку от ружья

они в состоянии). Стая волков при этом занимается своим делом: рысцой передвигается параллельным курсом, обследует старые кости или просто отдыхает. Тем не менее, хотя бы один зверь нет-нет да и бросит взгляд в сторону человека, не обремененного оружием. Вот такой нейтралитет! Были такие острые моменты в моей жизни, и воспоминания о них связываются с проявлением собственной беспечности и упущенных в молодости возможностях.

...Охотовед был нетерпелив: «Преследовать волков запретили три года назад, какой смысл нам таяться?!» Быстро спустились вниз. «Здесь они, миленькие!» Погребняк указал на свежие, набитые во всех направлениях узенькие тропки. Валявшиеся кое-где обглоданные кости, клочки шерсти дополнялись оглушающим запахом гнили, волчьего помета, тлена.

– В нору заглядывать не будем, а то сгоним с места и взрослых, и детенышей, – охотовед направился обратно к лошади.

Но уже к вечеру выяснилось, что волчица переменяла логово: видимо, нанюхала следы нежелательных посетителей. Обычно через 2-2,5 месяца после рождения волки переносят волчат в другое, заранее приготовленное логово. Как минимум, рядом с ним должен быть источник воды. Игровые площадки вблизи норы насыщены костями, пометом волчат, соответственно дух здесь для зверей может быть и приятный, но только не для человека... Посещают логово родители; персярки-прошлогодки, как правило, крутятся в 3-4 километрах. Вопреки распространенному мнению, родители-волки волчат не защищают, если логово открыто человеком. Если человек ушел от норы надолго, волчица успевает перенести в зубах по одному всех волчат в новое логово. Возвратившийся из объезда на полевую базу пожилой лесник Хусан Умсталиев с нескрываемой досадой рассказывал, что встретил волчицу с маленьким волчонком в зубах в Сухтагоне (это в трех-четыре километрах от обнаруженного логова), хотел стрелять, но, как всегда:

«Карабин в чехле, патроны в мешочке».

Охотовед возмутился: «Я сам бы мог поохотиться, да нельзя: запрет!» Лесник гнул своё: «Я могу: у меня волки ополовинили овечек! Да и аксакалы в кишлаке замучили придирами: чего, мол, вы волков в заповеднике разводите?!»

– Ну-ну, попытайся. Может, что-нибудь себе схлопочешь, – вполне миролюбиво закончил разговор охотовед.

У.У.: Часто ли находят волчьи логова в заповеднике?

Ю.Л.: Волки ходят широко. Если образуется семья, то для хищников (самец участвует в воспитании волчат) на первый план выходит забота: где устроить логово?

Безлюдных мест с высокой степенью защиты в горах достаточно и за пределами заповедника. Барсучьи норы, обычно избираемые волками для превращения их в логово, также есть везде. К тому же, если овцы рядом, заботы о пропитании становятся менее обременительными. Так что, где устраивать логово-«роддом», это чисто волчье дело, и основывается оно на индивидуальных склонностях семьи.

Отыскать волчье логово трудно и не всегда исполняется желание поисковиков, хотя, возможно, волки в заповеднике устраиваются на размножение ежегодно. Их численность, поведение, волчьи сигналы (вой), позволяют говорить об этом утвердительно.

КАБАНЫ

Туман наплыл неожиданно, как это бывает в высокогорье весной. По мокрому склону, обходя скалы, чуть ли не ползём вверх до тропы. Неожиданно спутник схватил меня за руку и показал на скалу. На её вершине сидели две большие птицы. В тумане, порывах холодного ветра они казались фантастически большими. Что за птицы? В уме стал лихорадочно перебирать признаки пернатых хищников. Но протяжный крик «тю-и-и-и» поставил все на свои места. Это были улары – светло-серые, с темными полосками на крыльях, действительно крупные птицы с «куриными» клювами и крепкими ногами. По-видимому, улары уже разбились на пары. Встреча с ними даже в заповеднике редка – так малочисленны улары. Плотный туман скрыл скалу, и когда появилось «окно», уларов уже не было.

За гребнем открылась идиллическая картина: в небольшой зеленой котловине кормился выводок кабанов. Кабаниха была столь мелка и шупла, что можно было без всяких сомнений сказать, что водит она выводок впервые. Дикого кабана нельзя отнести к разряду привлекательных животных, правильным было бы обратное утверждение. Но эта мамаша была просто безобразна: худое черное

туловище с длинной клиновидной головой, составляющей треть всего тела, отвислое вымя-брюхо, прямые тонкие ноги. Дополните картину злыми маленькими глазками и коротким, постоянно закручивающимся хвостиком. Подстать ей и рыжие полосатые кабанята, мокрые от недавнего дождя и оттого кажущиеся еще более худыми. Матка тыкалась из стороны в сторону, ртутными шариками следовали за ней кабанята. Расстояние до семейства было метров двадцать пять, но звери долгое время не замечали коня (сам я пригнулся за кустиком). Наконец кабаниха увидела постороннее живое существо, и беспорядочное ее движение стало направленным — она резко устремила к нам. Детеныши путались в ногах, но на них она внимания не обращала. Своих намерений кабаниха не скрывала. Конь, пребывавший до этого в дремотном состоянии, наострил уши. Может быть, зверь человека, меня то есть, не чувствует? Я встал во весь рост, взмахнул руками — вот он я, пугайся! При встречах со зверями любопытно бывает ошеломить своим появлением, посмотреть, как дикий зверь убегает. Но на мое явление шустрая кабаниха не отреагировала — выводок пер на нас. Пятнадцать метров, десять... Я крикнул, кабаниха не свернула — десять метров, пять. Только после более сильного крика выводок, чуть изменив направление, прошел по касательной мимо меня и скрылся за гребнем. Стало весело (мне, коню — не знаю!). Встречи с кабанями в заповеднике — не в диковинку. Зачув человека, убегают матерые секачи, мчатся во весь опор стада из двадцати-тридцати голов. А тут, поди ж ты! Слепая материнская любовь, помноженная на бестолковость молодости!

* * *

Обогнув нависшую над водой скалу, я вышел на широкую пойму. В ста метрах впереди по галечнику спокойно разгуливало стадо кабанов — несколько взрослых самок и полдюжины молодых кабанов-прошлогодков. Звери широко разбрелись по речке, но не кормились, да и что можно найти на галечнике? Кабаны просто отдыхали от дневной жары: вблизи воды было прохладно, по ущелью тянет ветерок (от кабанов тянуло ко мне). Чуть в стороне, под тополем, сохранилась мочажина, подпитываемая водой из речки. Для кабанов

— это грязевая ванна. Перемазавшись в наилке, кабаны с шумом и явным удовольствием чесали бока о ствол тополя, лишенный в результате этих бесконечных процедур коры и вытертый до глянца. Когда я вышел на кабанье стадо, крупная кабаниха валялась в мочажине, а подсвинок в это время чесался о тополь. Принимая грязевые ванны, кабаны отдают дань гигиене: вместе с высохшей грязью удаляются кожные паразиты, кусочки отмершей кожи и прочая «нечисть», создающая стойкий запах хлева, извещающий о встрече с кабанами за двадцать-тридцать метров.

Кабаны не слишком испугались моего появления, подпустили довольно близко и нехотя затрусили в гору. В какой-то момент они оказались у меня над головой. По тропке звери направились к редкому арчевнику, чтобы отлежаться под деревьями до ночи. Летом в засуху кабаны кормятся ночью, выбирая увлажненные места, пригодные для рытья и богатые личинками, червями, луковницами и корешками. Если весной кабаны придерживаются отступающей снеговой линии, то летом разбредаются широко: встречаются и в высокогорье на склонах Курганташа и Кызылнуры и гораздо ниже — в яблонниках Алычазора, на луговых полянах Мурадока.

* * *

* Как-то за пределами заповедника в охотничьей засидке я ожидал зверя сверху и не обращал свой слух на стылый, мрачный сай внизу. Но вот оттуда донесся неясный шум — вначале уханье, потом визг. Шум, который могло издавать только стадо кабанов, приближался. Настроение мое упало: сейчас нанесет запахом от меня, кабаны встревожатся, оповестят весь лес о присутствии человека, пройдет еще час, прежде чем кто осмелится высунуть нос, а там уже и темнота наступит. Но кабаны, тем не менее, приближались, и слышно было, как они подошли к бровке в пятнадцати-двадцати метрах от меня. Сейчас окажутся на виду! Но что-то их там задержало, во всяком случае, не кормежка. Они свирепо ухали, кто-то за кем-то злобно гонялся, кто-то визжал. Звериный содом! Ветер тянул от меня с прежней силой. Не было еще случая, чтобы кабаны выдерживали такую близость человека, находясь от него с подветренной стороны.

* Кыргызстан, 1969 г.

Пошумев предостаточно, кабаны так и не вышли под выстрел, прошли под обрывом и показались в ста метрах от меня. Три крупных кабана бежали впереди, сзади поспевали два прошлогодка, не особенно, впрочем, приближаясь к взрослым. Временами один из густо вымазанных грязью кабанов, по-видимому, секач, злобно разворачивался и кидался на молодых. В таком порядке они ушли за гребень.

Я спустился за перегиб обрывчика. В наступающих сумерках можно было разглядеть на мокрой от вчерашнего дождя почве следы кабаньих «упражнений»: прыжков, перекатов кабаньих тел, волочения. Грунт под обрывом был изрядно перерыт. Тяжелый запах хлева, который исходит от кабанов круглый год, на этот раз пересиливал специфический резкий запах гонного кабана. Теперь понятно, почему кабаны не учуяли запаха человека: их собственный запах заглушает все постороннее, действует одуряюще. Звери просто-напросто теряют голову

* * *

*Затяжной подъем закончился. Я, смахнув пот, остановился отдышаться на гребне, который представлял собой границу между заповедником и лесхозом. Не спеша зарядил свою выдавшую виды двустовку – патрон с картечью, пулевой патрон. Явился я, как следует предполагать, на охоту. Осенняя охота на кабана и некоторую другую живность открылась неделю назад, свой первый выход я в этот день не планировал, получилось как-то спонтанно, будто кто-то в бок толкнул: «Иди на охоту!» Конечно, с компаньоном надо договариваться загодя, а при образовавшейся спешности я оказался охотником-одиночкой. Но охота пуше неволи!

Я пробирался подальше от границы. Сан, подъемы, спуски, гребни. Одолевая очередной подъем, я услышал вверх, за гребнем повизгивание, охи-вздохи, кряхтение. Ни дать, ни взять: гонный кабан-секач «страдает» от избытка чувств! Передвинув кнопку бескуровки на боевой взвод, я стал подкрадываться к гребню. Меня не остановило и то, что по времени гон кабанов еще не начался: уже больно захватывающе «страдал» секач. Стенания кабана усилились. Я старался не шуметь, не наступить на веточку и сухой лист. Хотя к

* Кыргызстан, 1972 г.

старадальцу-кабану можно подходить безбоязненно: он не слишком вникает в шумы. Вот уже пять, три метра до перегиба. И вдруг грянул ...хохот. Меня бросило в холодный пот. Хорошо бы я был, если бы вышел поохотиться на какого-то артиста-лицедея! Да об этом случае вспоминали бы полгода!

Конечно, очередное представление затеял Васька Сергунин. И кого только в Аркыте он не изображал?! Но доставалось больше всего двум местным дурачкам (без них поселок – не поселок!), а также важничавшим представителям среднего командного звена. И вот, видимо, перебрав всех из человеческой породы, Васька-артист переключился на гонных кабанов. Ну, до чего же хорош! Не отличишь от оригинала.

С независимым видом, посвистывая, я приблизился к отдыхающей компании охотников. Они намечали, как лучше организовать охоту, выкладывали свои варианты, опробованные в прошлый сезон.

Охота не заладилась, и может быть потому, что за восемьдесят месяцев бездействия все разучились охотиться. Ведь это умение – не обязательно точно попадать в мишень. Надо уметь и свои эмоции подавлять, ориентироваться в пространстве: убойная дистанция, упреждение в стрельбе... Сколько я встречал мастеров и разрядников по стрельбе – все неважные охотники! Так получилось и у нас: бабахнули трижды по нивесть откуда выскочившему выводку кабанов («отличился» в том числе и Сергунин), потом полчаса гонялись по кустам за поросенком-подранком, который громко верещал, растравляя душу. По пословице, артельно хорошо только батьку бить, а на охоте от сборища охотников один шум и никакого толка.

У.У.: У меня дрожь по телу пробегает... и это работники заповедника! Нельзя ли обойтись без охоты, без стрельбы?

Ю.Л.: Претензии к нам в данном случае безосновательны. Мы – не душегубы, не исадия ада! Конечно, этика охотника предполагает убийство, изъятие как можно безболезненное для жертвы. Но можно оправдаться: кабан весьма плодовит (в размножении участвуют лишь 7-10% популяции, но за счет этого её численность за год может возрасти в полтора раза), так что изъятие идет только на пользу популяции. В грядущую зиму, как и в прошлые зимы, наибольший отход предполагается за счет молодняка. Может быть лучше заранее

устранить лишних конкурентов, хотя бы в угодьях, соседствующих с заповедником, где допустимы и желательны элементы управления дикой природой?

И потом, чем же заниматься добрым молодцам в свободное время? Ведь в понятие «идиотизм сельской жизни» включается и бездействие, ничегонеделание. А охота – такая деятельность, что будоражит, эмоционально да и физически обогащает. И последнее: оружие лесникам и научным работникам выдаётся не для того, чтобы носить его как какую-нибудь палку – нужно уметь стрелять, а этому способствует тренировка. А где, как не на охоте, можно приобрести навыки владения оружием!?

* * *

Все, кто впервые приезжают в Сарычелек, удивляются и восхищаются богатством и красотой природы этого отдаленного уголка. Лес сам по себе – великий дар природы, особенно в малолесной местности. А если в этом лесу много плодовых: яблони, алычи, груши, боярышника, барбариса, шиповника, жимолости, кизильника? И к тому же, целые участки состоят из ореха грецкого. Цены нет таким угодьям!

Создавая заповедник в бассейне озера Сарычелек, люди преследовали благую цель – сохранить и преумножить всё то, что создано и создаётся природой. Но, как показывает практика, жизнеспособными оказываются природоохранные учреждения, основанные на принципе: «На тебе Боже, что нам не гоже!» Урожай ореха, а также семечковых и косточковых, относящихся к плодовым, и после организации заповедника продолжали собирать заготовители. Хотя истины ради, люди способны подобрать с земли не более половины биологического урожая, остальное попадало в прожорливые пасти кабанов, барсуков, крыс, дикобразов, медведей и других охочих до калорийного корма животных. Но вмешательство в ход природных процессов, хотя бы на половину, искажает чистоту опыта, саму идею заповедности.

Для многих животных комфорт в жизни – это, в первую очередь, обилие наживочных кормов, чтобы встретить и время гона.

и зимние невзгоды, так сказать, во всеоружии. Отсюда и успех перезимовки, высокая доля участвующих в размножении, и в конечном счете, численность животных, растущая из года в год. Чем не заповедник? Но включается механизм обратной связи, и, к примеру, кабан при достижении сверхоптимальной численности становится себе врагом. Под лесным пологом исчезает самосев ореха – пища для будущих поколений, деградируют от бесконечных поросев высокотравные луга на лесных полянах, пышным цветом расцветают среди кабанов эпизоотии (свиная чума, зудневая чесотка и прочие напасти), копытные мельчают, и выводок у кабанов уже не дотягивает до стандарта (5-7 поросят), а снижается до 2-3. Несколько десятилетий назад некоторые специалисты, проявляя местный патриотизм полагали, что в районе Сарычелекского заповедника обитает до пяти тысяч кабанов, что составляет около 80% кабаньего поголовья Кыргызстана. Конечно, цифра была завышена, но с учетом ошибки надо было что-то предпринимать.

Хищников, способных укоротить, поубавить засилье кабанов, не оказалось. Медведи, волки, шакалы, даже лисицы не прочь полакомиться поросенком, но материнский инстинкт у кабанов настолько грозен, что хищники пасуют. Кабаны – сами, как хищники. При случае могут устроить охоту на истощенную, с трудом передвигающуюся косулю, проявляют откровенный каннибализм в отношении еще живых, ослабевших собратьев.

Приходится вмешиваться человеку. Конечно, любое вмешательство, будь то отстрел или отлов животных, автоматически переводит заповедник в разряд охотничьих хозяйств. Хотя вывеска, штаты, источник финансирования – всё остается в заповедном русле.

* * *

*Тропа вела по неглубокой ложбине. Вдруг кабаниха остановилась и тревожно втянула в себя воздух: в этом месте её всегда охватывало беспокойство. Было непонятно, почему на поляне в обилии рассыпаны

корма, почему между деревьями натянута сетка, остро отдающая ржавчиной. Этого запаха кабаниха не боялась, но её страшил запах человека, всегда связанный с металлом. Каждый раз матка уводила выводок прочь от металлической сетки.

Темное пятно отделилось от изгороди. Это был старый секач, с которым выводок изредка встречался в лесу. При встречах, если кабанята попадали секачу под ноги, он свирепо отбрасывал их своим удлиненным рылом. В пасти у кабана сейчас был початок кукурузы. Многоопытный секач вытаскивал початки по одному и поедая их вне загороди. Смачный хруст на зубах кабана, вид и запах лежащего так близко корма прогнал остатки страха, и кабаниха направилась к изгороди. Кабанята последовали за ней, но два из них остались рядом с секачом, надеясь, что им перепадет от него. На ходу хватая початки, выводок рассыпался по ловушке. Растаскивая самую большую кучку, звери сбили палочки-насторожки, обрушили бревнышко. И в этот момент с грохотом упала опадная дверь, наглухо закрыв выход из ловушки. Кабаны встревожились. Круг за кругом выводок обгасает сетчатый забор в поисках выхода. Матка, разогнавшись, прыгает, но упругая двойная сетка отбрасывает тяжелое тело.

Услышав грохот, секач, бывший за изгородью, опрометью кинулся прочь. За ним побежали и два кабаненка. Отбежав немного, постояли, напряженно вслушиваясь, и вернулись. Кабаниха пыталась подрыть под дверью, но, наткнувшись на камень, ушла в другой угол. Понемногу волнение улеглось, кабанята съели оставшуюся кукурузу и, сгрудившись в дальнем от двери углу, легли в снег.

Кабаниха бродила вдоль сетки, несколько раз принималась рыть — везде был камень. По ту сторону сетки за ней неотступно следовали два кабаненка, оставшиеся на воле. Зимняя ночь длинна, но вот свет луны стал меркнуть, тени от деревьев растворились, и занялся зыбкий зимний рассвет. Впервые кабаны встречали день не в укромной лежке, а в этом странном месте, откуда невозможно уйти.

Взошло солнце. Проснулся ореховый лес, небогатый жизнью в зимнюю пору. Вдруг в морозном воздухе раздался скрип снега. Кабаниха насторожилась, втянула в себя воздух, ухнула и засуетилась. Скрип приближался — это к ловушке шел человек. Зверь метнулся в одну сторону, затем в другую — сеть неумолимо отбрасывала

его назад. Толкаясь, застрелились в ловушке кабанята. Два бывших снаружи зверя кинулись прочь и скрылись.

Человек поднимался по тропке, проваливаясь в снег. Заметив движение в ловушке, удовлетворенно хмыкнул. Подойдя к ловушке, пересчитал метавшихся в ней животных, проверил прочность запора, укоризненно что-то сказал кидавшейся на него через сетку кабанихе и поспешил обратно. Часа через полтора лес наполнился грохотом. Трактор развернулся у ловушки, тракторист приглушил двигатель, и несколько человек принялись разгружать с саней клетку.

* * *

В первые же годы в Сарычелекском заповеднике встал вопрос: как отлавливать кабанов? Пришлось испробовать несколько вариантов, пока не остановились на большой ловушке типа вольеры с настороженной дверью,двигающейся в пазах. Дверь через систему блоков, с помощью троса соединялась с насторожкой-прикормкой внутри вольеры.

В ловушку, сооруженную в глубине леса, в осеннюю или зимнюю ночь попадало до шести — восьми разновозрастных кабанов. Пленники яростно кидались на прочную сдвоенную сетку, кровянили себе пяточки. Иногда вид своего врага — человека приводил к более серьезным последствиям: звери ломали ноги, погибали от стресса. С помощью переносной клетки кабанов подволакивали к тракторным саням, на которых размещалась вместительная клеть. Испытав десятидневную передержку и ряд последовательно сменяющихся больших и малых клеток, звери оказывались в вагонах железной дороги. Потребителей живого зверья в прошлые десятилетия было много: охотничьи хозяйства широко расселяли разных животных в подходящих угодьях.

УУ.: Настолько ли необходимо вмешательство человека? И не диктовались ли отловы зверей стремлением заполучить материал для расселения?

Ю.Л.: Конечно, принципы заповедания при планировании отловов не стояли на первом плане. Сарычелекский заповедник подчинялся сельскохозяйственному ведомству, для которого получение любой материальной продукции было дороже эфемерных заповедных принципов. Случалось и чуть ли не ежегодно, что

соседний совхоз добирался до самых верхних инстанций со своей заявкой на сенокосение, в заповеднике появлялась сенокосная рать, сопровождаемая армадой техники – все в порядке принятия срочных мер, ответа на стихийные бедствия, на козни природы. Разгул стихий, то-бишь летняя засуха, в наших горах, по соседству с пустынями – обычное, рядовое и ежегодное явление. но в далёкой Москве это как-то не улавливалось и не воспринималось.

И хотя популяцию кабана требовалось изредить, руководствовались всё-таки иным: требуется материал для расселения – спускается приказ об отлове. В свое время некоторые заповедники рассматривались как питомники, маточные учреждения для расселения ценных животных: бобра, соболя, пятнистого оленя, – и комплексному подходу (заповедник в роли эталона) отводилась второстепенная роль. Ставить кабана на один уровень с бобром, мягко говоря, не грамотно.

Матовероятно, что в каком-либо заповеднике складывалось идеальное равновесие. Всё-таки заповедник – не Ноев ковчег, где «всякой твари по паре», и ни больше, ни меньше. В силу биологических причин, изменяющихся экологических условий какое-то животное выделяется из стандартного равновесия, начинает господствовать. И это одна из особенностей реального и абсолютного заповедания.

Изъятие какой-то доли животных из перегруженных популяций, сказывается оздоравлиюще на остальных животных – это давно отмечено. Размножение становится интенсивным, соотношение возрастных групп приближается к оптимальному, болезни ослабляют свой натиск.

Для Сарычелека оздоравливающая роль отловов снижается зимой, так как в этот период кабан держится на ограниченных площадях, ловушки же устраниваются только вблизи дорог, куда можно подогнать трактор с саними. С другой стороны, в отдельные годы можно обойтись и без изъятия, так как в теплое время кабаны широко мигрируют – иногда встречаются в цирках и на моренах альпийского пояса, на высоте 3500 метров.

* * *

В ту зиму морозная погода непомерно затянулась. Проскочила середина февраля, а вот и конец февраля, а приближения весны не

ощущается. Всё также хмурится небо, нехотя кружатся снежинки, спрессовывается и тяжелеет ранее выпавший снег.

В Аркыте суровой зимой никого не удивишь. Но в эту зиму мужики только кряхтели, подсчитывая оставшиеся запасы сена. Каждый день селяне уже по выработавшейся привычке поднимались на крыши сбрасывать накопившийся снег, который грозил обломить не только кровлю, но и стропила.

Рано утром ко мне постучался Рыспек-ака. Жил он на отшибе, у подножья горы, имел просторный огород. В августе он больше, чем кто-либо другой, страдал от набегов кабанов. Вот и сейчас разговор касался этого копытного.

- Пойдем, поможешь выгнать со двора кабана.

- Он что, пришел к тебе жить? – я попытался шутить.

- Очень он мне нужен! На скотину кидается, дети боятся перебежать двор – выскочить на улицу (насчет детей, как выяснилось, он преувеличивал). А если сдохнет, кто труп стянет на скотомогильник? Лучше пусть своим ходом идет в ту сторону.

Теплее одевшись, я пошел к Рыспеку. По дороге он мне изложил ход событий последних двух дней. Кабан забрел во двор жилого дома ранним утром. Зарылся в объедьях, выдаваемых ишаку. Бедный ишак с испугу оборвал аркан и неприкаянно бродил по двору. От детских голосов кабан очнулся. Приподнялся на передних ногах и безучастно взирал на мельтешение многочисленных отпрысков Рыспека, возбужденных видом дикого зверя. Рыспек-ака повел наступление, длинной палкой огрел кабана, но у того хватило силы только на то, что бы перебраться под стену коровника. В этом убежище он провел целый день, нехотя, через силу помусолил кукурузные кочаны, что бросила ему сердобольная хозяйка.

Зверь сдох ночью, Рыспек позвал меня для страховки, чтобы снять подозрения, возможные нарекания в браконьерстве.

Самый беглый осмотр привел к мысли, что кабан погиб от голода, а кабанний голод имеет своё начало от глубокого снега и от морозов, сковавших землю еще перед выпадением первого снега. Его состояние со всей полнотой поддавалось характеристике: «Кожа да кости». Отроду ему было четыре-пять лет. Голова на исхудавшем теле казалась еще громадней, впалое брюхо, торчащие ребра: глаза бы не смотрели!

- Что будешь делать с трупом? – спросил я Рыспека.

- Как-нибудь ишаком дотащу до арчи,- он протянул руку к одинокой арче, что чернела в трехстах метрах.- Вороны за три дня растащат. Как думаешь, могу я сказать в конторе, что кабан сдох не у меня во дворе, а у арчи? - Рыспек просительно заглядывал в глаза.

Я отвел взгляд в сторону, заинтересовавшись поющей пичугой. Поёт синица, весна не за горами.

* * *

У.У.: Часты ли массовые падежи зверей в заповеднике? Каковы их причины, кроме голода? Делают ли что-нибудь в заповеднике по спасению гибнущих зверей?

Ю.Л.: Смерть живых организмов также естественна, как и их рождение, - заповедник не исключение. Если подходить философски, то здесь уместно расхожее мнение: «Умрут (в нашем случае – сдохнут) даже те, кто еще не родился!» Главное же в этом вопросе – причина отхода, а также как это скажется на здоровье и состоянии популяции в целом.

В суровые зимы руководство заповедника, движимое милосердием, иногда назначает подкормку. Для кабанов – это рассыпное зерно, кукуруза в початках, мерзлая картошка; для косуль – сено. Замечено, что кабаны не слизывают выложенную подкормку, а считают нужным перемешать ее с почвой и снегом. На изрытые места перемещаются кеклики, которых на местах пороев привлекает не зерно, а личинки, корешки, промерзшие стебельки и листочки трав.

Разумеется, запасы подкормки ограничены. К тому же она может быть выложена в местах, доступных для конных инспекторов. Ну, а главное – нарушается принцип невмешательства в ход природных процессов.

Падеж начинается, и голод одолевает только в переуплотненных популяциях. Чаше это наблюдается в популяциях кабана, горного козла, кеклика. В наших условиях не отмечены, но в других регионах часты случаи массовой гибели мышевидных, достигших переуплотнения. Надо подчеркнуть, что мина падежа закладывается задолго до начала суровой зимы.

* Ближе к весне Тургумбек почувствовал, что испытывает голод. Нет, не всегда, а так, к концу дня или утром, через час после постного чая с сухой лепешкой. С тоской вспоминал он армейские годы: ему, как солдату-переростку (рост 186 сантиметров) положена была полторная норма. И пусть солдатскую кашу именовали «шрапнелью» и цветом она была синеватой, зато какая сытная! Конечно, надо было потерпеть: коровёшка перестала доиться, из картошки осталась одна мелочь, и даже муку жена стала экономить – деньги кончаются.

А работы невпроворот. Начальник участка загонял на заготовке дров для конторы заповедника, подвозке сена на конюшню. Охотовед Коля Сидоренко тоже больно горяч: записался, мол, в бригаду ловцов-зверовиков – будь готов в любой час ехать на тракторной тележке к ловушке, переносить тяжеленную клеть с кабанами или без них. Охотоведу хорошо: сломал ногу кабан, не знающий, куда себя деть от бешенства, пристрелили его – вот и гора мяса, съшь – не хочу!

- Бери, бери ляжку! – лесник Иван Бабич при очередной разделке кабана-неудачника предложил Тургумбеку вполне серьезно и без всяких насмешек. – Пророк правоверным разрешил какой-то бок у свиньи, но не уточнил – левый или правый.

И Тургумбек решился. Хотя он упрятал изрядный кус кабанятины в мешок и так донес его до дома, слух о его деянии моментально разнесся по кыштаку. Тургумбек цыкнул на жену, которая, хотя ничего не сказала, но посмотрела косо, острым ножом быстро перекромсал мясо. Свалил его в казан и залил водой. Через порог перевалился старший брат Даниёр, принюхался, зло сплюнул, молча удалился.

Тургумбеку теперь было все равно. Он раскочегарил очаг, от казана во все стороны понесся живительный дух. В дом потянулись соседи. Мужики усаживались на корточки во дворе, кто-то с любопытством взирал на булькающее варсво. А лучший друг-товарищ Кенеш присел к низенькому столику и дул чай, пиалку за пиалкой, будто другого времени не мог выбрать для посещения. На подначивания («А зачем варишь – всё равно ты же не кушаешь кабана?») Тургумбек

не отвечал, был занят делом. Готовое мясо он выудил на широкое блюдо-лаган, размочил сухую лепешку в бульоне и присел к столу, как бы не замечая руки Кенеша, воровски потянувшейся к лагану.

– Хорошо делаешь, что нас не приглашаешь: весь грех падёт на тебя! – это балагурил остряк-самоучка Мамырбек, приближаясь к столу. За ним потянулись остальные, кто скороговоркой пытались скрыть смущение, а кто даже с требованием: «Полей водички из кумгана на руки, всё-таки мясо собираемся есть!»

У.У.: Если человек способен нарушить запрет, предписанный религией и предками, и откусать кабанятины, то он не остановится перед другим нарушением – может отстрелять этого зверя в заповеднике?

Ю Л.: Не сказал бы так! Мусульмане повсеместно не уважают и не практикуют охоту на кабана, считая его запретным, харамом. В том же Сарычелеке один из работников заповедника, Рамиль, будучи азартным охотником, постоянно участвовал в коллективных охотах, то есть стрелял и разделывал кабанов, но свою долю добычи никогда не брал.

Отношение к кабану, к кабанятине – это оселок, на котором проверяется крепость веры. Ислам пронизывает все стороны жизни народов, населяющих регион, будь то строительство, одежда, пища и вообще поведение. Традициям подвержены все, даже считающие себя в душе или открыто атеистами. Приведенный выше случай как раз говорит в пользу размытости и неустойчивости некоторых традиций. В других местах, если посчастливится достать шматок жира для лечения туберкулеза, то проситель аккуратно завернёт «лекарство» в подходящую тряпицу или хотя бы в носовой платок, иносказательно называя при этом кабана черным козлом (каратеке).

* Дикий случай привел как-то на чаёвке-привале пенсионер-охотник, недавний начальник районного отдела милиции. «В окрестностях Рамита подхожу как-то ранней весной к небольшому кишлаку. Шум, плач женщин, детские вопли. Выяснилось, что двое мальчишек 10-12 лет, встретили истощенного кабана-прошлогодка. Принялись гонять его по глубокому снегу, шпыняя самодельным копьем. В пылу схватки кабанья кровь окропила кисть руки мальчишки. Один

* Таджикистан, 1968 г.

из пожилых жителей, считая себя муллой, приказал отцу маленького охотника отрубить две фаланги пальцев, наиболее окрашенных харомной кровью, что и было незамедлительно сделано. Я принял меры к спасению пострадавшего. Мне стоило больших усилий, чтобы сдержаться и не пристрелить изуверов». Рассказывая, пенсионер сильно разволновался, как будто это произошло вчера, хотя минуло пять-шесть лет.

Так что диапазон отношений человека с этим копытным весьма широк, но основная масса охотников придерживается правила – не стрелять! Мне за все годы работы только единожды довелось натолкнуться на так называемую охоту, исполненную брезгливым браконьером. В зарослях кустарника была брошена неразделанная туша кабана-двухлетки: задняя нога была отсечена самым варварским способом и увезена – может быть для собственного пропитания, может быть, выполнялась чья-то «заявка»

Когда в Сарычелеке разворачивался отлов кабанов, директор заповедника, посоветовавшись с «народом», принял решение не включать мусульман в бригаду по отлову. Спустя некоторое время поднялся ропот: «Не дают заработать. Что мы не люди?!» Руководитель моментально отреагировал и пополнил бригаду добровольцами: «Ваше дело – общайтесь с харомными животными. Мне всё равно, я не заставляю». Выяснилось, что кабан – грязное животное, но не настолько, чтобы отказываться от заработка.

КОСУЛИ

*Удивительно быстро природа залечивает раны. Не прошло и десяти лет, как по склону в последний раз прогнали отару, а тропы уже стали непроезжими, заросли, выглядят заброшенными. С боков на тропу по-хозяйски влезли шиповник и миндаль, сверху её затенили боярышник и жимолость.

Я с трудом поднимался по такой заросшей тропе, в душе себя укорял, что не взял лошадь, можно было пройти и в обход по набитой, регулярно очищаемой тропе. Треск ветвей и топот привлекли внимание. Тропу пересекли, проскакали галопом косули: впереди самка, следом, отстав на два корпуса, – рогач. Копытные неутомимо

* Узбекистан, 1985 г.

работали ногами, будто бы склон был плоским и на нём ничего не росло, не препятствовало бегу. Звери также внезапно скрылись за гребнем, как и появились.

Для косуль в конце лета – горячая пора, гон. Это слово дает полное представление о состоянии копытных. Самец-рогач, настолько «ласков и внимателен» к своей временной подруге, что бьёт её копытами, покусывает, и никакого спасения для неё нет: всё гоном, гоном! В это время косули забывают о пище, об опасностях со стороны хищников и, естественно, выдыхаются, худеют, теряют силы.

В давние годы на Алтае я по первому снегу (было это во время охоты на белку) натолкнулся на свежую лёжку лося. Зверь несомненно ушел от меня, ушёл неторопливо (собаки со мной не было), с оглядкой. Я кинулся по следам, лось шествовал впереди и довольно близко, но я его не видел: он, держа минимальную дистанцию, временами ложился на отдых, чуть и не через каждые двести метров оставлял мочевые метки – настолько был слаб. За два часа преследования я ему порядком надоел, но он ничего не мог предпринять, чтобы оторваться от человека. Пройдет месяц-другой, может быть, тогда лось обретет прежнюю августовскую силу и бодрость.

Такой стресс в пору гона присущ всем копытным, и косули не исключение. Волки пользуются невнимательностью, отрешенностью копытных, давят их. Впрочем, от волков косулям достается в течение всего года.

*Как-то в мае, передвигаясь в пойме Тахтаходжи, я услышал впереди сильный шум. Захотелось узнать причину, и я ускорил шаги. На тропе валялся кусок бывшей косули – голова с мягкими, покрытыми бархатистой кожей рожками, с частью шеи. Добычу бросили волки – их следы, крупные и мелкие, отпечатались на мелкозем, на оголенной тропе. Ситуация могла сложиться опасной для меня: волки, если они уверены, что человек не вооружен, иногда защищают свою добычу. Я полчаса бродил, пытаюсь найти остатки косули. Тушка, основательно объеденная (до «комплекта» не хватало внутренностей, окороков, крестца, грудки и, конечно, головы с шеей), завалилась в широкую щель в скале. По-видимому, её тоже куда-то

* Узбекистан, 1976 г.

волокли. Такое отношение к добыче не характерно для сложившейся волчьей стаи: после успешной охоты волки насыщаются обычно в порядке старшинства, придерживаясь установившейся иерархии. Видимо, волки объединились временно, грызлись между собой, свалившуюся на них добычу не смогли ни поделить, ни защитить.

* * *

Кажется, эволюция специально подстраивает для косули разные шутки, чтобы этот вид не смог выжить. Взять хотя бы их собачье рывканье. Услышав впервые, пугаешься: на два-три километра несется сигнал – вот я, здесь, сбегайтесь, хищники, ловите! Косуля и любопытна до крайности. Однажды один из лесников на спор привлек на десяток метров глупого рогака, который заинтересовался лохматой шапкой, белым, из толстой синтетической пленки плащом и раскинутыми, как у пугала руками. Остальные спорщики сидели рядом под кустом, потешались, глядя, как рогач бьет копытом, рывкает, но шаг за шагом приближается к привлекательной фигуре.

...Я стоял неподвижно на пробной площадке, заложенной на поляне, высматривал нужные растения, заносил сведения в тетрадь. Среди жухлых стеблей бузульника, выцветших куртин ежи, роскошествовали большие кремовые цветки шток-розы. Солнце клонилось к горизонту. В какой-то момент боковым зрением я обнаружил, что на поляне я не один. Слегка испугавшись, я заставил себя остаться неподвижным, медленно повернул голову. В семи метрах стояла косуля. Непостижимо, как она смогла бесшумно приблизиться! Красивая безрогая головка высоко поднята, изящная передняя нога вздернута для следующего шага.

Косуля равнодушно скользнула взглядом по моей застывшей фигуре и даже не заинтересовалась.

Косуля сделала еще три шага, зашла мне в тыл, наткнулась на мои следы, на нее напахнуло запахом человека, и тут ее словно подменили. Она сдавленно промычала, ноги подломились, и первый прыжок был какой-то скованный. Но затем косуля показала и отличную работу ног и силу голоса. Пяти-семиметровыми прыжками она скакнула в кусты и еще долго снизу доносился возбужденный рев испуганного зверя. Закончив работу, я поспешил в том же направлении.

* Ежегодно, в начале весны в среднегорье, полосами и пятнами освободившемся от снега, проводится учет численности козули. Раньше проводить – снег мешает, позже – копытные разбредутся по всему высотному профилю, вплоть до субальпийского пояса, где обычно козули не держатся.

После таяния снега на склонах незамедлительно появляется зеленая травка. Козулям предписывается выходить на солнцепечные склоны и щипать траву – так, во всяком случае, обосновывают время учетов её организаторы. Однако козули не всегда придерживаются этого правила.

Мы выезжаем на рассвете. Планируется начать наблюдения с восходом солнца, а до места надо добираться кому три километра, а кому – пять-семь.

Первое препятствие – брод через вздувшуюся от снеговой воды речку. Кони с неохотой погружают ноги в воду; боятся, что весеннее половодье способно на подвохи. Где было ровное дно, там образовались промоины или нанесло ила, крупных камней или под воду затянуло ствол дерева.

Дальше по склону подъем серпантинной тропы. Тропа пока что мягкая, грунт зимой взрыхлился от морозов, до предела пропитался влагой. Голые ветви кустов и деревьев, плесенью обтянутая ветошь. От земли тянет тяжелыми испарениями, – обстановка резко отличается от летней и осенней, когда повсюду господствует сухость. Первый встреченный снег – залежь в саю, был плотным и вполне проходимым. Но, вот тропа повернула на тескак-сиверок, и рыхлый снег сплошным слоем прикрыл тропу и мелкие кустики. Лошади начали спотыкаться, соскальзывать, чаще приходится останавливаться на отдых.

К первому наблюдательному пункту на гребне горы пришли с небольшим опозданием: солнце поднялось довольно высоко, сквозь тучи на восточной стороне небосклона пробивался яркий пучок лучей. Усевшись удобнее, принялись шарить биноклями по склонам и саям в отведенном нам бассейне – секторе.

- А вот и звери! – напарник указал рукой. В поле зрения бинокля

шевелились две темно-бурые, приземистые фигурки. Не то: это кормились на склоне кабаны. Напарник посоветовал обратить внимание на самый отдаленный склон: семь «букашек» прилипли к снежному пятну среди скал, некоторые были с круто завернутыми рогами. Опять не то: это горные козлы, у самцов-козлов старые рожки к этому времени отваливаются, новые совсем маленькие. Зимой горные козлы спускаются ниже своих обычных мест обитания, и бывает, что соприкасаются с козулями. Заносим увиденных зверей: кабанов и горных козлов — в свой кондуит, потому что по установленным правилам попутно с козулями фиксируются все другие встречи крупных животных.

Перемещаемся на следующий наблюдательный пункт, намеченный в километре от первого. Из зарослей крупного кустарника внезапно выскочили две козули и резво кинулись вниз по склону. Ну, это можно считать нарушением правил: вместо того, чтобы щипать травку на склоне козули прячутся в густых кустах! Правда, правила эти выдумали люди, разрабатывающие методику учета численности козули.

У самой вершины из-под небольшой скалы выскочил барсук. Он, конечно, был сильно напуган, но убегал не слишком быстро — на большее он не способен.

На открывшемся склоне в двух местах отдельно бродили три козули: матка с прошлогодним подростком и крупный зверь. По всей видимости, самец. Обычно старые самцы вне периода гона ходят в одиночестве. Впрочем, это характерно для многих других зверей.

После полудня уже на спуске к реке мы выпугнули из древостоя арчи еще одну козулю, которая, пробежав метров семьдесят-восемьдесят, приостановилась, долго смотрела в нашу сторону, затем неторопливо удалилась. Чувствовалось, что зверь впервые видит и людей, и лошадей.

Весенний день разгорелся во всей красе: на небе ни облачка, солнце жарит во всю мощь, легкий ветерок тянет с низовьев.

* * *

У.У.: Насколько достоверны учеты численности крупных животных, которые проводятся в заповеднике один-два раза в год?

Ю.Л.: В биологии редко манипулируют абсолютными данными,

чаще учеты, подсчеты, снятые с табло данные дают материал для статистической обработки, после которой можно судить о приемлемости материала, его точности, достоверности – отражает ли он действительность и с какими допущениями?

Учеты численности животных, проводимые в заповеднике, конечно же, не могут выдать абсолютного значения. Применение различных формул и поправок приближает к абсолютной величине, но всё-таки не даёт её.

Считается, что в ряду погрешностей (а их всегда набирается значительное количество) наибольшая – это систематическая. С одним знаком, примерно одной величины систематическая ошибка действует в каждом из учетов. Поэтому результаты учетов можно считать, хотя и приближенными, ориентировочными, но сравнимыми по годам, то есть к ним приемлема качественная оценка: больше, меньше. Но не более того. Серьезное влияние оказывает погода во время учетов: дождь, туман, снегопад настолько искажают результаты, что делают их некорректными, то есть неправильными. Всё-таки дикое зверье – это не овцы, которых чабаны считают чуть ли не ежедневно, прогоняя реденькой цепочкой между двух учетчиков.

У.У.: Косуля мне кажется, хорошо вписывается в заповедные условия: никому из зверей не мешает, кормовую базу не подрывает. Благотворно ли сказывается охрана, которая в заповеднике должна быть строгой по определению, на численности косули?

Ю.Л.: Охрана – это не только многочисленность егерей или инспекторов. Для мигрирующего копытного, каким является косуля, много значит обширность территории, разбой хищников или отсутствие одного. Сказывается и климат: мощность снежного покрова, длительность периода наста и прочее.

В Башкызсайском участке заповедника численность косуль, выводимая по результатам учетов, разнится порой в два раза в следующие друг за другом годы. И даже в самые благоприятные периоды численность косуль никогда не была высокой.

В Майдантайском участке, большем по размерам в два раза, еще несколько десятилетий назад косуль не было совсем. Затем из «заблудших» особей возникла жизнеспособная популяция, расселяющаяся вширь и ввысь. Пройдет еще два-три десятка лет, и майдантайская популяция поспорит по численности (дай-то Бог!) с башкызсайской.

*Весенний день в разгаре. В последние дни солнце поработала в полную силу. И последние клочки снега, залежавшиеся в саях и на тесках, исчезли безвозвратно.

Я поднимаюсь по тропе. После зимних сидений в конторе подъем даётся с трудом. Жарко. Хотя полдневный ветерок, дующий в спину, временами «подбадривает».

Шум, многоголосье привлекло внимание – на гребне двигались фигурки людей. Неожиданно на меня выскочили две косули. Они настолько были испуганными, что не заметили меня, пронеслись вниз пятиметровыми прыжками. И долго еще мелькали внизу белые «зеркала» подхвостий. Склон был открытый, и мне было видно, как, не снижая скорости, неслись звери, не разбирая дороги. Обычно же при встрече косули убегали недалеко, всячески старались укрыться за скалами или в кустарнике. Что же их так напугало?

При дальнейшем сближении фигуры превратились в лесников заповедника. Они, оказывается, пытались отловить косуль.

- Не идут в сеть,- подсадовал охотовед и ткнул пальцем в развешенные по кустам, вдоль тропы куски маскировочной сети, заимствованной у военных. - Третий день устанавливаем в разных местах и всё без толку.

Выяснилось, что забота об экологическом просвещении вылилась в реальный план создания «живого уголка» рядом с конторой в двадцати пяти километрах от ближнего участка заповедника. Попытки найти новорожденных косулят в мае прошлого года оказались безрезультатными.

Решили попытать счастья с взрослыми косулями.

- Но взрослые косули, будь то самец или самка, не выдержат стресса, погибнут!

В ответ на мои слова охотовед лишь пожал плечами: просвещать, мол, приезжих как-то надо.

Действительно, увидеть дикое животное, особенно в детстве, – несомненная удача для человека. Это фиксируется в памяти на долгие годы, дает пищу для размышлений. Помнится, в далекие детские годы я попал на осеннюю сельхозвыставку, благо она разместилась в пяти кварталах от нашей хатенки. Народ толкался между прицепным комбайном «Сталинец», снопами селекционной пшеницы и

коровами— двухтысячницами. Мальчишка—балкарец Муталиб, чуть постарше меня, приволок на выставку по собственной инициативе элика-косуленка. Видимо, на него наткнулись в горах весной, не долго думая (законы об охране диких животных, что в Казахстане, что по всему бывшему Союзу), в те времена были в зачаточном состоянии), забрали домой. Посетители отхлынули от комбайна и коров-рекордисток (эка невидаль!), сгрудились около элика, которого Муталиб придерживал за красный матерчатый ошейник. Косуленок был необыкновенно красив: изогнутая шея, печальные, с поволокой глаза, коричневая мягкая шерстка, стройные ножки.

Встречая потом, через несколько лет косуль в горах, в природной обстановке, я не переставал удивляться их грации, стремительности. Вот две косули мчатся вниз по склону. Не снижая скорости, преодолевают сай и устремляются на подъем — точно как самолет, выходящий из пике. Правда, стремительный бег не спасает косуль от выстрела охотника и зубов хищника. Косуля — зверь, простоватый в своем поведении, к тому же страдает слабым зрением.

У.У.: Я застала то время, когда вблизи конторы в огороженной вольере содержалась косуля. Куда она подевалась?

Ю.Л.: Добытая взрослая косуля чувствовала себя невольницей: постоянно пугалась людей, собак и пряталась в выстроенной для нее пещерке.

Первая погибла, поселили двух других, их постигла та же участь. На этом живой уголок прекратил свое существование. Экологическое просвещение прибегло к помощи других средств, решалось другими путями.

КИИКИ

*Утро выдалось холодным, по небу неслись клочкастые темные тучи. Мы не переживали: погода обычная для мая в высокогорье. Хорошо, что пока нет дождя, он тоже обычен для этой поры.

Участок для учета численности горных козлов выделен нам удачно: вылез из палатки и наблюдай, успевай считать и записывать зверей, разнообразивших красивую панораму окрестных гор. Весной козлы-кийки активны и днем и ночью, что также облегчает учетные работы.

* Узбекистан, 1982 г.

- Ну, что-нибудь видел? - я обратился к напарнику Махамату, который занимал должность метеотехника и впервые был привлечен к учетным работам. Мы после полудня собирались замерить осадки из суммарного осадкомера, накопившиеся за семь с половиной месяцев.

- Что-то ничего не могу разобрать. - с неохотой признался метеоролог.

- Да вон же на склоне, выше арчевника, у одинокой скалы! Весь склон усыпан, и матки, и детки, и самцы-тэке с большими рогами. Я насчитал шестьдесят три особи.

- А что они такие маленькие? Я думал, что это какие-то букашки, козявки.... - Махамад был явно растерян.

- До табунка по меньшей мере три с половиной – четыре километра, так что даже в бинокль слонами не покажутся.

Животные временами группировались, заходили друг за друга, исчезали в саю, выходили из-за скалы. Посчитать всех копытных, установить их принадлежность по возрасту и полу и при этом не ошибиться – непростая задача.

Мы всё-таки удалились от палатки, поднялись на гребень хребта, заглянули на противоположный, северный склон! Там козлов не оказалось: возможно, они ночью и по утрам держатся на солнцепечных склонах. Спрятавшись от ветра за небольшой скалой, мы еще долго шарили биноклями по заросшим низенькой травой склонам и снежным вершинам. Сурки из ближней колонии, напуганные нашим появлением, постепенно, с оглядкой выбрались из нор и приступили к кормежке. Вдали кружила пара черных грифов.

- Смотри, какой крупный зверь! Медведь или кабан? – Махамад уже не доверял себе. В круте, выхватываемом биноклем, мелкий медведь за сто пятьдесят метров казался действительно крупным. По-видимому, это был прошлогодок; на время гона matka-медведица детей отгоняет от себя. Зверь бродил по склонам, по-коровьи скусывал траву, иногда персворачивал камни, которые сыпались вниз по склону.

Небосвод очистился от туч. Засияло солнце, пригрсвало. Вернувшись к палатке, напились чаю. Заседлались. Не спеша направились к суммарному осадкомеру, своей треногой увенчивающему гребень горы. Металлическое устройство не вписывалось в окружающий пейзаж.

Стук катящихся камней привлёк вниманиес. На противоположном склоне, через сай показалась группа горных козлов: один, два, семь, двадцать, сорок два. Считать копытных было легко, потому что все они были отборными самцами-рогачами.

И возраст соответствующий — пять-пятнадцать лет. Шаг у них размеренный, кое-где делали два-три скачка, иногда приостанавливались.

Группа на ходу съеживалась до двадцати метров или растягивалась на сто метров. Никто из козлов не пытался ущипнуть траву: все ходом-ходом. Маловероятно, чтобы кто-то зверей напугал, да и в той стороне учетчиков не должно быть. Козлы спустились в сай, поднялись по противоположному склону, не меняя направления, вновь спустились и скрылись из глаз. Как собралась, организовалась такая группа, куда двигались копытные — подходящего объяснения в голову не приходило.

* * *

*Приглушенный звук выстрела (как мне показалось) донесся снизу, из устья Ташкескенсая. — Это в пяти-шести километрах, — подумал я и вопросительно посмотрел на своего спутника Ходжанова Алимбая. Он был невозмутим, хотя по своей должности — охрану участка возглавлял он — должен бы проявить интерес. Когда молчание стало тягостным, он нехотя и с досадой произнес:

- Да не стрельба это, просто геологи начали взрывные работы, устраивают канавы на склонах и гребнях по Акбулаку. От границы заповедника километров пять, а к нам долетело — будто бы с территории заповедника.

- Вообще-то браконьеры сюда заглядывают в теплое время. И конные, и пешие, — после небольшого молчания продолжил Алимбай-ака. — Зря лесников придерживают, не выпускают на участок. Почему? Да ожидается приезд иностранной киносъемочной группы, вот и боятся, что наш патруль распугает горных козлов, и снимать будет нечего. — Я согласился, что действия начальства в некоторых случаях могут быть нелепыми.

Май был в разгаре. Травостой скрыл все изъяны зимы: polegший

* Узбекистан. 1982 г.

под снегом прангосник. борозду, пропаханную лавиной. Отцвели деревья и кустарники, скоро начнется массовое цветение трав. И в Ташкескенсае станет еще красочнее.

Алимбай-ака беззвучно протянул руку, указывая на группу горных козлов, кормящихся на поляне: две матки, три подростка-прошлогодка, два козленка, родившихся пятнадцать- двадцать дней назад.

- Хочешь, я подойду к ним на пять метров? - У моего спутника глаза загорелись азартом.

В заповеднике, в условиях безлюдья звери, тем не менее, остаются дикими, к человеку относятся настороженно. Возможно, Алимбай-ака знал какие-то приёмы. Опыт никогда не помешает, и я, в знак согласия, спрыгнул с коня. Мы привязали лошадок в отдалении, за раскидистой арчей, потом прошли пешком метров пятнадцать, и Алимбай-ака указал мне место за большим камнем, откуда я должен наблюдать. Сам же он медленно вышел на склон, обозримый для козлов, и остановился, изображая полнейшее равнодушие. Самки, вначале одна, потом другая, подняли головы. Уставились на него. Постояв с минуту, Алимбай-ака зигзагом направился вверх по склону, как бы отдаляясь от копытных. Полуденный ветерок по-прежнему тянул снизу, от козлов. Матки успокоились, опустили головы, но временами попеременно наблюдали за человеком.

Алимбай-ака ходил зигзагами по дуге окружности, временами останавливался, постепенно сближаясь с группой. На козлов он не смотрел, хотя такая предосторожность была излишней, так как эти звери обладают плохим зрением и на таком расстоянии вряд ли ощущали магическую силу взгляда.

В двадцати метрах одна матка с шипением свистнула, отпрыгнула. Посторонним существом заинтересовались молодые.

Вот двое сеголетков, вытянув шеи, направились к человеку, следом тронулись прошлогодки. Матки встревожились. Алимбай-ака остановился, повернулся спиной к приближающимся козликам. Передний из них что-то нанюхал, отпрянул. Другой оказался любопытнее, прошел еще два - три шага. Матки засвистели-зашипели, забегали. Одна из них скакнула к берегу сая, выскочила на островок. Поведение маток возбудило козлят, и они направились к родительницам. Группа медленно удалилась по берегу реки. Где-

то вверху они перешли полноводный ручей. и показались вновь уже на другом берегу.

- Матки в прошлом году путанные сверх меры. Но ни летом, ни осенью зверь так близко к себе не подпускает, а потом что-то меняется в его поведении. А вот придут съемщики в пестрых одеждах, начнут громко разговаривать, размахивать руками, не только на двадцать - на сто шагов не подпустят их козлы!

- Ты же хозяин и козлов, и всей земли, тебе почет и уважение! - польстил я. Хотя доля правды в словах, несомненно, присутствовала.

ЧЕСОТКА ЖИВОТНЫХ

*В сентябре в горах жара сменяется прохладой. Но в то день, когда мы с лаборантом Эркином Джумакуловым возвращались на полевую базу, было по-летнему жарко. Тропа была относительно ровной, хотя справа стеной возвышались скалы Минораташа, а слева склоны круто уходили к Сарытопраксаю. Тропа извивалась по густому арчовнику. Вдруг посыпались камни. и на тропу выскочил горный козел-киик. Что-то было несуразное в его поведении – слишком близко подпустил людей – и в его внешнем облике – рога мощные, что указывает на солидный возраст, а туловище съезжившееся, крючком. Да у него и шерсти почти нет, а тело покрыто струпьями. Чесотка! Козел, неестественно поднимая ноги, неуклюже побежал по тропе. «Здоровые киики от опасности не убегают по тропам», - подумал я. Спрыгнув с седла, я побежал с ружьем следом. Расстояние сокращалось. Приложившись, выстрелил. Козел остановился, его качало, из ран хлестали струйки крови, неестественно красные на фоне серой нездоровой кожи. Наконец ноги его подломились, зверь рухнул, перегородив тропу. К месту вспомнилось: два десятка лет назад я без особых усилий догонял на лесных тропах барсуков. Теперь вот могу пока и за козлами бегать – есть еще порох в пороховницах! Мой пыл остудил лаборант Эркин, подбежавший с большущей палкой: «Зачем стрелять – заряд тратить. я бы его сучком ухлопал. Он и бегать-то не может!»

* Узбекистан, 1979 г.

К кинку было опасно подходить. Тем более, что были случаи заражения чесоткой человека от козлов. Обмотав рога зверя полиэтиленовой пленкой, стянули его вниз, к ближайшей осып-куруму. Здесь можно было развести огонь. Сухие сучья споро вспыхнули и через час от трупa остался обгорелый остов. Чтобы ветром не разнесло угольки, завалили костер камнями. Покончив с невеселой работой, тронулись дальше.

В Сарычелекском заповеднике при обилии кабанов одно время также стала распространяться чесотка. Кабан — ходкий зверь, сегодня здесь, завтра за десять километров. Пораженные звери стали встречаться и за пределами заповедника. Можно представить себе разочарование охотника, с трудом добившегося платной лицензии, потратившего несколько бессонных ночей на охоте, когда, осветив фонарем отстреленного кабана, он обнаруживает «львиную гриву», худосочное туловище зверя, который и без отстрела все равно бы сдох через пару месяцев. Может быть, из-за подвижности носителей кабанья чесотка не достигает таких размеров, как эта же болезнь у горного козла (кстати, возбудители болезни у этих зверей разные).

У кабанов она встречается «гнездами», быстро сходит на нет. Затравка мест лежек горных козлов порошковой горючей серой ничего не дает. «Отстрел, только отстрел — он может спасти популяцию зараженных зверей!» — советуют специалисты, ссылаясь на Правила управления дикой природой.

* * *

*Середина апреля. Снег сошел клочьями, по дороге трудно пробраться. Пчеловод Раиса Борзова на ишаке с трудом добралась до пасеки заповедника, оставленной на зимовку в Кечкиле. Последний раз она побывала здесь два месяца назад с рыбаками-любителями, спешившими на выходные дни на тракторных саниах до озера.

Ульи зимой были скрыты под сугробами снега, всё выглядело как сказке, сейчас же приблизившись к пасеке, она чуть ли не заплакала. Некоторые ящики, под горячими лучами солнца, освобожденные от снега, свалились с подставок, и пчелы искали выход из разных щелей и дыр. За работой по наведению порядка она не заметила.

как на пасеке появились люди. и вздрогнула от дружеского оклика лесника Чукетаева Борубека.

– Раяпа, принимай гостей! - Вдвоем лесники сбросили с седла тяжело нагруженный хурджин. Из него извлекли туши двух козлов-кииков. Даже для весеннего времени козлы выглядели неблагополучно: исхудалые до невозможности, кожа чуть ли не наполовину побита чесоткой.

– Начальство приказало отстрелять чесоточных. Из одного табунка мы взяли двоих. В стороне бродит еще одна группа, и нам засветло нужно отстрелять из неё одного киика. – лесник явно торопился. – Сейчас и овцы такие же худые. Если хочешь получить мяса, помоги нам, разделай этих двух кииков.

Ранса колебалась: работы много, киики худые. Но, вспомнив лица детей, представив, как они обрадуются, согласилась.

– Да ты не переживай!- лесник истолковал её сомнения по-своему.- Зараза от кииков человеку не передастся. Проверено. – Он усмехнулся. Действительно, ему можно было доверять, так как еще в дозаповедные времена он ежегодно добывал больше десятка горных козлов.

Об этом случае Ранса Борзова рассказывала мне спустя годы: «Чуяло мое сердце, что всё это добром не кончится! Через полторы недели, когда от мяса и духу не осталось, у меня зачесались руки, перешло на плечи и шею. Каких только мазей я не испробовала!» Борубек чуть ли не каждый день навещался, интересовался, как проходит лечение. Всё посмеивался, что, хотя раньше его обходило стороной, в будущем эти ценные знания могут пригодиться, потому что с кииками он повязан на всю оставшуюся жизнь.

У.У.: Почему же в заповедниках Западного Тянь-Шаня возникла эпизоотия чесотки?

Ю.Л.: Чесотка в регионе возникла давно, многие десятилетия назад, если не столетия. В отдельные периоды она ослабевает, потом без всякой видимой причины усиливается.

Площадь козлиных угодий – в самом Сарычелеке (выше высотного уровня 1600 м) относительно мала, эти копытные, как, впрочем, и другие звери, широко мигрируют, общаются с себе подобными на огромной территории. На смежных с заповедником угодьях общаются интенсивно, так как граница заповедника – гребень хребта, по сути

дела условная черта. доступная для перехода не только зверя, но и человека.

Что-либо противопоставить эпизоотии заповедник не может: не сложились равновесные экосистемы, не проявились механизмы саморегуляции, отсутствует регулирующая санитарная роль хищников, то есть всё, что «назначается» человеком для полноценного, зрелого заповедника. По-видимому, Сарычелек еще не дорос до зрелого состояния, хотя ему приписывается, даже в статьях специалистов, и равновесность, и саморегуляция. Более того, усиление охраны, снятие антропогенного пресса (охота, выпас скота) приведет к увеличению численности, переуплотнению популяции горного козла, ослаблению иммунитета отдельных особей, а отсюда до рецидива чесотки, перерастания её в эпизоотию, как говорится, рукой подать. Отстрел носителей заразы, обработка химикатами мест отдыха горных козлов малоэффективны, так как это горное животное, до него не доберешься по скалам, не выявишь все места отдыха. Так показывает практика.

У.У.: Считаете, что заповедник, точнее режим невмешательства человека, в данной ситуации выступает как отрицательный фактор? Переуплотнение, отсутствие регуляции и саморегуляции...

Ю.Л.: Бабушка надвое сказала! Какого-либо влияния хищников: волков и снежных барсов – и тем более – селекционного влияния с их стороны, не ощущается. Будь заповедник с устойчивыми, равновесными экосистемами, а не с нынешними, так называемыми, подвижно-равновесными («подвижки» растягиваются иногда на десятки лет). можно было бы ожидать, что козлиная зараза улетучится, эпизоотия сойдет на нет. Теперь же приходится рассчитывать на естественные силы, удачное расположение звезд, то-бишь благоприятное стечение условий.

БРАКОНЬЕРСТВО

*Картирование поселений сурков продвигалось медленно. Нужно ориентироваться на местности, максимально точно определить место колонии на плане. Нужно еще засекать направления, откуда

* Кыргызстан. 1972 г.

раздаются крики потревоженных сурков, шарить биноклем по склонам в надежде выявить кормящихся зверьков, предпочитающих это делать молча.

В медленном, рабочем темпе я добрал к полудню до самых верхних колоний Ийрисая. Примятая трава, свежий конский помет, встреченные у подножья крупноглыбистого курума, насторожили и озадачили. Всего лишь два дня назад по другому берегу Ийрисая проходил наш работник с целью ознакомления и рекогносцировки. Он уверял, что следов людей или же лошадей со стороны перевала, с которым совпадает граница заповедника, не обнаружено.

Кружа по выбитому месту, определил: было пять лошадей: три из них привязывались на аркан, две ходили вольно. По всей видимости, здесь ночевали браконьеры. Вот здесь они готовили в казанке кашу-шавлю, рядом с очагом примятая потниками трава – след ночёвки. Остатки дров, полиэтиленовый пакетик с крошками насая, картофельные и луковые очистки – обычный мусор браконьеров. Собирались, седлались в спешке. Один из потников завалился за каменную глыбу – брошен, баклажка с остатками чая вывалилась из хурджина на ходу.

Я не первый раз обследовал браконьерские стоянки, поэтому внимательно осмотрелся. В двадцати метрах высилась скала, – я направился к ней. Так и есть: под навесом скалы лежал перевернутый казан, литров на семь-восемь. Видимо, браконьеры были тертыми, знающими свое дело. И в заповедник они забрели не случайно.

Отправившись после утреннего чая пешком на скалы, они вместо козлов-киигов обнаружили в бинокль человека, в котором нетрудно было узнать сотрудника заповедника. Не зная истинной расстановки сил (наш табор был разбит в пяти километрах ниже), браконьеры сочли нужным и разумным срочно бежать.

Я переспрыгал казанок, сложил небольшой тур, даже чертёжик выправил. Всё это расскажу инспекторам, пусть заберут посуду, устроят, если им заблагорассудится, засаду. Глядишь, отведят браконьеров от дурного занятия.

У.У.: Часто ли браконьеры покушаются на природу, на животных в заповеднике?

Ю.Л.: Однозначно можно ответить, что настоящие браконьеры-профессионалы – редкие посетители. А так, статистика неумовима,

поскольку сложное это дело наказать браконьера, соблюдая при этом законность.

Несколько десятков лет назад, когда в Чаткальском заповеднике был всего один участок, группа лесников под руководством директора наткнулась на табор браконьеров: несколько ишаков с седлами, чайник, заношенные халаты-чапаны, десяток лепешек, свежедобытое мясо небольшого горного козла — и ни одного человека. Ушли на промысел, сбежали? Группа совместила отдых с ожиданием. Когда выяснилось, что ишаки брошены на произвол судьбы, составили по всей форме протокол, указали в нем на конфискацию транспортных животных, которых следовало реализовать по базарным ценам.

Вышла загвоздка: никто не хотел покупать якобы ничейных ишаков, все подозревали, что хозяин (хозяева), не ровен час, объявится, правдами или неправдами изымет животных. А к чему человеку лишние хлопоты? Заповедник с трудом сумел сбыть заброшенных ишаков в отдаленный лесхоз, где этот вид еще использовался как вьючный транспорт.

Табун совхозных лошадей, забредший в заповедник, обошелся ему в кругленькую сумму: при содержании взаперти табун исхудал, чем государству (тому же, которому принадлежал и заповедник) был нанесен ущерб, в конечном счете, возмещенный виновными.

Потеряв сон на двух-трех подобных случаях, директор заповедника обрastaет опытом, умнеет и извлекает из запасников для внутреннего употребления слова «профилактика», «недопущение». Ясно, что отчетность при этом выглядит более приятно.

МЕДВЕДИ

*Я спешил по тропе к месту ночлега. Закатное солнце било в затылок красными лучами. Тропа в Карабузке сужается, по сторонам громоздятся циклопического размера камни, отвалившиеся от скалы во времена оно. Выбравшись на гребень, на перегиб, лошадь приостановилась для отдыха. Конь, если я его не понукал, пользовался любой возможностью: ему спешить некуда, а чуть-чуть отдохнуть, — никогда не помешает.

* Узбекистан. 1982 г.

Впереди, в трехстах метрах я заметил медведей. Медвежонок-сеголеток, размером меньше овцы, обнаружил наше появление раньше мамыши – тучной медведицы, – начал беспокоиться: урчать, цепляться за «мамкин подол», прятаться за неё. Беспокойство передалось взрослому зверю, но медведица, стоя на задних лапах, несколько минут не могла учуять человека на коне. Ветерок дул от зверей. Закатное солнце ослепляло своими лучами. Наконец, медведица разглядела опасность, испуганно рывкнула и, забыв про детеныша, резво кинулась вниз в нагромождение камней и скал, заросшее мелколесьем и кустарником. Медвежонок, примолкнув, устремился за мамашей: чувствовалось, что он очень боится отстать.

По колыхающемуся при движении зверей крупному кустарнику можно было проследить их путь, закончившийся под огромной скалой. – там медведи затаились. Продав минут пять («выйдут – не выйдут»), я стронул коня и поспешил к ночлегу. С удовлетворением отметил, что дистанция убегания вспугнутых зверей не слишком велика – пятьсот-шестьсот метров. Значит, заповедный режим, покой действуют благотворно.

* * *

*Солнце клонилось к закату. Мы спешили, нужно было засветло добраться до границы леса, где предполагался ночлег. Компания собралась многочисленная, включала студентов-практикантов. Транспорт представлял старый сдовой конь Бургуль. Загруженный «по самую макушку», конь размеренно вышагивал по тропе, успевая скусывать с обочины полюбившиеся ему колоски сжи. Мы двигались пешком, принаравливаясь к неудобному лошадиному ритму. В пойме Терексая веселые березовые рощи сменялись зарослями кустарников, куртины тополя – редкими яблонями и махалебками с обильным валесжником под деревьями. Часто встречались следы ночных кормежек зверей: «тычки» – порои барсука, обсосанные кабанами комки желтоватой массы из ферулы и ежи, заломанные медведем деревца жимолости и яблони. «Медведи спустились с лугов на яблоки», – только подумал я, как впереди ухнуло, в двадцати метрах от тропы большой темно-бурый медведь сверзся с яблони и, подняв

* Узбекистан, 1983 г.

облако пыли. кинулся по склону вверх. Загремели камни, затрещали кусты — медведь галопировал напролом, ни разу не оглянувшись. Обладая солидным весом, зверь проявил завидную прыть — за минуту он удалился на сто метров по высоте. немного времени спустя его роскошная шуба скрылась за гребнем. Я прикинул: человек, даже привычный к работе в горах, одолест весь склон по меньшей мере за полчаса.

Из крупных зверей наших гор медведь чуть ли не самый трусливый. Лисица, убегая от человека, раза два оглянется, спрячется за кустик, оттуда высматривает, или постойт на гребне, чтобы определить, насколько серьезна опасность. Медведь, если раньше он был пуган, при встрече с человеком паникует всерьез и удирает без оглядки. Во всяком случае, так вели себя встреченные мною до сих пор медведи. Ездовые лошади заповедника на выпасах соседствуют с дикими зверями, чувствуют, кого надо бояться, а на кого и внимания не стоит обращать. Вот и сейчас, «спугнув» медведя. Бургуль, как ни в чем не бывало, продолжал вышагивать.

Медведи — отличные скалолазы. Впечатление такое, что они это делают с большой охотой. но что питательного можно найти в камнях? В своих весенних походах зверь, не останавливаясь, прыгает вниз со снежных карнизов высотой 3-5 метров.

* * *

*Суммарные осадкомеры опорожняются через шланг в определенное время, с регулярностью несколько месяцев. Подъезжая в очередной раз к суммарному осадкомеру в Мурадоке, мы издали заметили непорядок: верхний покровный конус сдвинут, выглядел, как шляпа, лихо надетая набекрень. А ведь тяжелая крышка после каждого замера притягивалась проволокой, а то и болтами. Осмотрев трехметровое сооружение, выглядевшее издали, как летающая тарелка инопланетян, пришли к выводу, что на поживу опять приходил медведь.

Чтобы избежать испарения воды, поступающей в осадкомер во время дождя или снегопада через узкую трубку, в приемную часть вливается какая-нибудь маслянистая жидкость.

* Узбекистан. 1984 г.

Масло привлекает наскоковых, которые находят там свой конец; на запах разлагающихся трупиков сбегается барсуки, лисицы, медведи — их следы всегда окружают осадкомеры.

Лишь сильному и рослому зверю — медведю — удастся справиться с конусом-крышкой. Попробовав один раз, медведь постоянно возвращается к осадкомеру типа «шапка-набекрень» и черпает лапой приглянувшуюся жидкость, тем самым, внося искажения в научную информацию.

* * *

*Погибла лошадь, привязанная на ночь на аркан. Вероятнее всего, в аркане и запуталась — задохнулась. Но табунщик свалил все на волков, благо ущерб от них был богатый и разносторонний. Поставили на хищников капканы и тросовые петли. К утру в одну из петель попал... медведь; для этого зверя падаль, особенно с душком, — деликатес. «Сидел» — не подходящее слово. Медведь буйствовал, ревел, ломал кустики вокруг, насколько позволял тросик.

С нашим приходом зверю стало страшно, он усилил натиск на петлю. Больше всего он её пытался снять и лапал на груди. Тут она и обломилась, вернув зверю утраченную свободу. Надо было видеть, как улепетывал медведь от людей, благоразумно остановившихся в сотне метров от места действия.

Особое пристрастие медведь проявляет к падали, её присутствие он чувствует за несколько километров. Однажды ранней весной я обнаружил труп громадного кабана, сдохшего, по всей видимости, от старости. Грифы и сипы до него не добрались — кроны деревьев загораживали. Останки понемногу точили мыши. Побывав через неделю в этом месте, я обнаружил, что медведь полностью утилизировал падаль. После обильных трапез зверь отдыхал — под арчей была устроена простенькая лёжка. Обнаружив падаль, медведь теряет осторожность. Однажды павшую лошадь смогли оттянуть на полкилометра от становища покосников. Ночной шум, песни, блеск и запах костра — ничто не могло остановить медведя — любителя падали; он приходил еженощно, пока от трупа не остался один осто. Ликвидируя падаль, медведь приносит несомненную пользу.

* Узбекистан, 1980 г.

Майской ночью молодой медведь забрел в колонию сурков. Дождь, ливший до этого, не переставая, полторы суток, неожиданно закончился. Зверь воспользовался разяснившейся погодой и задремал под небольшой скалой.

Проснулся он на рассвете, услышав пронзительную трель сурка. Годовичок сидел в пятнадцати метрах, разглядывал невиданного им ранее зверя и непрерывно верещал. В стороне тревожно-предупреждающе прокричала сурчиха-мамаша, но молодой зверек продолжал нахально верещать: «молодо-зелено...» Он не выдержал и кинулся за грызуном. Тот скрылся в первой подвернувшейся норке, оказавшейся неглубокой, кормовой. Медведь подскочил к норе и усиленно заработал передними лапами. Щебень, камни, мелкозем, корешки трав — непрерывной струей летело в сторону. Через три минуты всё было кончено: сурчонок коротко вякнул, и медведь моментально перегрыз теплую добычу и отправил её в желудок.

На следующий день медведь направился на охоту в соседнюю сурчиную колонию, всё ещё ощущая вкус свежего, мягкого мяса. Большой сурок, прокричав сигнал тревоги кинулся в центральную гнездовую нору, моментально скрылся в ней, продолжая бубнить из глубины — иногда это отпугивало хищников. Но то, что срабатывало для лисицы, на медведя не оказало воздействия: он принялся рыть. Щебенка местами сменялась камнями, но медведю и камни по силам. Погрузившись в корытообразное углубление чуть ли не до плеч, зверь в недоумении остановился: добыча не попадалась. Зверь выскочил из ямы, осмотрелся, обнюхал соседние норки и нехотя пошел прочь.

Чуть пониже он наткнулся на другую колонию. Всё повторилось: погоня за сурком, разгребание грунта от норы, куда скрылся зверек. Но теперь медведь был опытнее: поковыряв немного мелкозем, медведь уперся в крупный камень и прекратил занятие, которое он своим рассудком определил как бессмысленное.

Ещё в одном поселении медведь попытался приблизиться к кормящемуся сурку скрадом. Но сурки, привыкшие жить коллективом, еще издали заметили хищника и, передавая его от колонии к колонии, как бы по эстафете, вытурили за пределы поселения.

У.У.: Влияет ли, скажем так, разгул браконьерства на сопредельных угодьях на состояние популяции медведя в заповеднике?

Ю.Л.: Влияние, несомненно, сказывается. Разумеется, оно отрицательное – на численность и на поведение. Медведю, как и другим крупным зверям и птицам, свойственны миграции. «Броуновское движение», перемещения челноком туда-сюда, приводят порой к выходу за пределы заповедника. Резкое изменение обстановки, условий обитания может вылиться в стресс, на что каждая особь отвечает нежелательными изменениями: исхуданием, беспокойством, исключением из размножения и из сезонных циклов. Считается, что эти изменения несут более значительные последствия, чем пальба из браконьерских ружей.

Как правило, на территории заповедника плотность медведей выше, чем за его пределами, хотя в некоторых случаях, пониженную численность нельзя объяснить альтернативой «заповедник - обычное угодье». В Сарычелеском заповеднике, несмотря на явно богатые кормовые свойства, плотность медведя понижена, допустим, сравнительно с Майдантальским участком Чаткальского заповедника, да и с заповедником «Рамит», хотя в последних яблоня и альгча встречаются реже, а грецкого ореха почти нет.

Я думаю, высокая плотность некоторых крупных зверей, медведя в том числе, это показатель эффективной работы заповедника. В заповеднике доля молодняка до 1,5 лет по участкам Башкызылсайскому и Майдантальскому составляет в среднем 25% - 34%, сохранность к осени высокая, то есть эта доля сохраняется. Количество детенышей при самке в среднем 1,73 (разумеется, бездетные медведицы здесь не учитываются – в бинокль их трудно отличить от самцов).

У.У.: Как же уживаются с медведем крупные звери?

Ю.Л.: В горах Тянь-Шаня и в других южных горных системах медведь того ж вида, что и на равнинах Северной Азии – бурый, хотя по ряду признаков его пришлось выделить в особой подвид, именуемый белокоготным, или тяньшанским. Хищнические наклонности белокоготного медведя выражены слабо, в основном он растительноядный, хотя по строению зубов, по длине кишечника остается хищником. Будучи хищником, медведь равнодушен к животной пище. Он способен часами следить за полетом медоносных пчел, чтобы выявить гнездо, и если оно располагается в дупле арчи,

готов применить свою недюжинную силушку, чтобы добраться до мёда. Не гнушается он и «мелочью»: раскапывает гнёзда бумажных ос, полевок, переворачивает булыжники. «разбирает» колодины в поисках личинок насекомых. Редкие в наших горах муравейники медведь уничтожает до невозможности их восстановления муравьями.

Молодняк медведя, как это ни странно, страдает от волков. Несмотря на склонность к растительной пище, медведь не может составить конкуренции копытным и грызунам не только в силу своей относительной редкости, но и видовой специфичности кормов. Часто по следам можно определить: вот кормились горные козлы, объедая снизу злаки, бобовые, разнотравье, тут же прошёл медведь, пожевал, отсосал и выплюнул шматок ферулы, исковырял когтями грунт в поисках луковиц тюльпанов.

Иногда на одной полянке, в разных её концах можно одновременно встретить кормящихся кабанов, медведя, дикобраза или барсука – прямо-таки идиллия в духе рождественской открытки!

К домашнему скоту равнодушны старые, больные особи – специалисты по хищению овец, телят. Но это можно рассматривать как исключение.

* * *

- *За пчеловодами нужен глаз да глаз! Могут всю пасску распродать, а списать на медведя! – Директор заповедника был зол, но не знал, кому адресовать свои претензии: медведю ли, учинившему разгром на пасеке в Томаяке, или пчеловоду–разгильдю, не вывезшему пчёл еще месяц назад, когда медведь делал первые робкие попытки приблизиться к пасеке. Выказав свои соображения, руководитель направил нас, двоих научных сотрудников, в Томаяк:

-Посмотрите, подсчитайте, выявите степень разрушения каждого ящика-улья и сколько древесины потребуется на ремонт.

Августовское солнце выжгло всю растительность: на бурой поляне отдельными группами стояли ульи. Пчёлы нехотя вылетали из летков – взятка явно не было. У трех ящиков боковые стенки были разломаны, и было как-то странно видеть суету пчёл, их домашние дела, не открывая улья.

* Кыргызстан. 1969 г.

Пчеловод Курманалы, высокий, худошавый мужчина, хлопотал на пасеке, но было видно, что работой он не доволен. На нас он обрушился:

- Когда появится транспорт? Каждый день обещают. Скоро от пасеки ничего не останется.

Выяснилось, что каждую ночь перед рассветом появляется средненький по размерам медведь, берет улей в охапку и несёт его через сай в лес. Пчёлы из разгромленного улья частью слетают назад и разбредаются по другим ульям, а часть, в том числе и матка, ползают по остаткам рамок. Пчеловоду остается шуметь, стрелять в воздух (в зверя - нельзя, да и опасно ночью). Но медведь уже разобрался, что опасность ему на пасеке не грозит. Прошлой ночью зверь чего-то испугался, второпях схватил пустой улей, донёс его до сая.

- Посмотрите, что он наделал!

Ящик был «разобран» на мелкие кусочки размером от спички до дощечки, десять на двадцать сантиметров.

- Зачем же он так старался? Мёда все равно в ящике не было.

- Вот именно, не было. А он искал, искал...

Указание директора об обязательном восстановлении пчелиной тары повисло в воздухе – ремонт не возможен.

Курманалы как бы про себя сказал:

- Медведя считают чуть ли не самым умным среди зверей, а он иногда таким простаком выглядит – один смех. Иногда беспричинно пугается, нервы не в порядке.

Пчеловод поведал нам один случай, подтверждающий непредсказуемый медвежий характер и необъяснимые его повадки. Глубокой осенью в огород пчеловода, проживающего хутором в двух километрах от осенне-зимней стоянки пасеки Курманалы, повадился медведь. Старушка-мамаша, не разобравшись, заподозрила приبلудную коровёнку, которая безнадзорно день и ночь бродила в окрестностях.

Чуток сон пожилого человека, дремота перемежается бодрствованием. Среди ночи, темной – «хоть выколи глаза», старушка вышла из дома и обнаружила, что на капусте пасется корова. Подкравшись, пожилая женщина огрела батожком скотину, приговаривая при этом приличествующие ситуации слова: «Наглая воруга, вот тебе!» «Корова» беззвучно рухнула, старушка в страхе

попятилась, засемила к дому.

- Сынок, вставай! Я, наверное, корову в огороде убила.

- Ма-ма-ша! Какой дурной сон тебе приснился?!

В конце концов сын встал и с фонарём подался в огород. Вернулся он быстро, донельзя перепуганный:

- Медведь лежит! А ну-ка, если он очухается, а у меня и ружья нет.

Дождались рассвета. Сын сбегал за охотником. Тот осторожно приблизился к виновнику происшествия.

- А зверь-то мертвый! Уже холодный, окоченел.

Курманалы, пересказав, заключил:

- Не зря говорят про «медвежью болезнь». Есть, оказывается, такая у зверей, да и людей не обходит стороной.

У.У.: Заповедник и пчеловодство! Разве возможно такое открытое хозяйствование?

Ю.Л.: Назначая в Сарычелекском заповеднике пчеловодство, руководители отрасли полагали, да и не скрывали – говорили вслух, что пчелы заповеднику не только не вредят, но и способствуют восстановлению природы, опыляя растения. В Сарычелеке слишком остро стояла проблема обеспечения работой проживающих в заповеднике людей. Ясно, что фактор беспокойства и «подкормка» медведей при этом не учитывались. В горячие летние дни руководство заповедника целиком переключалось на обслуживание пчеловодства, работники научного отдела также привлекались в качества «контролеров» и «помощников». И если уж такая безобидная отрасль приносит столько осложнений режиму заповедания, то, что же говорить о выпасе, рубках, сенокошении, сборе орехов, садоводстве, рыболовстве, которые, как ни странно, имели всегда готовое оправдание.

СУРКИ

*Снег не выдерживал тяжести человека. В начале было даже интересно: наступашь на серовато-белую поверхность, переносишь тяжесть тела: держит – хорошо! Не держит – ухнешь на полметра к земной тверди. Новый шаг – новое испытание прочности майского

* Узбекистан, 2004 г.

снега, давно потерявшего звание снежного наста. Мы втроем поднимаешься на плоский хребет Мынджилки, взметнувшийся своими вершинами почти на три тысячи метров над уровнем моря. Надо пересечь колонии сурка Мензбира, а от числа колоний-семей можно перейти и к общей численности грызуна.

Мынджилки. Пулатхан, Караунгур находятся чуть в стороне от заповедника. Но с давних пор пошло и укрепилось правило, что заповедник отвечает не только за своих животных, но и присматривает-контролирует жителей соседних гор. К тому же интересно узнать, насколько повлияло на сурка хозяйствование человека, то-бишь пастьба скота, которой обязательно сопутствует браконьерство.

Барахтание в снежной каше надоедает, больше того – утомляет. «Идите сюда!» – зовет Абдухамид Абдиев. Он поделился с нами приобретенным опытом: лучше держит снег переметенный долгими зимними метелями, у козырьков, нависших над склонами. Ближе к ним мы и стали ходить, опасливо озираясь на свалившиеся вниз многотонные параллелепипеды, бывшие до недавнего времени снежными козырьками.

Новая напасть – туман. Впрочем, это облако окутало вершину, но для нас это туман.

Правая, левая, где сторона? По карте мы должны находиться в истоках Караарчасая. Но разве может быть бурливая, стремительная, в скальных тисках Караарча (а в низовьях она именно такая!) плоской, окруженной мелкими холмиками долиной с едва выраженным водотоком? С трудом сориентировавшись в тумане, мы всё-таки преодолели предубеждение: Караарча, как и прочие, стремительно падающие потоки, начинается с маленького ручейка.

Шарим биноклем по снежным полям. Должны же быть здесь сурки – местность позволяет! А вот и находка: из снежной толщи ведет нора сечением в двадцать-тридцать сантиметров. Это три-четыре недели назад сурки выбрались из зимовальной норы-убежища, испачкав снег у тоннеля своими грязными лапами. После выхода на поверхность они должны были кормиться, так что открывшаяся в пятидесяти метрах проталина оказалась как нельзя кстати.

Засаекаем с помощью прибора-навигатора координаты: широту.

долготу, высоту над уровнем моря — для последующих работ пригодится. Присматриваемся к проталинке. Она как сыр исколота дырами — летними норами. О глубине их говорят мощные бутаны-холмики выброшенного в прошлые годы из норы грунта.

На снегу сурки чувствуют себя неуютно: бегают, высоко задрав хвосты (этакие увальни!), тревожный крик от них слышится редко: может быть, за зиму чувство страха и тревоги притупилось. Матки уже разродились, но сидят пока вместе с молодыком в норах.

В снегу наткнулись на малое, до пяти сантиметров отверстие. Через него из норы, из снежной толщи выбрался на волю суслик, именуемый реликтовым. В десяти метрах от сурчиного отверстия на снегу расплылось кровавое пятно: не иначе беркут запорол когтями потерявшего за зиму осторожность сурка. Ключнул пару раз, добивая, и утащил добычу на сухие камни курума. А там очистил шкуру от мяса и костей и издырявленную бросил — в пищу ему не годится. Может медведь наткнется, доест.

Повторяя на другой день маршрут, на первом от табора подъеме наткнулись на свежие следы среднего по величине медведя. У этих зверей наступает горячее время: скоро гон, поэтому мишки бродят широко. Расплывшийся след годовалого пестуна едва разглядели у снежного козырька: видимо, матка отогнала его от себя на три-четыре недели. Но вот на обширной проталине прошла медведица с двумя молодыми отпрысками. Она или не будет участвовать в гоне или примкнет к «страдальцам» попозже. А пока для неё главное — накормить детей, то есть напиться самой, чтобы было молоко, и обучить медвежат, как добывать подходящий корм...

Приглядываясь в бинокль, как мы спускаемся после трудового дня, лавируя между скал и снежников, оставшийся на таборе сотрудник, Чинов Вахобиддин, обнаружил улепётывающего в скалы медведя. Он учуял нас за триста метров, мы же в это время разглядывали помет лисицы — сплошь трава, а медведя-то мы и не заметили. Чего понадобилось лисице на засыпанных снегом увалах высотой три тысячи метров?

Вблизи табора ночью крутились два взрослых волка — утром мы определили по следам. Что это — природное любопытство, присущее в той или иной мере всем зверям или же стремление поживиться (крепкий лошадиный запах раздражает)?

«Пулатхан- совершенно плоское место! Как такое может быть в горах?»- удивляются люди. Удивляются, надо сказать, напрасно. Эффект плоского места создается пограничными тысячеметровыми скалами – пропастями. Само же плато изрезано саями, хотя и непровальными, круто наклонено в одну сторону. Внутриземные катаклизмы привели к тому, что сверхтвердая порода куском выперла на поверхность, окруженная обычными, не стойкими к разрушению грунтами. За миллионы лет вокруг все большей частью смылось, осыпалось, испарилось. А его величество Пулатхан так и торчит, вызывая мистические настроения у досужих людей, гораздых на выдумку.

Твердость камней ощутима в прикосновении; поверхность вся в заостренных колючках, шипах, бугорках, без прокладки лишний раз и не присядешь – колется.

По единственной тропе мы взойшли на плато. Коль земная твердь не выветривается, значит, нет мелкозема, нет почвы, нет обильного травостоя. трава угнездилась ключьями, кусками, чаще по щелям и выемкам.

Кое-где торчали деревца арчи, кустики шиповника, таволги. В уплощенных ложбинах, где смыв не слишком чувствителен, была возможность накопиться мелкозему. Как признают специалисты, это мелкозем «внесемного», атмосферного происхождения: пыль нанесло воздушными потоками из других районов.

На местах, прикрытых тонкой корочкой мелкозема, встречаются сурки – они норные зверьки. Колоний на плато мало. Их гораздо больше в скалах, опоясывающих Пулатхан, здесь местами грунт рыхлый. А пустоты между камнями привлекательны для устройства нор. По-видимому, из приграничных скальных колоний черпается ресурс для подселения в колонии на самом плато. В суровые зимы сурки в неглубоких норах на плато вымерзают, и в последующие годы начинается новый цикл освоения. А пока что сурок весело бежит, задрав хвост и стараясь не скользить на крутых снежниках.

Яркие лучи весеннего солнца, отражаясь от снежной поверхности, напоминают, что количество неукоснительно переходит в качество: лица у нас побагровели, вздулись, глаза непроизвольно стали слезиться. Конечно, при продолжительной работе нужно будет принимать меры предосторожности, а пока что недельная работа

в высокогорье благотворно сказывается на здоровье: аппетит отменный, сон крепкий, сердце-мотор работает без перебоев.

В двух-трех местах нога, пробив тонкий слой снега, натывается на мягкий грунт. Да это же стоянка чабанов! И мягкость грунта обнаруживается на многолетнем слое овечьего помета. Из подтаявшего снега высунулся кусок кирзы — остаток сапога, камнями присыпана помятая чашка — обычный мусор кочевого быта чабанов.

А вот вещи посерьезнее: на каменистом склоне, нависшем над колонней сурков, выложена из камней балахона — засидка браконьеров.

Пройдет месяц, склоны и увалы покроются травостоем (на Пулатхане - реденьким), и закипит другая жизнь: блесание овец, топот табунов, дым костров. Сурки и другие звери лишатся покоя. Тем не менее, удивительно, что сурки держатся своих исконных угодий, лишь кое-где их население изредилось, заброшены самые ближние к человеку норы, заросли травой их бутаны. Хотя специалисты предрекали суркам «черную» полосу в жизни, выпуская статьи под зловещими названиями: «Стремительное исчезновение...», «Постоянное снижение численности...» и другие.

* * *

*Моторист заглушил двигатель, катер, убавляя скорость, по инерции прошел два десятка метров и мягко приткнулся носом в галечниковую косу, намытую за десятки и сотни лет Верхней речкой — Баштускаулом. Мы за минуту выгрузились и разбрелись по берегу озера. Катер затарахтел двигателем и поспешно направился в обратный путь.

Нам бы, конечно, свои дела стоило начинать после приема пищи. Но мои спутники — три паренька, помощники пчеловода — по молодости отличались беззаботностью, а мне отделяться от компании в таких вопросах как приготовление супа или чая, не пристало. — могло быть расценено как проявление неприличия. Я взобрался на пробную площадку, которую заложил в прошлом году на склоне, нависшем над озером, водная гладь подо мной засинела. Кое-где от ветра белели «барашки». Горизонт, обычно стиснутый ближними склонами и вершинами, над озером широко раздвинулся.

* Кыргызстан. 1971 г.

Спустя некоторое время, дымок костра позвал: «пора пить чай!» Пчеловоды сообщили как о большой любезности с их стороны, что изловили для меня сурчонка и посадили его в мой спальный мешок.

«Зачем?»- «Но ты же научник! Тебе изучать надо».

Я приблизился к своим вещам. Осторожно развернул спальник. Вещь была основательно измазана (я полчаса отмывал следы пребывания зверька), но сурчонок, конечно, убежал. Я обрушился с упреками на Кенеша – великовозрастного дылду: это он, по-видимому, изловил грызуна, хотя тот горячо отнекивался. Не далее, как два месяца назад он пытался изловить встреченного им взрослого барсука, накинул на него тонкую куртку, навалился своим телом. В результате был искусан хищником – и грудь, и руки. И всё-таки неймётся. Не допив чай, все разошлись расстроенные, взаимно обиженные.

Колонии красного, длиннохвостого сурка начинались в ста метрах от уреза воды. Сурки, приглядываясь к нам, непрерывно свистели, но в норы не уходили, занимались кормежкой. Малыши-сеголетки не столько кормились, сколько играли. Вот они, облапив друг друга передними конечностями, в борцовской стойке пытались повалить противника. Победенный увернулся от своего напарника и подбежал к взрослому сурку, по-видимому, матери докучать ей. Взрослый, не церемонясь, отпихнул головой детёныша. Затем уставился в сторону людей, для порядка издал тревожный сигнал: «Будьте бдительны!» И, не спеша, приступил к прерванному занятию – поглощать листочки трав.

* * *

*Солнце поднялось уже довольно высоко, когда мы, вчетвером отправились учитывать колонии сурка Мензбира. Спешить особенно некуда: на рассвете выпала обильная роса и держалась она до 10-11 часов. К тому же сурки по утрам малоактивны.

Охватив всю приречную террасу, мы реденькой цепью пошли вверх по Тереклисаю, высматривая бутаны – многолетние бугры грунта, извлеченного сурками из нор – и свежие выбросы из подновленных нор.

Вообще нор много, даже очень много, но не все нас интересовали. Вот три норы подряд, у одной, полуметровой даже дно видно. Это кормовые, или защитные норы, в них зверьки прячутся при близкой опасности. Если же опасность обнаружена достаточно далеко, зверек бежит в центральную нору. Она может быть летней семейной, а также выводковой. В наиболее капитально обустроенной зимовочной норе жилая камера расположена на двух – трёхметровой глубине – для тепла: входная нора, поэтому круто уходит вниз. Вот обнаруживается такая зимовочная нора. Но на бутане тропки едва заметны, набиты зверьками один, а то и два месяца назад. Надо разобраться. Перемещаюсь вверх на пятьдесят метров, натываюсь на свежие набитые тропки, которые сходятся к одной центральной норе. Значит, семья сурков несколько месяцев назад откочевала на новое место, а к осени, возможно, вернется в свою постоянную нору, где зверьки и погрузятся в длительную осенне-зимнюю спячку.

Лишь только мы вступили во владения сурков, сразу же поднялся свист. Сурчиные трели перекачивались волнами, так как колонии располагаются близко друг от друга. Одни сурки суетливо прячутся в норах, другие в отдалении стоят столбиком, зорко оглядывают окрест и непрерывно свистят. Иногда владения одной семьи: кормовые норы, тропы, метки на камнях – накладываются на собственность другой. Возникают конфликты («хвост трубой!»), но зато обмен членами семей, особенно молодыми, облегчен.

В отдалении пролетел, тяжело взмахивая крыльями, беркут. Крики сурков усилились. Всех дозорных смело в норы: с беркутом шутки плохи. На него приходится основная доля отхода грызунов. От ближней скалы спускается курум. Приглядевшись, я обнаружил на нем иссохшую, изорванную шкуру сурка с приклеившимися к ней отдельными позвонками – это остатки пиршества беркута. Он брезгает шкурой. Оставляет для лисицы, волка или медведя, хотя мощным клювом мог бы порвать и ислекать её сам. Видимо, здесь на осыпи или рядом с ней хищная птица и застала старого сурка врасплох.

Вечером мы подвели итоги. Все колонии оказались жилыми, заселенными, включая и те, что оборудованы недавно в бывших и ранее заброшенных норах. Так что и численность этого зверька

в верховьях Тереклиса, также как и в целом на Майдантальском участке заповедника, за последние двадцать лет мало изменилась.

* * *

*Волк рассматривал меня с любопытством, оценивая и без страха. То, что оружия у меня нет – это он сразу определил. В круге, выхватываемом десятикратным биноклем, уместились лобастая голова, мощная грудь и широкий кургузый зад. Признаки, особенно два последних, изобличали в нем самца. Хотя это подтверждается и не всегда.

Я не спешил, рассматривая и впитывая все черточки и краски зверя, который не склонен показывать себя людям. Хищник чуть попятился, на мгновение обнаружил малоподвижный хвост, спрятал туловище, сбоку камня осталась одна голова. Но вот и она исчезла.

Я стронул волка с места, где он пережидал августовский полуденный зной. Жара пришла и в высокогорье, перекрасив склоны в светло-коричневые тона. Для временного логова зверь выбрал сурчинную нору, уходящую под скалу. Основательно расширил её, выгреб кучу камней и мелкозема. Волк был одиночкой, хотя, возможно, иногда стая принимала его.

Среди выбросов я обнаружил старую почерневшую косточку сурка. Большую часть жизни сурки находятся под землей. Здесь рождаются, здесь, как правило, и умирают. Отдельных захоронений зверьки не организуют, но инстинктивно стараются избежать неудобств, поэтому своих покойников волокут в тупиковые отнорки, если грызуны сами перед смертью не забиваются в тупички.

Волк посещал колонию сурков не ради добычи, хотя при удобном случае хищник не преминет задавить зазевавшегося грызуна. Его привлёк широкий обзор, открывавшийся из-под скалы.

Сурки, откормившись за лето на сочных травах, пожалуй, уже застегли в спячку и с хищником не контактируют.

Разбираясь с волчьим логовом, я как-то не обращал внимания на остальные норы, на основную колонию. Три сурка всё-таки выбратись из норы на бутан. Я был прикрыт скалой, и они меня не заметили. Посторонние звуки, шорох шагов, тем не менее, до них долетал, и зверьки беспокоились, засвистели. Украсив голову

венком из подвернувшихся трав, я осторожно выглянул из-за скалы. Взрослый зверек с черной мордочкой и складками на брюхе возлежал на большом камне, два годовника беспрерывно вертели головами и посвистывали. Не думаю, что голод выгнал сурков из подземных жилищ, более вероятно была прогулка. Беспокойство улетучилось, сурки улеглись в ряд. Я настроился на долгое сидение, хотелось понаблюдать, как грызуны кормятся. Несколько раз я выглядывал, шарил биноклем по тропам, набитым в летнюю пору кормящимися зверьками – картина по-прежнему не менялась: три сурка в ряд не то блаженствовали, не то страдали от безделья.

А по весне и в начале лета сурки не в пример активны. Специалисты отмечают у них около сотни различных форм и элементов поведения. Защищая свою территорию, взрослые сурки жестоко избивают чужаков.

Сурки могут широко расселяться. Замечено, что они сбегаются в заповедник. В заповеднике сурок Мензбира приручен к верховьям крупных ручьев и речек. Иногда колонии – семейные участки жмутся друг к другу. Тревога, поднятая в одной колонии, волнами перекачивается на километровой полосе. Для устройства нор сурок предпочитает мелкоземный грунт. Но иногда селится у подножья скал, прокладывает ходы к пустотам под большими камнями. Поневоле закрадывается мысль, а не грызёт ли он камни?

Сурок Мензбира всегда находился под пристальным вниманием специалистов-зоологов, но, тем не менее, способен преподнести сюрпризы. То он стал избегать высокотравье, а в заповеднике, где не выпасается скот, трава при достаточном увлажнении вырастает в рост человека и выше. То отдаёт предпочтение солнечным теплым склонам. У сурка четкий внутривидовой контроль за размножением, почему-то молодняка всегда мало, ежегодная прибавка численности, даже в условиях заповедания, мизерна – такова его биология. Может быть, из-за этой биологической оплошности сурок Мензбира и попал в Красные книги государств, где он распространен. Простое сравнение с длиннохвостым сурком, менее привередливым к условиям жизни, встречающимся, например, в Сарычелеском заповеднике, говорит не в пользу сурка Мензбира – и в эффективности размножения, и в освоении новых территорий или в закреплении освоенных.

У.У.: Что делает заповедник для охраны сурка Мензбира^{*}

Ю.Л.: Установление заповедного режима на левых притоках Акбулакская (Майдантальский участок) несколько десятилетий назад — без сомнения радикальная мера, притормозившая деградацию сурка Мензбира. Но более половины численности этого редкого вида проживает и охраняется за пределами заповедника. Наши учеты на Мынджилки и Пулатхане подтверждают, что сурок пока держится. Но, как шагреневая кожа, сокращается ареал, уменьшается численность, снижается доля жизненно важного молодняка.

Уповать на чуть ли не ежегодное увеличение штрафных санкций за браконьерство, как показывает практика, мягко говоря, неконструктивно. Желателен комплекс мер, разработанных как для заповедника, так и на неорганизованных территориях.

ЛИСИЦА

*Тропить волка по снежной пороше — одно удовольствие: можно расшифровать всю его ночную жизнь.

Вот он экономичной рысцой неумоимо стелется по тропе, едва прикрытой снегом. Здесь его внимание привлёк шум падающего со скалы камня: зверь напряг мускулы, прыжком переместил передние лапы в сторону шума. На дальнем склоне черными тенями цепочкой прошли кабаны. И волк долго стоял, глядя в их сторону, «соображал» — следы заledenели и потемнели. У кустика курчавки снег примят, стебель приобрел желтый окрас и подернулся корочкой льда — это мочева́я точка, отметка о принадлежности территории волчьей стае, в которую входил и рыскающий волк. Рядом поскрёбы: волк энергично откинул задними ногами снег и мелкую сухую траву — отчего-то он пришел в раздражение.

Сбоку подошла тропа, на ней следы двух волков. Соединившись, звери не изменили привычного аллюра: они из одной кампании. Так что ни остановок, ни обнюхиваний не было. Часом раньше они разбежались, теперь соединились, потом снова рассредоточатся. В этом и заключаются волчьи охоты.

Чуть позже волков по их тропе прошла лисица. Она тропит более удачливых хищников, пробавляется остатками их трапез. Это только

* Узбекистан, 1983 г.

в сказках Лиса Патрикеевна хитрее, умнее волка: в действительности она – волчий иждивенец. Волки в случае успеха, залегают на отдых рядом с остатками добычи, окарауливая добычу. Хищники временами кидаются на расхитителей: ворон, лисиц. Впрочем, волк может сделать выпад и в сторону человека, если тот не вооружен: как правило, взрослые хищники моментально улавливают разницу – с оружием или без.

Лисица не питала особых надежд на своих благодетелей. Услышав шум полевки под снегом, она в прыжке уткнулась в куртинку бородача, резво поработала передними лапами, но ... безрезультатно. Под небольшой скалой, в выемке – следы кекликов. Лисица не поленилась, сошла с тропы и обследовала – обнюхала вкусно пахнущую пыль и мелкие перышки. Если волки идут ходом-ходом, не отвлекаясь и не отклоняясь от тропы, то лисица, кажется, занимается бесцельным времяпровождением. Лисьи следы, в целом повторяли волчьи, но отличались вычурностью и особой вольностью.

Под кустом лисица выгребла большую кость кабана. Летом кость была свежая, зверек, проходя мимо, останавливался, глодал, упивался мясным запахом. Теперь по старой памяти лисица обследовала кость. Но нет - косточка свежее не стала! Вновь вышла на волчий след.

Лишь под утро лисица, потеряв всякую надежду на волчий и свой успех, сошла с волчьей тропы и потрусил на пригревы, чтобы под кустом или крупным камнем провести в голодной дреме короткий зимний день.

* * *

*Как-то ранней весной я выбрался в Шавазикалонсай, что впадает в реку рядом с полевой базой. На солнцепечных склонах снег уже сошел: всходы травы, поблекшие за зиму, обрели упругость и изумрудную окраску.

Среди приземистых кустиков колючего миндаля издали заметил рыжее пятно. Бинобль приблизил – я рассмотрел: лисица! Что-то в её поведении настораживало: зверек передвигался медленно, сгор, как говорится, качало ветром, голова опущена, хвост волочится и весь вид безучастный. Несомненно, зверек больной. На значительной территории была зафиксирована чума плотоядных, и лисица,

* Узбекистан, 2000 г.

возможно, оказалась её жертвой. Я рассматривал, пока зверёк не скрылся за гребнем.

Вернувшись на полевую базу, я рассказал про мрачную встречу оказавшемуся на базе начальнику участка. Было принято решение: отстрелять.

На следующий день мы втроем, с ружьями полдня ходили по Нижнему Шавазикалону и в соседних саях. Но больного зверька не обнаружили. Ушел ли, затаился ли, а может мучения его подошли к концу?

* * *

Обогнув скалу, лисица вышла на обширную поляну. В уши ударила разноголосица сурчиных криков. Трели неслись с трех отстоящих друг от друга на сотню метров бутанов. Лисица затаилась за рослой, раскидистой травой – тараном. Мало-помалу сурки утомнились: кто со страху нырнул в нору, кто принялся за кормёжку. Прячась за камнями, стараясь быть незамеченной, лисица преодолела два десятка метров. Впереди показалась каменная осыпь – курум. Трава у курума зашесвелилась, на камни выскочил взрослый сурок. От неожиданности он даже не сумел прокричать сигнал тревоги. Лисица напружинилась и в два прыжка очутилась перед носом грызуна. Сурок не оплошал – он сам кинулся на лисицу. Та не выдержала: всё-таки по массе сурок почти равен ей. Сурок отбежал на край курума и, как ни в чем не бывало, принялся грызть стебельки трав.

...Лисица затаилась под кустом горца. Перед этим она распугала по норам три семьи сурков, поднявших заполошный крик. Минут через двадцать из норы осторожно выглянул взрослый сурок, прокричал и, хотя ничего не обнаружил, юркнул обратно в нору. Из другой норы осторожно вылез сурок. Осмотрелся и с оглядкой начал кормиться. Еще через десять минут к нему присоединились два сеголетка. Лисица приподнялась, напружинила мышцы. Сурчата отдалились от норы на четыре-пять метров. Пора! Хищник на одном дыхании проскочил до ближнего сурчонка. Тот коротко вякнул. Лисица прокусила ему грудку, и он умолял. Положив добычу под крупный камень, лисица продолжила охоту, но уже у другой колонии. Всё с точностью повторилось: вначале вышли кормиться взрослые грызуны, спустя короткое время – малыши. Хищник стремительно

бросился на сурчонка, и склад пополнился еще одним зверьком. С богатой добычей лисица отправилась в нору, где её ожидали подросшие лисята.

У.У.: Лисица относится к хищникам. Много ли вреда от неё другим животным, а если выразиться точнее, — ценным животным: птицам, копытным, крупным грызунам?

Ю.Л.: Набор кормов лисицы следует признать безобидным: падаль, мышевидные грызуны, часто встречающиеся пресмыкающиеся, насекомые (весной — жуки, летом — прямокрылые), нередки в её экскрементах остатки моллюсков и растений. Лишь отдельные особи специализируются на розыске птичьих яйцекладок, добывают молодняк сурков, им же приписывают косулят и кабанят. В вину лисице ставят стабильно низкую в заповеднике численность зайцатояла. Очевидцы утверждают, что, объединившись, 2-3 лисицы могут задавить взрослую косулю: всё-таки лисица остается хищником. Но мелкие зверьки, их детеныши, птицы и их яйцекладки — добыча попутная, а то и случайная. Конечно, вред той или иной группе животных от хищничества лисицы может оказаться весомым, так как зачастую она выступает как самый многочисленный из хищных зверей. А высокая плотность — предпосылка для возникновения и развития эпизоотий, которые могут перекинуться и на другие виды. Из-за многочисленности лисицы высока её конкурентная роль: она вытесняет перевязку — последняя считается редкой, и даже одно время была внесена в Красную книгу.

В охотничьих хозяйствах лисица нежелательна. В заповедниках — сходит за необходимый компонент экосистем.

СНЕЖНЫЙ БАРС

*Тропа, бойкая и ходовая летом, в декабре оказалась засыпанной глубоким снегом, лошади под всадниками, постоянно меняясь, торили её как обычную снежную целину. К вечеру добрались до озера. В домике, обитасемом летом, обосновались на одну-две ночи. Разожгли печь, приготовили ужин и при свете «летучей мыши» коротали зимний вечер за бесконечными разговорами.

Учеты численности крупных животных по снежной пороше,

* Кыргызстан. 1967 г.

даже в условиях среднегорья, всегда трудны, сопровождаются массой хлопот. В высокогорье же (а здесь впервые решили провести учетные работы) сложности удваиваются. Охотоведу заповедника пришлось приложить много усилий, опереться на помощь директора, чтобы мобилизовать лесников и научных работников на трехдневные учеты.

На рассвете учетчики парами разъехались по долинам-саям, впадающим в озеро. Так получилось, что лесник Эргеш Койчуманов оказался без напарника, но ему был определен ближний, с некрутым подъемом сай.

Пока лесник не спеша продвигался по льду озера к устью сая, вошло солнце. Как всегда, в такое время усилился холодный ветер с верховий. Эргеш зарядил карабин (на всякий случай!), перекинул его через плечо. Ветерок заставил глубже надвинуть шапку, упрятать подбородок в отворот полушубка. Он свернул в сай, но недолго поднимался на лошади по летней, мало заметной в эту пору тропе: пришлось спешиться.

На склонах громоздились скалы, темно-зелеными свечами вонзились в небо тяньшанские ели. На относительно ровном месте лесник завел коня под ель, сбросил с седла хурджин, ослабил подпругу, привязал накоротке. Не спеша, принаравливая дыхание, Эргеш выбрался по малозаметной тропе на гребень. Осталось совсем немного пройти до заранее намеченного наблюдательного пункта — к одиноко возвышающемуся камню-скале. В короткие минуты остановок для отдыха лесник припадал к биноклю, обшаривал склоны: снег, ели, голые кустарники, скалы — никаких звериных набродов на снегу, ни самих зверей.

Снежная пыль и легкий стук камешка, сорвавшегося с ближней небольшой скалы, привлекли его внимание. На уступе затаился снежный барс-ирбис, изготовившийся к прыжку, — так показалось человеку. Серовато-дымчатый окрас с густо разбросанными темными пятнами-кольцами — зверь на фоне скалы почти не заметен. Но хищника выдавал лежащий вокруг снег.

Всё произошло отработанно и почти автоматически: человек сорвал с плеча карабин, взвел, прицелился. По горам гулко прокатился грохот выстрела. Зверь забился в агонии, перекатился на край скалы, мешком рухнул к её подножью и затих. Лесник передернул

затвор, вгоняя в патронник свежий патрон. Держа карабин наготове, приблизился к барсу со стороны спины. Предосторожность оказалась излишней — зверь был мертв. Это был молодой полугодовалый самец. Следов других зверей по соседству не оказалось.

Эргеш взобрался на скалу, посидел минут пятнадцать, пытаясь продолжить наблюдения. Но волнение, охватившее его после выстрела, было слишком велико, чтобы заниматься обычной работой. Оставалось сходить за лошастью, нагрузить и вывезти ценный груз.

Вечером, собравшиеся в домике учетчики горячо обсуждали незапланированную, но удачную охоту. В объемистом казане булькала шурпа — похлебка из барсятины-ирбисятины.

У.У.: В данном случае была ли необходимость в отстреле снежного барса? Почему снежные барсы крайне редки в наших горах; что предпринимается работниками заповедников, чтобы сохранить и приумножить численность этого замечательного во всех отношениях зверя?

Ю.Л.: Разумеется, не ради мясной продукции отстреливали раньше ирбиса — и пятьдесят, и сто лет назад, хотя и шкуру специалисты признают малоценной.

В давние времена в забытый Богом горный край «спустили» по разнарядке депутата Верховного Совета — московского министра не то строительства, не то промышленности стройматериалов. Всё шло чередом: кандидат дал согласие баллотироваться, встречался с народом. Как бы оплачивая будущие депутатские радения и заботы, инициативная группа подарила запланированному слуге народа шубу из шкур снежного барса. Областной охотинспектор заинтересовался: откуда, так сказать, дровишки. Ему ответили: барсов ошкуривали еще во времена «белого царя», а вам, мол, по должности надо живыми зверями заниматься, а не лезть в скорняжное производство.

Вполне возможно, что лесник Сарычелеского заповедника Эргеш Койчуманов на самом деле «превысил пределы необходимой обороны». спутав позы нападения и затаивания любопытствующего молодого зверя, для которого это была первая (и, к несчастью, последняя) встреча. Если до хищника было бы достаточно далеко, то, возможно, стоило ограничиться выстрелом вверх. Ни ирбис, ни другие хищники никогда первыми не нападают на человека (как-никак царь природы!), и, только защищая себя, в редких случаях

могут нанести ему телесные повреждения. В ходу поговорка, не лишённая иронии: “Снежный барс почему-то нападает только на вооружённого человека!”

В выборе пищи ему также присуще определенное благородство: барс не ест падаль, не подходит к мертвечине. Замечательно, что история не упомнит случая, чтобы браконьер признался, что барса он отстрелял из корыстных побуждений: обычно убийство происходит при явном (на словах) нападении хищника. У какого судьи поднимется рука принять решение, обрекающее семью на бедность (а ведь иски даже в долларовом эквиваленте поражают обилием нулей), если глава семьи чудом и героически избежал растерзания кровожадным хищником?! Переписывается – и не единожды – акт, уменьшается размер иска. Все довольны, браконьер наказан, вот только статистика ирбиса страдает, но это же всего лишь статистика.

Редкость снежного барса, внесенного в Красную книгу, складывается не только из прямого преследования человеком. Все крупные хищники по своей биологии должны быть гораздо малочисленнее своих жертв, хотя бы для того, чтобы прокормиться, безбедно существовать. В нужный момент включаются популяционные механизмы, ограничивается размножение. Детеныши в семье ирбиса появляются не ежегодно, их 2-4. Замечено, что при многолетнем преследовании человеком приплод уменьшается до 1-2 детенышей.

Вынужденно занимаясь альпинизмом, совершая прыжки на добычу в 5-8 метров, ирбис проявляет незаурядную ловкость, но, тем не менее, часто подвержен травмам, что отмечают исследователи.

Если разобраться, то для своих жертв ирбис не столько вреден, сколько (пусть это звучит парадоксально) полезен. Отдельные пораженные чесоткой горные козлы дошли до такого состояния, что и двигаться не могут, и жизни не рады. Снежный барс, утилизируя по сути этот хлам, наводит чистоту в козлиных популяциях, хотя, возможно, и является невольным переносчиком чесотки, сам не заражаясь. Но «селекцией» ирбис не занимается, добычу караулит из засады, а при такой охоте случай решает все: больной ли козел набредет, здоровый ли.

При очень низкой численности ирбис может оказаться обреченным на вымирание, так как охотничьи участки каждой семейной пары или отдельной особи настолько обширны, что возможность встреч

исключается. Тут уж не до жиру (то-бишь селекции козла), быть бы живу!

Снежный барс из экологических причин и условий выше всего «ценит» защитные условия. Отмечено, что в недоступных территориях с обширной высокогорной зоной его численность возрастает. Пример тому – заповедники Гиссарский, Рамит.

В Башкызылской участке Чаткальского заповедника полвека назад ирбисы встречались и в среднегорье (правда, зимой), ныне по следам отмечаются только заходы в высокогорье с сопредельной территории. В таких условиях все меры, способствующие повышению численности ирбиса, на территории одного лишь заповедника, без распространения на соседние угодья оказываются неэффективными. Прорабатывается вопрос об увеличении площади заповедников, в частности – об организации межгосударственного заповедника (резервата) в верховьях рек Пскема и Кокеу.

Опыт показывает, что организация заповедников не всегда положительно и эффективно влияет на состояние популяции ирбиса. Гиссарский заповедник, имея по периметру границы подюжины населенных пунктов, может похвастать ресурсом ирбиса в 15-20 особей. В Майдантальском участке Чаткальского заповедника зафиксирована всего лишь одна семья – не то 2, не то 4 особи, хотя ближайший населенный пункт находится в 15 километрах от границы.

Чаткальский заповедник сильно “задолжал” этому зверю. Одно время фирменные бланки заповедника украшало изображение оскаленной морды ирбиса. Да и значки с изображением барса охотно разбирали посетители. Но у заповедника и другие задачи не менее важны. Главное для снежного барса – повсеместная охрана в местах его обитания.

РЫСЬ

*Рядом с Аркытом, единственным кыштаком в Сарычелекском заповеднике, к концу зимы, в феврале произошел осов снега. Это что-то среднее между лавиной и падением с обрыва снежной толщи. Снег сполз с голой скалы, но внизу произвел большие разрушения:

* Кыргызстан. 1970 г.

примял кустарник, сломал мелкие и крупные стволы магалебки, ореха, каркаса, боярышника, клена, яблони.

Вблизи поселка все эти поломки считались чуть ли не даровыми дровами, и лесник Анарбай Сапаров выпросил их у начальства для себя и соседа. Начальник участка безнадежно махнул рукой и не стал даже оформлять лесной билет – дело копеечное, тем более, что все идет в пользу своего работника.

С утра задувало, от ночи сохранился знатный морозец. Пробившись через глубокие снега, двое мужчин, чтобы окончательно не окоченеть, сразу же приступили к завалам с пилой и топором.

Временами, отвлекаясь от тяжелой работы, чтобы отдышаться, дроворубы осматривались вокруг. В один из отдыхов лесник обратил внимание на круглый след лапы: точь-в-точь как у кошки, но крупнее. В прошлые годы Сапаров неоднократно встречал следы барса-ирбиса, однажды чуть ли не целый день тропил его с охотоведом. Но барс даже зимой не спускается так низко из высокогорий. Приглядевшись внимательно, лесник определил, что следы принадлежат кошке поменьше – рыси.

Заинтересовавшись, лесник прошелся по следам. В густом кустарнике следы запетляли, пошли кругами: тут же появились глубокие борозды от кабаньего прохода, проломы снежного наста – это пыталась прыгать косуля, и допрыгалась! Темное пятно под развесистой орешинной виднелось издали. Сапаров напрямик подошел к нему.

По следам было видно, что рысь нагнала проваливающееся копытное, вскочила на спину и повалила своим весом. Кошка вначале кусала за шею, потом добралась и прокусила горло. Хищник был не слишком голоден, выхватил куски мяса в трех-четырех местах; грудная часть понравилась больше и поэтому была истерзана.

Нападение произошло прошедшей ночью, остатки не успели даже промерзнуть. Посоветовавшись с подошедшим напарником, лесник решил добычу забрать – самим пригодится! Если аккуратно обрезать, снять чисто шкуру, то мясо добытой рысью косули можно признать деликатесом.

Конечно, надо бы поискать звериную лежку: наверное, рысь ложилась на отдых поблизости от добычи, чтобы в следующую ночь продолжить трапезу. Хищник по своей привычке пытался закидать

остатки добычи снегом, но его под орешниной оказалось мало, и место трагедии отмечалось издали своей чернотой.

Одиночный след наводил на мысль, что охотой занимался самец. Самка обычно ходит с детенышами год - другой до следующего гона.

У.У.: Как же трудно приходится копытным. Если столько хищников: волк, снежный барс, медведь, а в Сарычелеке еще и шакал, рысь?!

Ю.Л.: Выше упоминалось, что и горным козлам, и кабанам хищники просто необходимы. Ощутимый вред поголовью косули наносят только волки. Вред копытным от кошек: снежного барса, рыси — ввиду их редкости совершенно не сопоставим с волчьим разбоем. Рысь весьма аккуратна к своим жертвам, добывает «по потребностям», а также для прокорма детенышей, коих в семье насчитывается один-три. Не трогает рысь молодежь кабанов — избегает стычек с взрослыми.

Лесники, инспекторы всех заповедников, где мне довелось работать, в своих дневниковых записях никогда не упоминали о встречах с рысью. Достоверна лишь одна встреча в Майдантальском участке Чаткальского заповедника, о чем поведал научный работник В.И.Машкин в 70-е годы прошлого столетия. И таким образом, все представления о рыси складываются из описания следов, остатков добычи.

В южных горных системах, бедных лесами, рысь вынуждена избирать для своего проживания безлесную местность. Так что рысь — настолько интересный в экологическом аспекте зверь, что ему простительны «шалости» с косулями, кектыками. Наоборот, в заповеднике необходимо всеми доступными средствами понизить конкуренцию других хищников (а это, в первую очередь, волки), обеспечить, если не процветание, то сносное существование столь редкому виду, как рысь.

БАРСУК

*Вечером, уже в темноте ко мне пришел Банспек, проживающий через три дома, на склоне горы. Заговорщицки оглядываясь, он сообщил, что принес мясо и вывалил из сумки довольно большую тушку барсука. Я знал, что летом жители Аркыта не страдают от

* Кыргызстан. 1969 г.

избытка белков животного происхождения (скорее, наоборот), поэтому поинтересовался, почему Баиспек сам не употребил зверька в пищу. В его ответе вплелись нотки досады: отец, придерживающийся давних традиций и канонов, запретил не только есть барсучье мясо, но и даже осквернять им посуду.

Следующим не менее важным вопросом было выяснение: откуда барсук? Впрочем, дня за два я видел, как Баиспек с палкой мчался за убегающим в гору барсуком. Не тот ли зверь? Баиспек ответил утвердительно. Дело в том, что хищник повадился в курятник, вначале выпивал яйца, потом пересгрыз глотку одной несущей. Баиспек три часа дежурил у лазового отверстия в загородке, появившемуся барсуку отрезал пути отступления, палкой стукнул два раза по темени, и вот – мясо.

– Да, пусть меня директор заповедника накажет! – несколько раз повторил свое оправдание вынужденный «охотник», однако с каждым разом проговаривал эти слова с меньшей уверенностью и с большим унынием, видимо, побавлялся.

Я заручился согласием Баиспека на то, что он откушает готовой барсучатины у меня дома. После этого приступил к разделке. Прежде всего, требовалось вырезать вонючую железу, угнездившуюся под хвостом рядом с анальным отверстием. Вовремя не удалишь – мясо окажется с непотребным душком! Врезав брюшко и не обнаружив прослойки жира, я не удивился: какой может быть жир в начале лета, когда звери питаются зеленой травой и водянистыми корешками?! Но зверек очень уж был худосочным и костлявым. Я глянул в пасть: всё ясно, вместо резцов – стертые бугорки, а в глубине вместо коренных зубов – закостеневшие дёсны. Да, годков барсуку было многовато!

Обмеры я не снимал, всё-таки добыча была не законная. Но в желудок решил заглянуть. Из взрезанного желудка чуть ли не кольцами вывалилась змея – слегка изжеванный, средней величины полоз. Видимо, барсук умудрился прикончить задремавшего на солнышке полоза.

В памяти почему-то всплыло глотание «кишки» для зондирования желудка. Эту неприятную медицинскую операцию однажды в недалеком прошлом проделал мой друг, и, волей обстоятельств, я при этом присутствовал.

Баиспек, узрев змею, моментально распрощался и выскользнул в

дверь. Мои домашние, редко отказывающиеся от мясных блюд, здесь выразили протест, начинающийся словами: «И как ты можешь...». Мои доводы, что люди (ну, не все люди, а представители некоторых восточных народов) употребляют в пищу не только барсуков, но и змей, не сломили их упорства. После трехчасовой кулинарной обработки барсучьи косточки мне пришлось обглаживать одному.

ЗАПОВЕДНИК

У.У.: Ваши, Юра-ака, кулинарные изыски оставим в стороне... Получается, что интересы заповедника и оказавшегося в его границах населения находятся в противоречии?

Ю.Л.: В течение многих десятилетий жителей Аркыта никак не могли организовать экономически: крестьянствование (дайканчилик) сменилось колхозом, который реорганизовали в орехосовхоз, затем появился лесхоз. Преобразование в заповедник прошло легко – сменили лишь вывеску. Объемы лесхозных работ остались прежними. Местные жители – прирожденные скотоводы: ими они и оставались в течение десятилетий, то есть летом пасли скот и косили сено, зимой это сено скармливалось скоту. И после организации заповедника по-прежнему выкашивались все луга, доступные для вывозки автомобильным и копытным транспортом. Более того, соседний совхоз начал выкашивать в заповеднике дополнительные площади, проведя туда дороги.

Заповедник стал выдвигать претензии: первая из них – зверей не трогать! Если кабан, барсук, дикобраз начинают дебоширить в огороде: олень, зубр, тот же кабан ломают посадки, медведь громит пасеку, лисица, барсук, шакал ловят домашнюю птицу, волк и медведь давят овец и телят – в ответ хозяин не получит компенсации. Но и мер в свою защиту предпринимать не имеет права. Всё это просто выливается в один затяжной, неразрешимый скандал.

Местные жители, оказались лишними, посторонними людьми на своей земле. Одно время, когда заповедное ведомство было богатым, выход из тупика вроде был найден: сдавай жилье, получай денежную компенсацию, перебирайся в какое-либо соседнее хозяйство. Сменилось уже два поколения, люди всё приспособляются. А заповедник – выжидает: а вдруг это само собой разрешится?

*Верхний Карангитун — это место, ограниченное крутыми склонами и скалами. Пологие увалы заросли орехами, яблонями, грушами, кленами и крупным кустарником. Туда я направился летним днем по делам.

Стою, отдыхаю после затяжного подъема, трудного, если учесть, что день был жаркий

Сухая трава на поляне всколыхнулась. На открытое место вышел барсук. Первое впечатление от этого приземистого толстого увальня — деловитость. Всё, что встречается, он тщательно обследует, обнюхивает: голова стелется по земле. С середины августа барсук жирует: короткими лапами вырывает клубни эремуруса, луковницы тюльпана, заглатывает личинок и червей, хрумкает ракушками, подбирает опавшие яблоки, рывком догоняет юрких ящериц, без всякой осторожности хватает за голову медлительных полозов, а то и ядовитых гадюк: в попавшемся на пути гнезде выпьет яйца или за один прием отправит в рот желторотых птенцов.

Осенью, когда начинают осыпаться орех, алыча, сочные плоды других деревьев и кустарников, барсук чуть ли не круглые сутки посвящает чревоугодничеству: в эту пору он едва волочит налитое жировыми прокладками брюхо.

При встрече барсук поражает погруженностью в свои думы и заботы. Впечатление такое, что зверек ничего не замечает, на грозящую ему опасность никак не реагирует. Такое прекраснодушие стоит порой ему жизни. Барсук бежит быстро (на ровном месте, а особенно в гору никакой спортсмен его не догонит), но с опозданием берет старт. Однажды перед идущей машиной дорогу перебежал средней величины барсук. Мы, сидящие в кузове, посмеялись над выскочившим из кабины механиком заповедника Семеном Голубевым: пока остановилась машина, пока Семен попросил сбросить ему из кузова вилы, пока он кинулся вслед за зверьком в надежде превратить его в килограммы мяса — того и след должен был бы простыть. Ан нет — через три минуты механик-охотник (он же браконьер) вернулся к автомашине, торжественно держа в руках тушку барсука, не включившего вовремя спасительную скорость.

* Кыргызстан, 1968 г.

Второго за этот день барсука я встретил на дне сая. Не долго раздумывая, он соскользнул в воду, переплыл ручей, выскочил на другой берег. Я ожидал, что он отряхнется по-собачьи, но зверек поспешил скрыться в высокой траве. Намокшая шерсть прилипла к телу, обнаружилась угловатая его уродливость: туловище «бочкой», расширяющиеся книзу ноги, приплюснутая голова с широкими синими «бровями» (по-кыргызски он именуется кашкулак – брови на ушах).

Пройдя километра четыре-пять по кругу, я наткнулся в кустарнике и на полянах еще на трех барсуков. Жара для них – не препятствие, хотя этот зверек считается ночным. Видимо, обилие калорийного корма после водянистой травки, что была в начале лета, заставило зверьков пересмотреть свой режим в сторону сокращения отдыха. На поляне кормились два кабаненка и поблизости, как бы не замечая их, барсук. Один из кабанят взъерошил загривок и, вытянувшись струной, кинулся на барсука. Со стороны могло показаться, что барсук на мгновение был ошеломлен («Вы что, мужики?!»), отпрянул в сторону. И тут, увидев меня, счел нужным удалиться и от психованных кабанят, и от человека – юркнул в нору, которая оказалась в десяти метрах.

В наступивших сумерках лес наполнился шорохом и приглушенным треском. Это на кормежку выходили звери крупнее: стучали копытцами косули, влезал на грушу медведь.

ЗВЕРИ

Прошедший в полдень дождь мне сильно навредил. Я ожидал на озере грузовик, чтобы на нем спуститься домой, в кыштак Аркыт. Видимо, дорогу развезло, и машина не смогла подняться к озеру. Похолодание, обычное после дождя, усилилось с закатом солнца.

Ждать не имело смысла, и я направился вниз по узкой тропе, сокращающей расстояние до кыштака по сравнению с дорогой чуть ли не наполовину.

Взошла луна, осветила блеклым светом скользкую тропу, и она стала выглядеть более проходимой. Крутые склоны чередовались пологими увалами, по которым вольно петляла тропа, – места знакомые, не раз исхоженные. Спереди, иногда сбоку тропы

временами раздавался шум, треск сучьев: от запаха человека и шума шагов торопливо убегали кабаны и прочая живность.

Верхний Тур-Арык открылся злаковой поляной. Поляна ограничивалась опушкой из кустарников, над которыми нависли кроны орехов. На поляне в блеклом лунном свете передвигались тени – паслись рабочие лошади. Обычно под вечер конюх Джакыб пригоняет табун, состоящий из десятка лошадей, в Тур-Арык, оставляет их на ночь без присмотра, а на утренней заре собирает, и лошади готовы под седло.

Но что это? Параллельно тропе, в двадцати метрах от нее на поляну выбрался выводок кабанов: матка и четыре-пять (в свете луны не разобрать) кабанят. Я приостановился, ожидая увидеть, какотреагируют лошади на появление кабанов. Да никак! Даже головы никто не поднял. Лошади и днем, и ночью «купаются» в кабаньих запахах, ночью часто с ними встречаются, так что можно говорить о почти приятельских отношениях. Я загляделся на кабанов, поэтому от неожиданности вздрогнул, когда сзади раздался мягкий треск. Резко обернулся: это дикобраз, держа курс на поляну, наткнулся на мои следы, забеспокоился, и на всякий случай, выразил тревогу, стопорив свои иглы. В лунном свете угольками блеснули глаза. Так и не распознав, что ему грозит, дикобраз – небольшая копыта, с шорохом удалился в лес.

Я сдвинулся с места, лошади моментально насторожились, подняли торчком уши. Кабаниха дважды ухнула, втягивая воздух, затем по своему следу увела выводок. Я миновал группу пасущихся лошадей, и мой запах, по-видимому, внедрился в ночной поток воздуха на равных с конским (хотя запах лошадиного пота – ой-ой, какой крутой и сногшибательный), вследствие чего в нижней части поляны забеспокоился еще какой-то зверь. По стуку копыт можно предположить, что это был косуля.

У.У.: Это же не значит, что лошади для заповедника, для его животных нейтральны?

Ю.Л.: Сенокосение – а сено готовится для лошадей – на новых площадях приводит к трансформации растительности: травостой облагораживается, снижается количество видов растений, но покрытие и масса могут увеличиться. Что касается выпаса лошадей (если их немного), то невозможно определить степень изменений от пастбы, потому что дикие копытные, да и некоторые грызуны

и хищники действуют в том же направлении. Считается, что «заповедный» дуг — это травостой, слегка истоптанный и в меру выеденный дикими животными. Так что лошади, если и вносят вклад в трансформацию растительности, то им можно пренебречь на фоне вреда, приносимого кабанами, а иногда — и мышевидными грызунами.

* * *

*Представление о богатстве жизни в ореховом лесу можно получить, побывав в нем сентябрьской ночью. В предзакатное время я загодя прихожу на место. Закатное солнце касается дальних гор, а в лесу, на дне сухого Бакайсая, уже сумрачная темнота. В сумерках прокричат тревожно дрозды, мягко прошелестит крыльями козодой, заунывно гукнет вдали неясыть, и снова тихо. В ночной темноте чернеют стволы ближних орешин, неясным пунктиром светлеет гребень горы, заросший алычой и барбарисом.

Первой нарушает лесную тишину, не выдерживая безделья, туркестанская крыса. Стремительным скоком прошуршит зверек по сухой листве, обильно устилающей почву в лесу после летней засухи. Шорох его прыжков вызывающе неуместен среди полной тишины. Но, прислушавшись, различаешь, что и в других углах леса крысы приступили к работе. Туркестанская крыса, одержимая инстинктом накопления, организует запасы в местах, которые кажутся ей наиболее подходящими. Из всех зверей, которых кормит ореховый лес, пожалуй, больше всех ореха уничтожает крыса. Численность её велика, да и в предприимчивости и трудолюбии ей не откажешь. Кабаны, например, к ноябрю перскачывают из леса на солнцепечные склоны, собирают плоды боярышника, роют луковицы — а крыса в лесу все выискивает, выискивает...

Но вернемся в ночной лес. В отдалении проскакал заяц-толай — каждый его прыжок четко очерчен, отделён от посторонних звуков. По набитой тропе простучала копытцами косуля, торопясь выбраться из глухого леса на закустаренный склон. И как обвал, как лавина — ночной лес наполнился треском: это кабанье стадо пришло на кормежку. Рассыпавшись под кронами, медлительные матки и юркие кабанята ворошат листья, ковыряют рыльцами мягкую лесную почву, смачно, с хрустом поедают орехи, чешут

бока о шершавые стволы деревьев. Трещит валежник, визжат подвернувшиеся под ноги взрослым кабанята. По склону спускается еще один крупный зверь. Сгибаются попадающиеся на его пути стволики алычи и боярышника, слышится уханье и сопенье. Одна из кабаних тревожно фыркнула, стадо замерло, немного погодя звери неторопливо затрусили вниз – подальше от секача-одинца. Секач ведет себя солидно: постоял, не спеша, со вкусом потерся о ствол дерева вымазанным в грязевой ванне боком, похрустел орехом, широко раскрывая пасть. Все это можно было установить по звукам, по шуму, который он издавал. Но сверху нанесло на зверя запахом человека, и от солидности кабана ничего не осталось: ухнул и, не разбирая дороги, выскочил на гребень, на мгновение темным пятном отпечатавшись на светлом фоне и исчез. Из-за шумного и поспешного кабаньего бегства шорохи на какое-то время прекратились: все звери в округе затаились, пытаясь разобраться в его причинах. Но вот не выдержала крыса – прошелестела по опавшей листве. По тропе, набитой человеком, скользнула лисица, решила было поохотиться на мышей или крыс, передумала: шаг в сторону от тропы – и загремят под лапами сухие листья, а вся дичь разбирается в лесных звуках, быстро определит, где безвредный кабан, а где подкрадывающаяся лисица. Не лучше ли попытаться добыть пропитание в кустарнике, на другом склоне?

ОХОТА И БРАКОНЬЕРСТВО

Наезжая изредка в кыштак Аркыт – центр Сарычелекского заповедника, я, естественно, интересовался «движением» его жителей: кто вышел на пенсию, кто переместился по должности, кто уехал... Нынешнее деятельное ядро в заповеднике в мою бытность – а работал я в Сарычелеке в конце 60-х - начале 70-х годов - пребывало в ту пору в возрасте дошколят. В Сарычелеке с работой сложно, «градообразующее» предприятие – заповедник, всякая неувязка с руководящими «товарищами» имела своим следствием переход строптивца в разряд безработных. Многие мужчины покидали на время Аркыт, свои семьи, нанимались в долинные хозяйства чабанами.

Для меня тем удивительнее было, что один из видных, работающих

мужиков (назовем его Арстанбеком) цепко держался за заповедник. Вернувшись со службы в армии, он перебивал на должностях помощника пчеловода, сторожа, лесника, лаборанта, сезонного рабочего. Удивления и сомнения мои как-то в беседе рассеял зоолог Григорий Бабака, долгожитель Аркыта: «Арстан пристрастился к браконьерству на оленя, круглый год имеет мясо». «А как же охрана или хотя бы соседи»? Гриша резко взмахнул левой рукой (правая рука у него суховатая): «У Арстана всё куплено-перекуплено!» Даже со скидкой на известную горячность и категоричность, видимо, в словах Бабака была доля правды.

Зверей завезли в Сарычелек с целью акклиматизации на заре существования заповедника. Сколько видов – сейчас уже никто не упомнит. Эту работу считали выигрышной: специалисты понимали, что довести Сарычелек до полного заповедания невозможно, так хотя бы на его базе организовать центр расселения ценных промысловых животных.

Часть завезенных зверей канула в неизвестность, часть прозябала не один десяток лет, некоторые же сразу показали себя и далеко не с лучшей стороны. Американская норка хищничала в водоемах, половиня рыбу, земноводных, а заодно – пресмыкающихся по берегам. Зубр задирает молодые деревья, объедает доступную листву с деревьев ореха, зимой «требовал» сена. Во все времена года зубры умудрялись ломать ноги на крутых склонах, среди валежии и камней. За ними нужен был глаз да глаз: содержался особый штат зуброводов. Но и они мало помогли делу, и поголовье этого вымирающего копытного неуклонно уменьшалось.

Олень поначалу был малозаметен, но затем набрал силу. Полуручные оленухи встречались в любимых ими урочищах. Себестоимость вселенцев оказалась настолько высокой, что первого браконьера, отдававшего оленины, сумели выявить и уличить в места отдаленные аж на три года. Со временем специалисты – разумеется, не те, что инициировали завоз – обнаружили, что с оленем вышла промашка. В давние, хотя и исторические, времена по всему Тянь-Шаню обитал марал. Завезли же, не разобравшись, другой подвид – европейского оленя. Федот да не тот! К оленям охладели, сняли с «сенного» довольствия, а после гибели оленевода Комельбая – его «закатал» рогами разъяренный самец во время гона – перевели в

разряд чуть ли не врагов заповедника, оконтурили места обитания аншлагами угрожающего содержания. Конечно же, в такой ситуации на браконьерские поползновения Арстанбека смотрели сквозь пальцы. Браконьер же к своему основному занятию относился серьезно и осторожно, никогда не хвастал успехами. Но и на наскоки задир не отвечал, отмалчивался.

У.У.: И что же, браконьерство продолжалось?

Ю.Л.: Это занятие затягивает: помимо материальной стороны, охота привлекательна и как занятие, стоящее для мужчин. В этом же Сарычелеке приезжие специалисты в короткий срок увлекались осенней охотой по зверю или рыбалкой (конечно, на сопредельной территории), жены их, скучая, нередко увозили своих благоверных через полгода.

В Сарычелеке прохладное отношение не только к оленю. Но и к кабану, наносящему вред растительности, и к ряду других животных. В давние годы очередной заместитель директора по науке, обуреваемый заповедным энтузиазмом, в один из темных осенних вечеров, выйдя на прогулку, наткнулся на возвращающихся с добычей браконьеров. Бригада охотничков-браконьеров состояла сплошь из работников заповедника, да не простых — титулованных. Скандал, после которого замдиректора — энтузиаст уже не смог наладить отношения с прочими работниками, закончился личным письмом в московский главк, которому непосредственно подчинялся заповедник. В скором времени и сам автор отправился в командировку в Москву. Беседуя с одним из специалистов управления, командированный сидел, как на иголках: «Когда же разговор коснется описанного в письме случая браконьерства?» Собеседник в конце концов вспомнил и о важном для приехавшего: «А чего вы там, в заповеднике кабана не поделили?» Такой оборот не устраивал правдоискателя. Проглотив горькую пилюлю, он не стал углубляться в тему, вкратце доложил, что всё хорошо, инцидент, мол, исчерпан.

ДИКОБРАЗ

*С трудом перепрыгнув набухший от снеговой воды Шавазикалонсай, я остановился, заметив множество следов зверей

* Узбекистан, 1986 г.

на тропе и примыкающей к ней поляне. Тропа-брод через ручей находились в какой-то сотне метров от строений полевой базы, где всегда присутствовали люди, откуда возносился дым от очагов, а временами выплескивались музыкальные волны из радиоприемников «гостей», не способных прожить и дня в тишине, без городского шума. На поляне чернели пластиковые трубы водопровода, несущего воду к полевой базе, в ручье укрылся простейший водозабор.

Сбоку тропы лежали останки дикобраза - ночной волкобой. Хотя и говорят, что ёж и дикобраз - добыча не по зубам хищникам, но голодный волк умудряется задавить неповоротливого грызуна, без меры надеющегося на свою колючую защиту. Как не остерегается хищник, иглы или их осколки попадают в его «стальной» желудок, шествуют через весь тракт и присутствуют в помете. Волку вреда они не приносят, также как и острые, довольно крупные кости, пропускаемые через кишечник. Похоже, что кости и колючки предпочтительны для волка.

Я пригляделся к останкам грызуна. Кожа дикобраза, если подходить строго, таковой и не является - настолько она рыхлая. Кажется, иглы начинают расти прямо из плоти. Мясо дикобраза, сероватое со стороны кожи, издает запах земли, погреба, поэтому добыча идет только на любителя. Но для грызунов и это можно считать достижением, так как лишь единичные из них удастанваются сомнительной чести быть съеденным человеком (белка, сурок, ондатра, нутрия, бобр, американская капибара да еще где-то на Филиппинах, на рисовых чеках тамошние жители устраивают коллективные охоты на крыс).

Дикобраз - сугубо ночной зверь. Зимой он и в зятяжные оттепели не решается выбраться из норы, всё время проводит в спячке. Придерживаются норного образа и молодые. Мне не приходилось встречать на кормежке маленьких дикобразиков. И вообще этот грызун довольно редок. Его следы, по размерам совпадающие с барсучьими (но пальцев пять), а также иглы встречаются на тропях в среднегорье не часто.

Звери, травоядные и хищные, в контакт с дикобразом не входят, наверное, считают его экзотическим. Возможно, для других зверей запах его не привлекательный: в жизни млекопитающих обоняние играет большую роль.

У.У.: Юра-ака, наверное, и для вас этот грызун выглядел в первых встречах экзотично?

Ю.Л.: Сознаюсь, первые встречи с дикобразом были явно не в мою пользу. Приступив к работе в Сарычелеском заповеднике, я, как и все «настоящие мужчины» маленького кыштака, осенью увлекался охотой, разумеется, за пределами заповедника. К тому же, заканчивал заочный курс в вузе и в скором времени надеялся получить диплом биолога-охотоведа. К рассказам «бывалых» относился свысока: то медведь влезает на дерево вслед за «оскорбившим» его человеком, то дикобраз пуляет при опасности своими иглами...

В одну из охотничьих ночей на тропу, где я стоял, ожидая кабана (откровенно: мне хватило бы и кабаненка), вышел дикобраз. Учувяв меня, он «сыграл боевую тревогу», то есть с шорохом приподнял иглы и превратился в небольшую копну. Прикинув, что дикобраз – тоже неплохая добыча, я включил фонарь, прицелился, насколько это позволили ночные условия, выстрелил. Дикобраз кинулся по тропе прямо ко мне. Я уж не помню, что промелькнуло за считанные секунды в моей бедной головушке. Когда до контакта с колючим зверем оставался метра полтора, я, не слишком осознавая своих действий, взмахнул стволами. Зацепил за морду набежавшего грызуна, он отвернул... и убежал вниз по склону. Ясно, что он на меня не думал нападать. По-видимому, одна-две картечины пришлось на задние «перья» – иглы. Они и придали ему ускорение. Зверь-увалень, не разворачиваясь, кинулся «сломя голову», по тропе. Наткнулся на охотника, может быть, оставил несколько игл. Теперь вам понятно, как рождаются легенды, охотничьи байки? После подобного случая с кабаном (а вот тут всё могло закончиться плачевно!) я усвоил правило: не стреляй по близкому зверю, если он головой направлен в твою сторону.

Что же касается экзотичности... Для большинства людей любой дикий зверь в природной обстановке (зоопарк – не в счет) выглядит по своему особенно: совсем не то, что собака на поводке, свинья в хлевушке, овца в отаре.

КУНИЦА

Сухие галечники по поймам рек и в устьях впадающих в них саёв можно считать непригодными для леса, для любого сколько-

нибудь рослого дерева. Малоземелье, подкрепляемое безводьем, в Таджикистане заявляет о себе агрессивно, и человеку приходится приспосабливаться, осваивать неудобные земли, которые не имеют ценности и спроса в других регионах. Лесхозы разводят абрикосовые сады, сажают тесными рядами белую акацию-робинию, два-три года посадки орошают капельным способом, завозя воду в цистернах.

В заповеднике Рамит в пойме реки Сардаи-Миёна кое-где красовались ровные ряды акации, посаженной в далекие дозаповедные времена. Летом, в жару деревья дают сквозистую тень, хотя под таким жиденьким лесным пологом редкий и низкий травостой выгорает в конце мая.

Голосистые иволги и пестро окрашенные райские мухоловки разнообразят искусственный лес. Иногда лесная соя устраивает гнездо на тонких веточках. Вполне вероятно, что в лесу держатся звери и крупнее, но их активная жизнь проявляется ночью. Так что человек может лишь догадываться, что происходит после захода солнца, какие лесные драмы скрывает ночная темнота.

В жаркий полдень мы втроем чаёвничали, разместившись под крайней акацией. Шумела река, легкий полуденный ветерок тянул над водой. Шум сверху привлек наше внимание. В кроне дерева, с ветку на ветку, не таясь, прыгал лохматый коричнево-бурый зверек с белым пятном на горле. Это пятно и длинный, «грубошерстный» хвост изобличали в нем каменную куницу. Удивительно, что куница по своей природе ночной хищник, передвигалась по деревьям днем и в непосредственной близости от людей с их разговорами и пышущим дымом костром. Зверек (хвост вздернут «морковкой») в прогулочном темпе, не обращая на людей внимания, взобрался на верхний сучок, спустился к середине кроны, ловко перепрыгнул на соседнее дерево и затерялся в сплетении ветвей и листьев.

Летом на гребнях гор встречается помет куницы – видимо, здесь есть тропы. Зимой присутствие зверька выдают удвоенные следы, задние – удлинённые. Как и другие хищники, каменная куница в дополнение к «плотской» пище (чаще это мышевидные грызуны, мелкие птицы) разнообразит свой стол растительной: грибами, шишкоягодами арчи, ягодами кустарников. Растительная пища преобладает с сентября до конца декабря. Арчевые «шарики» – чуть ли не основная пища и осенью, и зимой.

У.У. Куницы - родственники сибирского соболя. Насколько ценен

мех у каменной куницы, и имеют ли охотники, как и браконьеры, проникающие в заповедник, какие-нибудь виды на неё?

Ю.Л.: По мере продвижения на юг – мех пушных зверей обесценивается. Этот заметно даже на вселенцах с севера. А каменная куница – коренной житель наших гор. Тем не менее, хотя мех каменной куницы грубоватый, она в числе немногих видов преследуется человеком именно ради него.

В заповеднике куница чувствует себя комфортно, численность её в благоприятных условиях высока и её рост сдерживается, пожалуй, только запасами пищи. Если ранней весной пройти по снежному насту в арчевых редицах, то на один километр маршрута можно насчитать 5-6 следов, принадлежащих разным зверькам.

В заповедных экосистемах, где все должно быть подогнано, находиться в равновесии, роль куницы следует признать положительной: много мышей, полевок – она их уничтожает. мало мясной пищи – она переключается на шишкоягоды арчи, сочные ягоды кустарников, корешки, листья и плоды трав.

НОРКА

* Всплеск в ручье привлек внимание. После яркого летнего солнца казалось, что ручей, затененный раскидистой алычой, скрывался в полумраке. Почудился какой-то сдвоенный зверек: удлиненное, на двоих, туловище с короткими ножками, два горловых светлых пятна, но голова с парой глаз-бусинок почему-то одна. Приглядевшись внимательно, различил: одно светлое пятно – совсем не горловое, а беловатое брюшко лягушки. Её держала во рту норка. Лягушка слабо двигала лапками, и её поведение выражало: «Когда же кончится эта мука?» Внимательно оглядев неподвижно стоявшего человека, зверек развернулся и поспешно скрылся со своей добычей в корнях алычи – там, по-видимому, у норки был вход в подземное убежище.

Американский вселенец, норка, густо колонизовала горные реки и речушки-саи: тут тебе и рыбный и лягушинный стол; его можно разнообразить птичками и содержимым их гнезд, на худой конец, насекомыми.

В двух километрах от первой встречи мы отремонтировали мост:

* Узбекистан, 1995 г.

выравнивали быки, заменяли накат из бревен. Шумела по-весеннему река, перекатывая камни многими тоннами. Стучали топоры, летела в воду щепка. В короткую минуту отдыха Йигитали, молодой мужик, отхлебывая из пилы чай, указал пальцем в сторону моста:

- Смотрите!

Темно-окрашенный зверек быстро пробежал от моста к ближней скале. Он тут же вернулся, и пробежка повторилась. Наконец я разглядел: «Норка спасает свое потомство, переносит по одному детенышей». Временное или постоянное будет убежище под скалой, но подальше от шума, который наделал человек (шум реки ей привычен) и который её сильно напугал. Когда мы вернулись к прерванному занятию, норка перестала «челночить»: «Может людей боится, не показывается, может «груз» кончился?» - высказался кто-то. Лежа на бревнах перекрытия, несколько минут через щель присматривался к прочному основанию моста. Но ничего похожего на вход в нору не обнаружил: мокрый, серый бетон, мощные валы воды и только.

В акклиматизационном раже, который охватил и горные реки в середине прошлого столетия, ярко обозначилось желание работников, проводивших это мероприятие: «Добьемся успехов в акклиматизации-переселении, но за последствия не ручаемся!» Норка, достигнув в короткие сроки высокой численности, поубавила запасы рыбы в реках, а заодно и всякую живность, встречавшуюся по берегам. Наглядный пример бездумной переселки природы!

У.У.: Но есть же механизмы саморегуляции, о которых вы упоминали для других зверей?

Ю.Л.: Всё это так. Жизнь в водоемах бедная – норки мало. При встречах лисица гоняет, иногда давит норку: всё-таки она размерами крупнее. Но конкурентность норки ощутимо выше, и от этого страдают другие хищники, большие и малые.

За пределами заповедника, в бассейне горной речки Нурекатасая есть все условия для размножения и выживания земноводных. В мае в медлительных протоках, лужах и мелких озерцах множество «шнуров» с лягушиной икрой, чуть позднее – много головастиков. А вот лягушек и жаб «в возрасте» несопоставимо мало, хотя даже в засуху не все водоемы пересыхают.

Между тем, на любом погонном метре берега Нурекатасая

обязательно есть отпечатки — следы американской норки. Можно с уверенностью сказать, куда исчезает прорва корма — плоти лягушек и жаб.

ГОРНОСТАЙ

*Ташкура, как всегда, встретила нас приветливо: теплое, июльское солнышко, родник, заросший высоким дудником, а на обломке скалы, возвышающейся над тарановым лугом, тревожно верещащий сурок. Здесь, на Ташкуре, сурки подпускают почему-то вплотную. Если постоять табором суток двое-трое, молодые сурки совершенно безбоязненно подходят к самой палатке.

Мы с удовольствием чаевничаем. Лошади на привязи пасутся поблизости. Тихий стрекот несется от ближней осыпи—курума. Мой попутчик, Джаныбек, безмолвно ткнул пальцем в ту сторону: из-за камня нас разглядывал небольшой гибкий зверек. Верх темно-коричневый, горлышко и брюшко буро-белое — горноста́й.

Злость, с какой маленький зверек стрекотал, означала одно: «Убирайтесь! Здесь мои владения». Мы, ради любопытства, приблизились к куруму. Горноста́й, естественно, юркнул в расселину между камнями. У булыжника, где только что стоял зверек, никакой добычи не было (а мы предполагали, что хищник своим стрекотаньем отпугивал нас от неё).

- Наверное, рядом гнездо-убежище, — высказался Джаныбек.

Я ему возразил в том духе, что гнездо устроено в толще, в глубине курума, куда ведут пустоты и щели. Джаныбек нехотя отвернул лежащую сверху плиту. Нашим взорам открылось... гнездо, явно принадлежащее горностаю: выровненная поверхность без камней была выстлана высохшими шкурками грызунов. У шкурок недоставало лапок, головной части; некоторые превратились в узкие полоски-ленточки, у других сошла вся шерстка. Мы разглядели шкурки — останки сусликов, полевок и мышей. Полоска шерсти принадлежала пищеухе — в высокогорье этот зверек нередок. Одна из шкурок явно принадлежала землеройке (хотя откуда здесь в субальпийском поясе быть землеройке?). Ни один из хищников

* Узбекистан. 1983 г.

землероек в пищу не употребляет. Видимо, горностай задавил эту зверушку из «спортивного интереса»: все куньи отличаются кровожадностью. за сутки горностай, ласка или куница может уничтожить несколько десятков грызунов, пополняя ими свою кладовую или же просто бросая добычу при избытке.

И землеройка, и пищуха к грызунам не относятся. Но, в такие тонкости вникает только зоолог, точнее, систематик животных. Для хищника – горностая принадлежность жертв ни к чему. И он руководствуется другим: «Всё, что движется – обездвигить!»

Наша находка породила ряд вопросов. Отчего, например, гнездо устроено не в норе, а под камнем, чуть ли не на поверхности? У гнезда стрекочут обычно самки (самцы могут обойтись и без постоянного убежища). А детенышей в гнезде нет и, по ряду признаков, в этом сезоне не было. Какие-то причины не позволили самочке горностая организовать семью.

Укрепив каменную плиту на прежнем месте, мы пошли допивать чай.

СТЕПНАЯ КОШКА

* Однажды летом на меня, неподвижно сидящего под кустом алычи, в сгущающихся сумерках вышла степная кошка. Ветер тянул от зверька. Остановившись в трех метрах от меня, видя посторонний предмет, он пытался выяснить, что же это такое.

Я старался даже не моргать, и минуты три длилась наша дуэль рассматривания. Хищник походил на домашнего кота – такой же «усатый, полосатый», круглая мордашка, но отличала его кургузость, приземистость и какая-то дикость во взгляде. Да, такого не погладишь – вцепится! Так и не выяснив, что за существо находится перед ним, хищник, казалось, с сожалением во взгляде, мягко прыгнул и исчез в сумеречном лесу.

Степная кошка – ночной зверек. Днем его увидеть можно только зимой или поздней осенью. Летом свежие следы кошки, отличающиеся от лисьих тем, что она на ходу когти втягивает, можно увидеть на пыльных и песчаных тропках. В Башкызылсае у границы

* Узбекистан. 1985 г.

появились сородичи-конкуренты – одичавшие домашние кошки. Попад «на природу», домашние коты чувствуют себя бездомными. Для дикой кошки скалы, кустарники – родной дом!

ИЗ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ ЗАПОВЕДНИКА

*Гордей Гордеич любил носить галифе. Эта часть экипировки требовала в качестве дополнения сапоги, а также китель. Голову венчало громоздкое сооружение, именуемое форменной фуражкой лесника. Немудрено, что при таком туалете однажды в переполненном автобусе, еле-еле тащившемся по ташкентским улицам, его хватил тепловой удар, и он рухнул под ноги земляков-сокурсников по заочному обучению в техникуме. Те, естественно, всполошились: «Гордей Гордеич, что с тобой? Гордей Гордеич, очнись!» Женщина интеллигентного вида отодвинула их плечом, поколдовала открытым флакончиком у носа пострадавшего, пока он не пришел в себя.

– Вы что – якуты?

– Нет, мы – кыргызы! А почему вы об этом спрашиваете? – Мужики были настроены весело, обрадовались, что беда прошла стороной.

– Жару нашу не переносите, обличьем смахиваете, и имя, подходящее для якутов. Гордей Гордеич в действительности был Нарыбеском Дубанасвым. Старуха, у которой они остановились на время экзаменационной сессии, сделав несколько попыток произнести это имя, исчерпала терпение и решительно отрубил:

– Ты похож телом на моего знакомого, такой же плотный и задастый, и поэтому я тебя буду звать Гордеем Гордеичем. Имечко прочно прилепилось, и даже жена, забывшись, иногда обращалась к нему, переимав почему-то на сербский лад – Гордегордич.

В общем-то, ничего оригинального здесь нет: многие мусульмане склонны приписать себе, помимо официального, другое имя.

Злоключения с экипировкой у Гордея Гордеича на этом не закончились. Земляки решили отметить окончание сессии в приличном ресторане. Выстояв очередь у входа, они уперлись в неброского вида мужичонку, который оказался швейцаром и по совместительству вышибалой:

* Кыргызстан. 1965 г.

— Не велено пущать в таком наряде. — И кивком головы указал на сапоги-хромачи.

— Да в ваш ресторан почти голышом проникают!

— Это называется вечерний туалет. — Швейцар даже не взглянул на обнаженную спину дамы, приникшей к плечу своего попутчика. Парочка резво юркнула в зал, где томно звучала музыка. было шумно. накурено и, наверное, весело.

С упавшим настроением земляки пошли искать точку попроще, оправдываясь, что ресторанные цены для них неподъемные.

... В группе с Дубанаевым и другими лесниками мне однажды довелось совершить вояж по заповедной и сопредельной территории. От Гордея Гордеича требовалось повысить надежность штрафных документов на строптивых пастухов-нарушителей, отказывающихся подписывать акты: суд проявлял интерес и благосклонность к подписям уважаемых людей. Нарыбек же был и депутатом кыштаксовета, и председателем профкома.

Пока наша кавалькада поднималась к Улумакамалсаю, чабаны быстренько перегнали отару через гребень — из заповедника на выбитое пастбище. Мы подъезжаем к юрте, установленной на самой границе заповедника, чабаны безмерно рады гостям («Может барашка зарезать?»), разгорается скандал, но Дубанаева это не касается. Он заходит в юрту, усаживается на почетное место, хозяева должны развлекать его разговорами («Можно и барашка зарезать, но акт мы все равно составим!»). По заполнению документа Нарыбек с видимым удовольствием ставит подпись: «Присутствовал депутат такой-то».

Впоследствии на суде все дела прошли гладко, хотя пастухи и упирались: «Лесники заповедника у нас пять баранов забрали. Взятчики!» Судья посмеивался: «А зачем давали? Забирайте обратно!»

Покончив с нарушителями (они тут же, стоило нам удалиться, загнали отару на гребень-границу), мы решили проехаться через хребет, в сторону реки Чаткал. Со слов Дубанаева, в чаткальской стороне овцы совсем дешевые, есть возможность прикупить пару-тройку. Перспектива тащиться за тридцать километров, а потом подгонять овечек, совсем не устраивала, но возможность посмотреть новые места пересилила.

По пути встретился скальный склон, который постепенно превратился в скальный же обрыв темно-серого цвета с черными потеками. Лесники объяснили, что это легендарная скала «черный камень Аблетим», задействованная в нескольких кыргызских эпосах. И современники его не забывают: с другой стороны «камня» прослеживаются истоки реки Афлатун, соседствующей с заповедником. в низовье ее – крупный кыштак Афлатун, в нем базируется Афлатунский лесхоз.

Стена тянулась километров пять, поражая величием, высотой, крутостью. «Коджоджаш, где ты? Отзовись!» – крикнул лесник. По легенде славный охотник Коджоджаш погнался за легендарной козой Сур-ечки, которая завела его на вершину Аблетима, а сама исчезла, растворилась, как дым. Спуститься со скалы охотник уже не смог...

Вечер мы провели у пастухов-табунщиков. Отдыхали после дальней дороги, пили кумыс, щедро приправленный разговорами. Овцы, а цель нашего выезда из заповедника – их приобретение, оказались против ожидания дорогими. Ну что ж. и это хорошо – меньше хлопот.

Для ночлега, заботясь о лошадях, мы выбрали участок с сохранившимся травостоем. На другой день, еще затемно поднялись, начали собираться, седлаться: чаевку договорились сделать где-либо в пути. Дубанаев, присвечивая спичкой, обнаружил луковицу, выкатившуюся из моего хурджина. Впоследствии, уже в пути он дважды напоминал об этом славном деянии. Проехав полпути, то есть пятнадцать километров, остановились на чаевку. И тут обнаружилось, что Дубанаев оставил на ночевке аркан, мой аркан, выданный ему на время.

- Ты... ты, что наделал?! – Мой вопль першел в стон, а потом и в хныканье. От ярости я забыл оба его ходовых имени.

Дело в том, что роль аркана исполняла стропа от тормозного парашюта. В счастливую пору, когда неизбежность дембеля вырисовывалась со всей очевидностью, я с помощью друзей – солдат умыкнул стропу со списанного парашюта (родина простит за давностью лет и за мое откровение). Впрочем, со списанного ли?

Стропа, призванная затормозить сотни лошадиных сил, могла бы десятилетиями сдерживать рывки одной лошадки, и втайне я надеялся, что с этим арканом можно будет опровергнуть расхожее мнение: «Ничто не вечно под луной!»

Гордей Горденч сохранял невозмутимость. Для начала он поинтересовался, откуда у меня аркан столь экзотического вида, не украл ли я его? Затем — сколько времени вещь находится в эксплуатации? Поразмыслив, дал заключение:

-Десять лет — достаточный срок! Переживать не стоит.

Ну, есть же люди! Натворит что-либо, сделает мелкую пакость и пострадавший же у него виноват! По возвращении из поездки Гордей Горденч с показной торжественностью вручил мне кусок волосяного аркана. Но разве восполнишь горечь утраты?! Хотя время лечит: сейчас, по прошествии десятилетий память преподносит это как всего лишь досадный курьез.

* * *

*Как-то в давние времена я захватил с собой на полевую базу пятилетнего сына. Пока я вносил в домик, отведенный для трех-четырех сотрудников, снаряжение и продукты, малыш изучал сваленные в стройном беспорядке седла, хурджины, палатки, спальные мешки. Одна вещичка его почему-то заинтересовала: - Это чей спальник?

-Дяди Витуса, - буркнул я и тут же забыл. Сынок не забыл.

К вечеру за окошком раздалось: - Тхе-с, кхе. кхе. - Это заместитель директора Савич пришел скоротать вечерок. Из-за хромоты и запредельного веса каждый шаг ему давался с трудом и сопровождался придыханием. Прямо как при забивании кувалдой костылей на железнодорожном полотне.

Как всякий бездетный, пожилой человек, Савич питал ласку к малышне: - «Как на полевой научной базе испекли мы каравай». - пропел он. - Ну, как дела, Андрюша?

Малыш, приникнув к нисобъятному брюху Савича, решил раскрыть тайну, мучившую его полдня:

- Дядя Витус ночью писается ...

Савич, уловив возможность розыгрыша, моментально наострился (будьте уверены, мимо он никогда не проходил!):

- Да ну?! Не может быть?

- А я покажу.

* Узбекистан. 1978 г.

Взявшись за руки, старый и малый потопали в соседнюю комнату:
– Тхе, кхе, хе...

Малыш ткнул пальчиком в спальник, ладошкой прикрыл рот, как будто присутствовал при чем-то постыдном. А во всем виновата бутылка с маслом. Если сорвана крышечка, то в последующем хоть как ни закрывай–запечатывай – бумажным ли жгутом или кукурузной кочерыжкой, – растительное масло (а без него ничего не приготовишь!) сочится, разрисовывая разводьями и спальники, и плащи, и куртки, а, проникнув через ткань хурджина, орошает бок лошади, привлекает массу мух, и без того донимавших животных. У Савича (да и я не исключение) все вещи тоже в разводьях, но он не подает виду, заверил малыша:

– Непорядок! С дядей Витусом проведем беседу.

У.У.: Чем же завершился розыгрыш? И справились ли полевики заповедника с безопасной перевозкой жидкого продукта?

Ю.Л.: Не сыпьте соль на рану, Умидахон! «Разыграл» нас мой сынок. День был насыщен событиями, он, естественно устал. По моему недогляду, он влез в злополучный спальник, крепко уснул, ну и ... Утром явился хозяин, уловил тонкий аромат детской псинки и с порога закатил грандиозный скандал. Мы все сочли разумным разбежаться с базы по разным радиусам.

Время отсчитывало десятилетия; иных уж нет, а те далече. Сын, перешагнув черту, условно принятую за возраст зрелости, впал, тем не менее, в оголтелый идеализм: «Коль я себя помню с шестилетнего возраста, значит, до этой поры не было никакой жизни, не могло быть и случая со спальником». «Дядя Витус», он же (впрочем, к чему фамилия?), великий трудяга, жадный до жизни и в меру прохиндей, стал доктором наук, профессором и прочая, прочая. Правда, произошла эта трансформация в свое время (или несколько позже) и гораздо севернее наших мест. Коллизии давних лет, а, возможно, и сама жизнь в заповеднике ему видятся и вспоминаются в густом тумане.

«Заграница нам поможет!» Это ходячее выражение как никогда оказалось верным. Помощь пришла в виде пластиковой баклажки с навинчивающей крышечкой. Уж через нее никакой жидкий продукт не просочится. Исчезли и разводья с тряпья в обиходе полевиков. Знающие люди с уверенностью говорят, что спасительные баклажки

появились давно, но проникнуть к нам мешал «железный занавес», в коем повинны генералиссимус, старшина (а к концу жизни полковник) Карацупа и его легендарный пограничный пес Индус. Впрочем, политики до сих пор спорят, кто же виноват, что в нашей жизни все невпопад и невпротык...

Полевикам не зря выплачивают полевое денежное довольствие: они все двадцать четыре часа в сутки находятся на работе. Перевязать ли глубокой ночью лошадь, пристроив ее на новое место, или просто ее распутать, сготовить ли ужин в надвигающихся сумерках – все это входит в понятие «работа». Аппетит у полевиков отменный, к разносолам они не склонны, но готовить они, как правило, горазды – жизнь заставляет. «В семье полевика жена уступает ему в поварском искусстве» – это понятие бесспорное.

Кроме жиров (а в наших горах – это исключительно растительное масло), в поварской практике горных людей принят набор, который невозможно посчитать скудным: лук, картофель, морковь, макароны, рис, болгарская фасоль в банках (к сожалению, исчезнувшая), рыбные консервы – к сожалению, резко вздорожавшие; а у любителей пороскошествовать – кусок говядины, к которому мухи потеряли интерес: либо густо присыпанный солью, либо подвяленный.

Основной груз на лошадь – это, конечно, не продукты и не посуда. В холодное время преобладает одежда. Летом конь, наверное, испытывает облегчение: в хурджине явный недогруз, не берется с собой ячмень для лошади, иногда и палатка ни к чему, до минимума ограничивается теплая одежда. Но к продуктам точный расчет: столько-то будет закладок в казан плюс несколько луковиц и картофелин («на непредвиденные расходы»). Чаще всего промашка выходит с хлебом: в первые дни человек (работник!) за один присест, не замечая, одолевает полбуханки, потом эта мера приходится на день, а с зачерствением – буханка растягивается несколько дней. Если в компании преобладает чаехлёбы, хлеб с быстротой исчезает, и последние дни работы ложатся тягостными воспоминаниями. Иногда же, наоборот, сохшийся хлеб девать некуда (у мусульман к хлебу отношение уважительное и не принято кормить им лошадей) и он громоздится гирляндой лепешек каменной консистенции, а гирлянда – снизка на проволоке над столом в редко посещаемом кордоне.

Слухи, что работники заповедника живут подножным кормом (у воды да не напиться!) сильно преувеличены. Дичью живут нарушители: и в поле покушают, и домой привезут, а случается, и заявку со стороны выполняют.

То же самое и с рыбой. Создатель был явно не в духе, населив горные речушки малосъедобной и сорной рыбой (маринкой, чебаком, гальяном, пескарем), а в качестве компенсации сделал Арал чуть ли не самым богатым морем. Люди односторонне исправили эту оплошность, в считанные десятилетия уничтожили рыбное богатство, а за одним – и само море.

Если в Сарычелеке строгости с рыбой носят волнообразный характер: вчера – рыболовецкая бригада на озере, сегодня – полный запрет; если в Майдантальском участке Чаткальского заповедника на работников, батующихся рыбалкой, смотрят сквозь пальцы, то в Башкызылсайском участке нарушителям грозит закон. Представим такую картину. Утро, на берегу речушки у полевой базы прохаживается с удочкой метеонаблюдатель Казакбай, намеревающийся «убить двух зайцев»: скоротать время между сеансами наблюдений и организовать к обеду жареху. На скальном берегу появляется лесник Дала:

- Казакбай, прекрати ловить!
- Дала, не мешай! – у Казакбая начался клев.
- Предупреждаю: не лови!
- А иди ты туда-то и туда! – взорвался метеоработник.

Посыл в такие «области» требует возмездия и незамедлительного. Дала-ака достает бланк протокола о нарушении, сам размышляет: «Я его полугаю». Главный лесничий, к которому попадает заполненный, но не подписанный Казакбаем протокол, рассуждает иначе: «Пришло время Казакбая наказать, есть за ним и другие грешки».

Директор в те времена был из разряда «писарей»: ему некогда было руководить – все пишет, пишет. Руководством к действию считалась фраза, изреченная вождем: «Социализм – прежде всего учёт!» Лишь десятилетия спустя, выяснилось, что, помимо учёта, необходимо и делом заниматься, чтобы было что учитывать. В минуты директорского вдохновения главный лесничий подsunул на подпись документ, удостоверяющий, что метеонаблюдатель Казакбай – нарушитель. Дальше – больше! Выяснять отношения с

подчиненными. требовать добровольной уплаты штрафа и иска – ну кому это хочется?! Еще одна подпись директора. и документ уплыл в бухгалтерию. Казакбай, придя за получкой, с удивлением обнаружил уполовиненную сумму. Бухгалтер, к которому он обратился, с готовностью, вежливо объяснил, что мы де могли и более удержать да вот закон разрешает только половину. Между Далой и Казакбаем пробежала «черная кошка». А ведь когда-то считались дальними родственниками!

... Однажды властью директора три инспектора десять дней сиднем сидели на одном месте, временами обозревая в бинокль подходы к заповеднику. Обычный же стиль работы – переезды, патрулирование. Как они мне рассказывали потом по секрету, сидение им прискучило. Были прочищены ближние тропы, приведена в порядок полужемлянка-шалаш. На беду в том урочище в массе рос лук-матор – пищевой продукт, пользующийся спросом на базаре. Инспекторы играючи собрали сотни три пучков лука, с грузом отправили одного человека вниз. Несмотря на отдаленность, посыльный обернулся за три дня. Памятуя, что «левый» заработок должен в кратчайшие сроки «спуститься», порученец отоварился водкой. Сей зловредный напиток находчивые работяги несколько дней уничтожали на своем рабочем месте, перемежая возлияния игрой в карты. Отдельные детали «дежурства» выплыли («тайна трех никогда не останется тайной»), но руководство не решилось ворошить – слишком уж много нарушений сложилось в одну декаду. К тому же, кто-то к месту вспомнил старую истину: «Безделье человека портит!»

ЗАЯЦ-ТОЛАЙ И ДРУГИЕ

* Закончив к вечеру работу на пробной площади, я пошел напрямик к набитой, конной тропе. Хотя склон обильно прогревался и иссушался солнцем, на нем в изобилии прижились кустарники, торчали одиночные деревца жимолости, арчи, клена. Такое богатство деревьев и кустарников возможно на солнечном склоне только на больших высотах.

Из-под куста таволги-спирен выскочил заяц-толай рыжеватой окраски. Попрыгав зигзагами на своих высоких ногах, худощавый,

* Узбекистан, 1977 г.

если не сказать худосочный, заяц скрылся в мелком сале. Я минут пять сидел с биноклем у глаз, ожидая его появления. но заяц затаился.

Сама встреча толая. иначе песчаника, в сердце гор, в каком-то десятке километров от водораздельной линии Чаткальского хребта удивительна. Этот вид зайца распространен в пустынях. Одно из приспособлений к теплему климату – «демисезонный» рыжий или серый окрас, в том числе и зимой. Если в пустынях такая особенность выгодна, то в горах с длительной и многоснежной зимой песчанику приходится туго.

Заповедный режим почти не сказывается на численности зайца: и десять лет назад и двадцать встречи с ним редки. Впрочем, некоторые специалисты полагают, что высота здесь не причем (в некоторых высокогорных плато толай многочисленен). причина кроется в преследовании со стороны лисицы.

У.У.: А есть ли еще в заповеднике животные, которые чувствуют себя «не в своей тарелке» из-за больших или, наоборот, малых высот?

Ю.Л.: В последние десятилетия в Сарычелекский заповедник подкочевали снизу шакалы. Нельзя сказать, что они не чувствуют перспективы в своей жизни, хотя бы потому, что вред от них всему живому сопоставим с волчьим.

Подобную активность проявляют и пернатые вселенцы – майны («индийские гости» - невесело шутят орнитологи). Однажды в августе не успели мы раскинуть табор у ручья на высоте трёх тысяч метров, как появилась майна, по-хозяйски уселась на круп отдыхающего коня, стала что-то выбирать из шерсти и попутно распевать песни.

Противоположные стремления сократить свой ареал наблюдаются у сурка Мензбира: за последние двадцать лет сурки покинули свои колонии у границы леса и подались вверх. Специалисты полагают, что причиной их переселения может быть высокий травостой, развившийся в условиях заповедания, в отсутствии скота.

В Майдантальском участке медведи уже не совершают в середине лета марш – броски из высокогорья на созревающие плоды магалебки, яблони, жимолости в среднегорье. Плотность стала настолько высокой, что «свободных» яблонников-магалебников не осталось, и высокогорным медведям, чтобы не конкурировать со среднегорными собратьями, приходится довольствоваться

малокалорийной травянистой пищей. Тут уж не до жиру, хотя подкожный жир медведям ох как нужен на долгую зиму и период ранневесеннего шатания.

По весне косули поднимаются вслед за отступающей кромкой снега. В Майдантальском участке появившиеся после длительного перерыва косули не могут освоить огромную территорию, и численность их по годам возрастает слабо.

Много лет назад у нижней границы Башкызылсайского участка обнаружена степная гадюка. Горные склоны и в заповеднике, и вне его поросли одинаковым колючеминдальником, а вот рептилии почему-то не могут перебраться через невидимую границу и размножаться в самом заповеднике.

ЛЕСНАЯ СОНЯ

Однажды на маршруте, присматриваясь к травянистым и кустарниковым растениям, я наткнулся на кучку изгрызенных диких яблок. Поднял голову: прямо перед глазами в развилке сучьев закреплено шаровидное сооружение из веточек, травы и листьев, в диаметре этак сантиметров двадцать, в котором я признал гнездо лесной сони. В гнезде, возможно, были детеныши, так как у сони в теплый период бывает несколько пометов. В этом же гнезде соня устраивается на долгую зимнюю спячку. Отдельные особи травяное гнездо рассматривают как дачу, а зиму проводят в норе или в дупле дерева.

Я присел в сторонке, стал наблюдать. Хозяйка не замедлила явиться. Перепрыгивая с ветки на ветку: «подруливая» длинным хвостом, украшенным реденьким волосом, она покружила вокруг своего дома, как бы спрашивая: «Чего тебе надобно, мил человек?»

Зверек достаточно привлекателен, чтобы за ним закрепилось нежное имя: у тюркских народов соня – Олмахон (Алмахан) – Яблочница – распространенное женское имя.

В отличие от других грызунов, лесную соню – олмахон нельзя признать пищевым конкурентом человека или домашнего скота: летом она питается преимущественно насекомыми, может закусить зазевавшейся мышкой или беспомощным птенцом.

У.У.: Часто ли встречается лесная соня в заповеднике?

Ю. Л.: Несмотря на усиленное размножение (а в помете у нее от 2 до 6 маленьких и голых сонов), этот зверек в лесах и кустарниках малочисленен. Видимо, врагов у сони много, и они не дают ей достичь численности уровня мышей, полевков, слепушонков. К тому же, популяционная регуляция, возможно, более жесткая: «Лучше меньше, да лучше!»

ЗАПОВЕДНЫЕ БУДНИ

*Осенью на дальний участок заповедника Майдантальский – работники выезжают большой группой. Нужно провести учеты численности копытных и хищных зверей на маршрутах: требуется отсосать шлангом и замерить накопившуюся за полгода дождевую воду из суммарных осадкомеров; расставить давилки на линии и за пять дней набрать необходимое количество ловушко-суток.

Численность мышей и прочей мелочи (общее название – микромаммалии) учитывают на постоянных линиях дважды в год – весной и осенью. К давилкам прикрепляют приманку, настораживают их, расставляют через четыре-пять метров. Каждого погибшего в давилке зверька замеряют, вскрывают, точнее, взрезывают, и по величине добычи и по состоянию органов репродукции – по матке, семенникам – судят о численности и о тенденциях ее на будущее. Работа эта отлажена до мелких деталей, потому что микромаммалии по количеству превосходят другие группы зверей, а для зоологической науки требуется массовый материал: легче обрабатывать, выводить достоверные закономерности.

Работу по ремонту и снаряжению давилок обычно выполняет техник-охотовед Анатолий Погребняк. В этот заезд он что-то замешкался с ремонтом, в помощь взял инспектора Хусана Сайдадиева. Показав ему места установки, наладив с ним десяток давилок, он отбыл обратно на кордон продолжить ремонт. В последующие дни инспектор выезжал на установку в одиночестве.

- Работы в этом году ощутимо прибавилось, - размышлял Анатолий. - Не успеваю делать вскрытия.

Но, поехав на установку в последний – пятый день, ужаснулся:

– Хусан-ака, ты почему мышеловки расставляешь не там где положено?

* Узбекистан. 1983 г.

– А я думал, что тебе требуется больше мышей, поэтому расставлял давилки у валежин и рядом с копнами сена.

Три копны заготовленного на позднюю осень и раннюю весну сена сослужили роль кладовок для лесных мышей и загрузили работой охотоведа. Пришлось работу переделывать.

На четвертый день второго «сериала» обнаружилось, что приманку в давилках – кусочки вымоченного в масле хлеба, – а также попавшую в ловушку добычу съела лисица. Ее следы от давилки к давилке четко просматривались на мелкозем.

Среди животных, охочих до приманки, раньше отмечались кабан, барсук, ворона, дрозд. Звери, тронув насторожку и почувствовав щелчок от дуги капканчика, крутили головой, давилка летела в сторону на несколько метров – приходилось ее искать. Птицы при контакте с давилкой лишались жизни.

На пятый день о ловушках и мышах думать не пришлось – вывалил снег толстым слоем прикрывший до весны все ловушки.

Патрульная группа инспекторов уехала в объезд, другие учетчики прямо с маршрутов завернули домой, в Кумушкан. Анатолий с Хусаном остались на кордоне – пришлось ждать хорошей погоды.

Чтобы наказать лисицу и отвадить ее в следующем сезоне от поползновений на легкую добычу (лисица несколько лет крутится на одном месте, на своем охотничьем участке), Анатолий за короткий световой день соорудил увеличенную давилку: накрутил пружину, из толстой проволоки соорудил било, затем хитроумную насторожку в виде ступеньки для лисьей лапки – и все прикрепил к массивной вытесанной плахе. Утром обнаружили, что лисица короткое время барахталась в ловушке, пока не освободилась от металлического прута, зажавшего шею. Не желая больше испытывать судьбу, лисица на махах ушла подальше от давилки и от непонятного сооружения, чуть не лишившего ее жизни.

* * *

У.У.: Наблюдались ли раньше в заповеднике вспышки численности мышей? В литературе часто описывают перемещения массы зверьков и как будто без всякой причины.

Ю.Л.: Бог миловал! Видимо, кормовая база в угодьях заповедника не позволяет увеличить численность мелких грызунов в короткие сроки. Взрослые особи страдают от мелких и крупных хищников,

большой отход наблюдается в ювенальном, младенческом возрасте. Даже некоторые волки весной, в узкое для них время переходят на питание мышевидными грызунами, и все это достаточно четко отражается в волчьих экскрементах. Много мышинных зародышей рассасывается в матке, что подтверждается следами-пятнами на ее внутренней поверхности при вскрытии. Как правило, землеройки, самые мелкие из млекопитающих, в меню хищников не участвуют – запах и вкус не тот. В отловах преобладают лесная мышь, полевки, обыкновенная и общественная. Зимой полевки выедают пятнами растительность под снегом, прокладывают ходы, также лишённые растительности. Еще более заметны следы деятельности слепушонки, которая выбросы земли из нор укладывает под снегом в виде валиков, сохраняющихся до середины лета.

В высокогорье под навесом каменных плит иногда попадаются копешки – до килограмма – сена. Это работа пишухи (по другому названию – сеноставка).

БРОДЯЧИЕ СОБАКИ

*После дождя, - а в мае дожди часты – на тропе четко отпечатались следы проследовавших по ней зверей. Я успевал заносить в карточку: лисица, еще лисица, дикобраз, барсук. Приглядываясь к небольшим кругляшам следов, появившихся на тропе, я стал в тупик: не лисица, но и не волк. Привлек на помощь едущего следом лесника Парду. Тот разглядывал след не более трех секунд: «Так это же две собаки пробегали!»

Я тайне принялся себя укорять: «И что же это я обмешурлся!? Собачьего следа не взял...». Оправданием могло быть, что собаки все-таки – не дикие звери, их следы в заповеднике встречаются крайне редко, я же надеялся на встречу иных следов, ставших мне привычными.

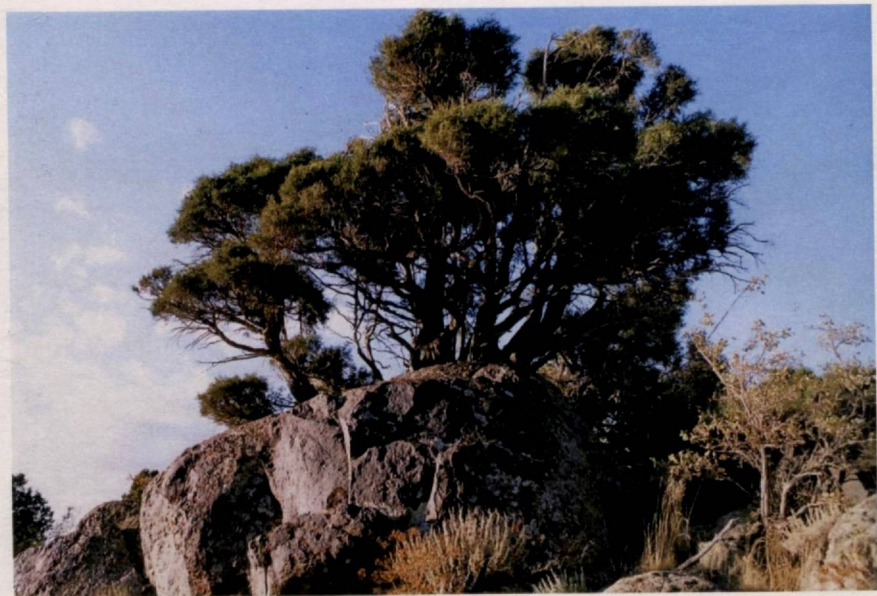
Лесник между тем продолжал: «Я этих собак два дня назад видел, отсюда в двух километрах».

- Что могут делать в заповеднике голодные звери? – Парда-ака как бы отвечал на мой безмолвный вопрос. – Ищут пропитание: там барсук задавят, а там найдут остатки волкобоя, не погнушаются, обглодают кости после волка, грифа, вороны, лисицы. Скрадывать

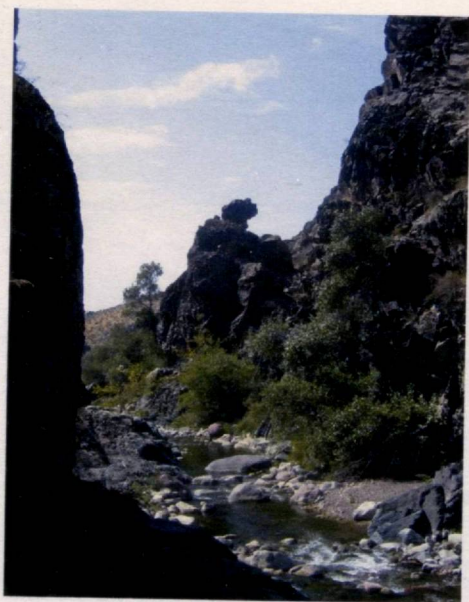
* Узбекистан. 1978 г.

Субальпийский луг

Арча

Летом мало воды

Среднегорье

Среднегорье

Высокогорье

Среднегорье

Инспектор З.Салимов:
«Докладываю обстановку»

На горе Такали.
Высота 2778 м.

кабанят бояться, у них свирепая мама-защитница, а вот кеклика из гнезда вместе с яйцами слижут.

Собаки, прижившиеся в заповеднике, - это беда для всего живого. Они не только хищничают: домашние животные - инородный элемент на территории с заповедным режимом. Об этом я, конечно, знал, читал об опыте борьбы с этим злом. Только у нас в Башкызылсайском участке собаки не поселяются, а действуют набегом, кормятся, распугивают все вокруг, и возвращаются в кишлак или на одиноко стоящую ферму, где они и квартируют.

- Зачуяли нас, догадались, что про них разговор идет. - Пардаака показал рукой: впереди по склону, заросшему приземистым шиповником и вишенкой, мчались две собаки. И хотя псы были в недосыгаемости для прицельного выстрела, все-таки лесник снял с плеча карабин, вогнал в патронник патрон, а мне подмигнул: «Может быть, и на нас выскочат!»

У.У.: Неужели нельзя перекрыть собачьи пути в заповедник?

Ю.Л.: Эти собаки не бродячие, а пастушеские, точнее караульные. Со щенячьего возраста, они рыскают в угодьях, пытаются прокормиться на подножном корму. Однажды на наших глазах собака из выпасающейся рядом отары задавила в течение десяти минут двух сусликов, проявив незаурядное проворство (мы по делам выехали за пределы заповедника). Всяческими положениями и установками определяется, что караульные собаки, а их работа - ночное окарауливание гурта или отары - должны находиться на привязи. Требование это не выполняется, я не видел, чтобы на выпасах свободу собак ограничивали цепью, загородкой или хотя бы ошейником. Некоторые псы в своем хищничестве заходят настолько далеко, что переключаются на домашний скот. Таких «скотинников» незамедлительно отстреливают. Даже кости караульным собакам стараются не давать, ограничивая их рацион в неделю два-три раза похлебкой-агалой из низкосортной муки самого грубого помола.

СУСЛИКИ

*В конце апреля - в мае весна по-настоящему разворачивается в высокогорье: бегут ручьи, оседает снег, соединяются между собой

* Узбекистан, 1978 г.

проталины. Лишь пригребневые надувы и лавинные снежники будут белеть еще полтора, а то и три месяца.

По склонам далеко разносится кукование кукушки, вроде бы неуместное над снежными полями. Неусидчивость и веселый нрав каменки-плясуны, недавно прилетевшей из теплых зимовок, подчеркивает белое «зеркальце» нахвостья.

Мы едем-спешим по своим делам по Актактаю. Его уплощенную поверхность кое-где пререзают выходы пористого белого известняка. На сформировавшейся тонким слоем почве травянистые растения бледные, хилые, низкорослые.

Такие места весьма подходят для сусликов. А вот и он, затеял форменную драчку с каменкой-плясуньей. Птичка пикирует, того и гляди, пустит в ход клюв, зверек зубами и передними лапами старается зацепить порхающего пришельца. А все из-за жилья: каменка выст свои гнезда в норке; для суслика нужны не одна, а добрый десяток нор, где он спрячется от врагов, отдыхает, пережидает летнюю засуху, выводит потомство, спрячется от зимней стужи. В этом серый зверек напоминает сурка, в колониях которого он беспрепятственно проживает, делит с ним и корм, и кров. Но иногда сожитель становится назойливым, и сурка охватывает агрессивность. Так однажды, на глазах у наблюдателя, сурок перекусил суслика. Впрочем, сурки и между собой иногда затевают драки — пыль столбом. Однажды я долго разъяснял парнишке — школьнику, устроившемуся на лето на работу в заповедник, что это за зверь — суслик. В конце концов он сделал вывод: «Суслик — это братишка сурка».

От хищников: волка, лисицы, медведя суслику — сплошные беды из-за его неосмотрительности, отсутствия коллективизма, мелких нор (лень копать!), любопытства, страсти к путешествиям. Сурок, конечно, не такой. Зато суслик выживает числом. Иногда он настолько многочисленен, что составляет ощутимую кормовую конкуренцию домашнему скоту, портит пастбища: подсчитано, что суслик в сутки потребляет не менее ста граммов зеленой пищи. Но с другой стороны суслик довольствуется корешками и луковницами растений, которые во всех частях содержат ядовитые вещества. Наиболее известны и заметны из них — тюльпан, лаготис, гусиный лук. Копанками суслик иногда оголяет большие площади. Никто не отрицает, что лаготис — злостный засоритель субальпийских лугов, в том числе и в заповеднике. Неясно, как бы сложилось соотношение

среднетравных лугов из типчака, герани и лаготисовых лужаск, не будь здесь поселений суслика.

.... В конце августа плато Актактай выглядит безжизненным. Побурела и съезжилась от засухи низкая трава, оголив белые камни известняка. Ушли в спячку взрослые суслики. Лишь иногда из-под копыт коня выскочит безголосый молодой суслик, прошмыгнет в первую попавшуюся норку. Как-то внезапно исчезли пернатые хищники: коршуны, луны, пустельги, – промышлявшие все лето суслика. Лишь многочисленные стайки рогатых жаворонков кормятся семенами бодяка и кузинии. Улетела и враждующая с сусликом каменка-плясунья.

Замечено, что в заповеднике, в подходящих угодьях суслик уменьшается в числе, не вынося высокого и густого травостоя. Плохо это или хорошо – у природы на этот счет свое мнение.

ТУРКЕСТАНСКАЯ КРЫСА

Редко посещаемый кордон в устье Зимнаная встретил нас безлюдьем, затхлостью и густым крысиным запахом. В последнем виноваты случайные туристы, забредшие на кордон: ночью оставили на часок дверь открытой. В результате крыса проникла в помещение, поселилась в железной печурке и после ухода туристов искромсала ватные матрасы и поролоновые подушки – прекрасный материал для гнезда – и ушла, прогрызши в уголке двери подходящую дырку.

– «Чтобы я с крысой жил в одном доме – да никогда!» – кричал охотовед. – Сегодня же ночью отловлю капканом. Пусть напоследок попляшет «танец смерти»!

Он несколько искажал картину. На чердаке проживали не одна, а несколько крыс. ночью они устраивали нечто вроде хоккея – потолок гремел от их беготни.

Настроить волчий капкан без всякой его обработки – дело двух минут. Два кусочка хлеба, вымоченные в масле, – деликатес для грызунов – подвесили на проволоке, внизу – настороженный капкан. «Деликатес» достигаем, если крыса вытянется столбиком в стойке. И все это на настороженном капкане.

Утром охотовед с торжеством показал добычу – крысу, величиной чуть ли не с зайца. Из продырявленного брюха выпирали кишки.

Это был не первый случай крысиного разбоя в жилье человека.

— Почему не боретесь с крысой? — вопрошал директор заповедника.
— Я вам сделаю денежный начет за порчу госимущества. Ну и что — здесь заповедник! Если потребуются, я организую, хотя это и смешно. лицензию на отлов крыс, как какого-нибудь снежного барса.

Директор настаивал на принятии мер, хотя прекрасно понимал, что вместо отловленного зверька придут из кустарника и осыпей другие крысы.

Туркестанская крыса — лесной зверек. Запасливость — основная черта ее характера. Если есть урожай грецкого ореха, крыса может заготовить до десяти-двенадцати килограммов отборных плодов, ссыпать их на хранение в сухое дупло или в пустоту между камней, куда и капелька воды не проникнет. Нет ореха — крыса готовит косточки плодов урюка, боярышника, магалебки, не гнушается семенами — семечками яблок, кизильника, груши. На лесных питомниках, «вычислив» простирание рядка, может оставить лесхоз и без семян, и без саженцев. Способность к размножению удивительна, в зависимости от наличия корма принимает на вооружение как арифметическую, так и геометрическую прогрессию. Нередко проявляет хищнические наклонности; защищая свою жизнь, может обратить в бегство и лисицу, и собаку. В период гона нередки драки между самцами.

УУ.: И стоит ли такую, мягко говоря, тварь охранять в заповеднике?

Ю.Л.: Что ж, для человека она действительно чужая: и без нее в хозяйстве, основанном на использовании ресурсов природы, забот хватает. Но в природе другой расклад: все связано, все нужно. Наблюдения показывают, что крыса пластична в размножении, строго контролирует свою численность. Негативное отношение навечно крысой-синантропом, обитающей рядом с человеком — пасюком. Туркестанская крыса — зверек со своими повадками и запросами, хотя, соприкасаясь с человеком, вредит ему безмерно.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

* В январе о тепле можно только мечтать. Холод особенно ощутим в длинные ночи. Застоявшимся воздухом напахивает из давно

* Узбекистан, 1982 г.

неотапливаемой избы – квартиры на полевой базе заповедника. Кажется, строители совершенно упустили из виду, что стены и потолок должны зимой хранить тепло. поэтому потолочная засыпка была символической, а окна – несобятные по площади.

Памятуя о зимних невзгодах, мы еще с осени старались приготовить дрова из валежа и топляка. После распиловки дрова хранились на чердаке.

В один из заездов на полевые работы я сбросил с чердака изрядную охапку дров, половину из них сжег в печурке еще с вечера, нагнетая тепло, остатки планировал употребить поутру.

Несмотря на всяческие ухищрения, ночью в спальном мешке было холодно, отчего и не спалось. На слабый писк и стрекотание я сначала не обратил внимания: мало ли что происходит – снег с крыши пополз, треснул от мороза ствол дерева. Звук повторился, и я окончательно вышел из состояния дремы. Прислушался: вот снова – писк, стрекот, скрип. Как будто звуки исходят от печки. Я включил свет, присмотрелся. Показалось, что их источник находится в дровах, лежащих у печки. Осторожно перебрал сучки и полешки. Так и есть: в небольшой выемке прицепился зверек – перепончатые крылышки сложены шалашиком, из-под непомерно больших ушей на остренькой мордочке бусинками застыли глаза. Мне показалось, что в глазах таится злость: чего, мол, разбудили, до весны, до апреля еще спать да спать?!

Выходит, летучая мышь облюбовала для зимовки чердак, нашла убежище, показавшееся ей удобным и безопасным, да прогадала. Я вынес поленце в сени и отправился спать. Утром деревяшку поднял на чердак и аккуратно пристроил в дальний угол, отдельно от дров. Зверек не изменил позы и затих, авось, снова погрузится в спячку.

Нетопырь-карлик (а это, несомненно, был он), как и другие летучие мыши, редок в наших горах. С начала апреля и до ноября эти зверьки бесшумно летают в ночи, охотясь за насекомыми. На охоте они испускают ультразвуки, улавливают отражение своими ушами – локаторами. Писк и стрекот, услышанные мной, это, конечно, совсем из другой группы сигналов – они выражают тревогу, беспокойство, возможно, иные чувства.

Часть летучих мышей, даже в пределах одного вида, уподобляясь птицам, улетает на зимовку в теплые края, часть зверьков зимует на

местах, забившись в укромные, далеко не всегда теплые убежища. Кто из них в лучшем положении, трудно угадать, так как у тех и других отход велик. И не всегда в этом повинен человек. Отчего и численность рукокрылых в заповеднике невысокая.

БЕРКУТ

*По слежавшемуся снегу идти тяжело: ставишь ногу – снег держит, переносишь на нее тяжесть тела – снежная толща обрушивается. Избегая глубокоснежных ложбин, от скалы к скале, используя кабаньи тропы, я кое-как одолел три километра, стремясь попасть в миндальники Новруза. Это урочище избрано кекликами для зимовки.

Карканье ворон, стрекот сорок привлекли внимание. В бинокль разобрал: на останках кабана собрались птицы-падальщики. Пришлось свернуть с маршрута для выяснения причины гибели зверя. Первыми покинули место пиршества сипы и стервятники. Черные грифы, в числе трех, тяжело взмахивая крыльями, набрали высоту и стали парить, зорко приглядываясь к происходящему внизу. Вороны, недовольно каркая, уселись на ближние деревья.

Но что это? Из-за кустика миндаля выскочила громадная бурая птица и, помогая себе крыльями, что называется пешком, побежала, переваливаясь с боку на бок. Птица оказалась беркутом. Вот к чему приводит жадность! Полдня назад беркут, кружа над кормящимися кекликами, первым обнаружил обильный корм (старый кабан сдох, по-видимому, от бескормицы), наелся вволю, даже больше, чем до отвала.

От перегруза не смог взлететь при приближении человека, несомненно, представляющего для него опасность. Пришлось ему уходить пешком. Обмен веществ у птиц интенсивный; пройдет несколько часов, беркут в состоянии сможет и летать и поглощать новые порции пищи, если к тому времени обнаружит ее.

Беркут имеет славу мощной, независимой птицы. Гордая фигура, посадка головы так и просится в герб какого-нибудь государства. Возможно, это его летнее состояние. Зимой условия жесткие, у беркута и у других птиц мельче одна забота – прокормиться. Вот

и нисходит царь птиц до уровня гиены или шакала. не гнушается падалью.

Я вернулся на свой маршрут и через полчаса добрел до обширного склона, обращенного к солнцу. Здесь снегу было меньше, на каменных порогах, черневших среди снежных полей, кормились кеклики. Завидев меня, птицы взлетели и спланировали вниз, другие спорно побежали вверх. Из-за гребня появился беркут (другой, конечно). Не заметив меня, он кинулся к отставшей птице, широко размахивая крыльями, но промахнулся. Кеклик, истошно кудача по-куриному, забился в куст миндаля. Беркут сильно взмахнул крыльями и взмыл вверх. Неудача!

Зимнее обилие хищных птиц в нижней полосе гор, где с добычей пища легче, приводит к впечатлению, что численность их велика. Но летом в местах гнездований (птицы весной откочевывают вверх, некоторые появляются в высокогорье) они встречаются значительно реже.

У.У.: Как же случилось, что численность беркута постоянно снижается, он внесен в Красную книгу редких и исчезающих животных Республики Узбекистан?

Ю.Л.: В заповеднике численность хищных птиц относительно высока: сказывается богатство всякой живности, служащей кормом, а также устранение преследования, так называемого антропогенного фактора. Но для хищных животных, в частности для пернатых, площадь заповедных участков мала. Хищники при миграциях неизменно оказываются вне заповедника, а там их подстерегают опасности. Помимо трансформации угодий, несомненно сказывается изъятие человеком из гнезд молодняка для приручения и использования на охоте в качестве ловчих птиц; накопление в организме пестицидов, ставящее под угрозу откладывание яиц и саму жизнь, стрельба горноохотников, для которых руководящим принципом является: «Всё, что движется — обездвигить!»

Большая темно-бурая птица, тяжело взмахивая крыльями, летела над горами. Беркут зорко всматривался вниз, пытаясь определить что-либо живое в зарослях тарана и горца, в скалах, в курумах, рядом с редкими в середине июля снежниками. Его барражирование над скалами, склонами и гребнями гор сопровождалось громкими криками

сурков. Истошные вопли, возникнув у нижнего края поселения сурков, волнами переливались до скал, замыкающих днище долины. Но беркута криками не испугашь. Вынырнув из-за скалы, беркут нацелился на крупного сурка, кормившегося у родника. Планируя, схватил крепкими когтями его на бегу, сурок заверещал. Бег и полет прекратились в одной точке. Хищник со всего маху клюнул по голове сурка, потом ещё и ещё. Агония грызуна моментально прекратилась, лишь отдельные мышцы конвульсивно вздрагивали. Крепким клювом беркут расчленил тушку грызуна, выбрал мякоть и мелкие кости. Скоро от тушки сурка осталась исклеванная шкура с нетронутым хвостом и искромсанным черепом. Вокруг валялись крупные кости ног и позвоночника, куски желудка и кишечника.

С ближайшего склона тявкнула лисица, рассчитывая на свою долю; в небе, трепеща крылышками, повисли две пустельги: «А может и нам, что перепадет?»

Беркут, победно озираясь, посидел на месте трапезы минут десять, приходя в себя от обильной пищи. Затем тяжело взмахнул крыльями и переместился на крупный камень, торчащий на склоне в двадцати метрах от недавнего пиршества.

В окружающих колониях сурков было по-прежнему тихо: грызуны попрятались в норах, предпочитая голод угрозе жизни. К останкам зверька опасливо подбиралась лисица. Исчезли пустельги, но в небе кружили два черных грифа.

УУ: Оба животных: сурок Мензбира и беркут, жертва и хищник, внесены в Красную книгу. Кому из них отдается предпочтение в заповеднике?

Ю.Л.: Экосистемный подход предполагает охрану всего сущего в комплексе, не выделяя особо краснокнижных животных. Возможно, из-за малочисленности хищников, завершающих пирамиду пищевых связей, им и отдается предпочтение. Противоречия проглядывают и среди других краснокнижных видов, например, белокоготный медведь выкапывает луковицы тюльпанов, а проще сказать, уничтожает их на значительных площадях. Стандартная фраза: «Вид охраняется в таком-то заповеднике» - звучит в Красных книгах, но, пожалуй, она грешит неполнотой. Охраняется природный комплекс заповедника, в составе которого и сурок с тюльпанами, и их потребители, а также акклиматизированные животные и интродуцированные растения.

В условиях заповедания некоторые виды, внесенные в Красные книги, испытывают давление со стороны обычных, широко распространенных организмов с выраженной «агрессивностью». Этот пресс может закончиться «выдавливанием», исчезновением ценных в природоохранном отношении животных или растений.

ПЕРНАТЫЕ ПАДАЛЬЩИКИ

* Я поднимался по тропе, выходящей среди кустарников и редких деревьев. В этот период, именуемый голой весной, снег сошел почти везде, остался только в глубоких саях. Поблекшая за зиму осенняя травка выправлялась, приобретая здоровый сочно-зеленый вид; на деревьях и кустарниках еще не распустились почки.

Поперек тропы, не утоптанной после схода снега, неожиданно прорезался коридор метра три-четыре шириной. Земля была свежо вытоптана множеством ног, кусты придавлены, некоторые изломаны. Впечатление было такое, как будто волокли что-то тяжелое.

Картина разъяснилась, когда я спустился по волоку до днища сая. Здесь лежал остов кабана: позвоночник, ребра, часть головы. Кости ног валялись рядом. Остальное было утилизировано птицами-падальщиками. Видимо, подранок-кабан ушел от браконьеров (от границы заповедника полтора километра), но, потеряв много крови, сдох. Свой конец зверь нашел сверху у гребня. Вездесущие падальщики обнаружили труп, своим поведением привлекли других, собралась толпа (иначе не назовешь!) черных грифов, сипов, стервятников, тут же гомонили вороны и сороки. Все, охочие до дармовой пищи птицы, старались урвать побольше, тянули, кантовали труп в разные стороны, а он под влиянием тяжести катился и катился под уклон, пока не проехал сто восемьдесят метров (я измерил), лишившись всякой плоти.

После того, как птицы потеряли интерес к костям-остаткам трупа, к ним приходили лисы, оставили своим следы. По мягкой тропе у гребня прошлись, покрутились два волка, но в сай спуститься не удосужились. За дело принялись мыши и полевки, они месяцами могут крошить косточки — им спешить некуда. А вообще-то кости сохраняются веками, если они находятся на глубине, в земле.

* Узбекистан, 1977 г.

У.У.: Грифы, сипы, стервятники (имя—то какое!) производят отталкивающее впечатление: перья включены, голова голая. На каком счету они у зоологов?

Ю.Л.: В природе ничего лишнего нет. Падальщики, можно сказать, заняты благородным делом: они устраняют, утилизируют отходы, причем делают это быстро, не давая распространиться заразе, если она угнездилась в животном и явилась причиной его гибели.

Считается, что все организмы, животные в частности, в составе экосистемы связаны, так или иначе, между собой. Между падальщиками эта связь носит моментальный характер. Вот высоко в небе кругами планируют пять грифов. Что-то заметили (зрение у них отменное) и, снижаясь, пытаются разглядеть труп ли это или зверь, будучи раненым, прилег отдохнуть (при неподвижности кровь не хлещет из ран и остается в организме). Выяснение закончилось, и пять осчастливленных грифов приступают к трапезе. Но не тут-то было! Без всякой разведки, на махах к ним слетаются другие падальщики. Значит, все друг у друга под наблюдением.

Зимой у трупов скапливаются стаи до тридцати-сорока «клювов»: летом, когда крупные хищные птицы распределяются более или менее равномерно по территории, часть из них насиживает яйцекладки, часть перемещается за пределы заповедника, стаи мельчают по численности.

Птицы-падальщики не всегда справляются со своими обязанностями. Однажды на дне неглубокого сая я наткнулся на труп громадного кабана, до которого уже добрались мыши. Поза трупа указывала, что кабан погиб естественной смертью. Никаких следов посещения черными грифами не было, хотя чуть в стороне эти птицы постоянно кружились. Недели через две я наведалься в это место. От трупа остались крупные кости. По следам можно было увериться, что здесь питались лисицы и медведь, который и отдыхал поблизости, устроив временную лежку под арчей. Трудно поверить, но препятствием для птиц-падальщиков в этом случае явились жиденькие кроны яблони, боярышника и жимолости.

Как-то мы на спор с напарником провели эксперимент с тушей волка, лишенной шкуры: прилетят грифы или побоятся. Непривычно выглядевшая пища отпугивала всех падальщиков, и тушка белела мускулами и жировыми прослойками недели полторы. Принято

считать, что в заповедных угодьях все зверье здоровое, отхода нет, случаи естественной смерти редки, поэтому и падальщиков требуется поменьше. Это не так. Жизнь в заповеднике богаче во всех ее проявлениях. круговорот происходит на высоком уровне: много рождений, значит, и смертельных исходов предостаточно.

А насчет отталкивающей внешности грифов, сипов, стервятников – это впечатление субъективное. Здесь может быть уместна поговорка: «Кому нравится поп, а кому – поповна!»

УЛАРЫ

*Вертолет летел над заснеженными горами. Тень от него то опережала саму машину, то отставала от нее. Это вертолет делал развороты и круги для того, чтобы наблюдатели лучше рассмотрели металлические снегомерные рейки и зафиксировали толщину снежного покрова. Винтокрылая машина была зафрахтована Гидрометеослужбой, мы же от заповедника считались лишь попутчиками.

Россыпь скал внизу ожила: табунок горных козлов кинулся по ходу вертолета, но копытные не сумели перегнать небесное чудовище и всеором разметались по склону.

Вертолет тяжело перевалил через гребень; высота полета уменьшилась до тридцати – сорока метров. Пилот ткнул пальцем куда-то вниз. я наклонился и заглянул в стеклянный фонарь под ногами. С обесснеженного курума – каменистой россыпи, обдутой всеми ветрами, поднялась небольшая стайка крупных птиц.

На крыльях, на маховых перьях белой полоской ярко белели «зеркальца» – верный признак, свойственный уларам.

Стайка высокогорных птиц осталась зимовать, не откочевала в среднегорье. Для меня это было неожиданно новым. зимой улары изредка встречаются в среднегорье на открытых освещенных склонах или в зарчовниках.

Улары – серьезные птицы, близко не подпускают, будь то зимой или летом. До середины августа, если удастся стронуть с гнезда насиживающую уларку, все равно нельзя было обнаружить ни самого гнезда с яйцекладкой, ни самца, который «в норме» должен был

* Узбекистан, 1985 г.

находиться поблизости. То же самое с выводком пушистых птенцов, с первого дня следующих за матерью: затаятся - обнаружить практически невозможно.

Однажды я попытался нагнать месячного птенца улара. Высота порядка две тысячи восьмьсот метров отнюдь не способствовала беговым упражнениям. Избавившись от груза и лишней одежды, я кинулся вслед за уларенком (почему-то в выводке он остался один) и его мамашей, подбадривающей свое чадо короткими криками. Семейка бойко поднималась по тропе: ближе как на десять метров птицы меня не подпускали. Взрослой птице надоела погоня, она развернулась, взмахнула крыльями и понеслась вниз, планируя между скалами.

«Ну, теперь птенец мой!» - пронеслось в голове, подразумевая при этом, что уларенок летать, еще не научился. Каково же было мое удивление, когда он в точности повторил приемы матери и спланировал в том же направлении.

Требование начальства о необходимости пополнения экопросветительского центра живыми организмами оказалось невыполненным и на сей раз.

У.У.: Более полувека прошло с момента организации Чаткальского заповедника. Почему же численность высокогорных животных, уларов в том числе, не увеличивается?

Ю.Л.: Высокогорье гораздо беднее среднегорья в кормовом отношении. К тому же, суровый климат (зима здесь длится шесть-семь месяцев) не способствует выживанию, ослабляет организм, что, в свою очередь, открывает дорогу болезням, в итоге - нездоровое потомство, отход от хищников.

Границы горных заповедников обычно приурочены к гребням, в том числе и водораздельным. Зимние кочевки из высокогорья направлены как в сторону заповедника, так и «наружу», в угоды общего пользования, где, естественно, высок пресс браконьерства.

КЕКЛИКИ

*Возвращаясь из Майдантальского участка, мои попутчики-помощники остановились на непродолжительную часовку на Учхате.

* Узбекистан, 1987 г.

Сам я отстал, задержавшись на обследовании пробной площади, которая была заложена на границе заповедника.

В отличие от окружающих гор, составленных из скалистых гребней, ущелий-теснин со стремительными потоками, осыпей-курумов, Учхат раскинулся вольно, в виде безлесного плато, местами переходящего в пологие увалы. Луга, отдохнувшие от скота за долгую зиму и раннюю весну, покрылись сочной травой. Пройдет две-три недели, и отары овец и гурты скота, подогнанные снизу из долины, превратят цветущие луга в избитые, вытоптанные пастбища с белеющими здесь и там палатками пастухов.

А пока что тишину весеннего дня нарушали трели кекликов. Один из них был особенно горластым и не зря. Лаборант, возвращаясь от ручья с полным чайником воды, наткнулся на целое богатство — кладку из двенадцати яиц. По поведению птицы можно было определить, что гнездо принадлежало истошно вопящему кеклику.

Потеряв кладку (а это может произойти от ливня, градобоя, по вине барсука, лисицы или вороны), птица особенно не переживает, а усаживается в том же или другом гнезде на повторную. Как установлено, «передовики труда» за весну и первую половину лета могут организовать три кладки.

Прокрутив два яйца в чашке с водой, ребята после небольшого спора утвердились во мнении, что кладка еще не насиживалась. Лаборант сходил к гнезду, выудил остальные яйца и приобщил их к нашим тающим запасам продовольствия.

По весне некоторые барсуки специализируются на разыскивании гнезд кеклика: уперев нос в землю, зверек-увалень полусоток челночит по высокотравью, пока не наткнется на гнездо — углубление в земле, окруженное валиком и слегка выстланное былинками, перьями и пухом. Аккуратно располовинив яйцо, барсук тщательно выхлебывает — вылизывает содержимое, оставляя в гнезде скорлупу. Птицы стараются упрятать гнездо под кустик таволги, разлапистый лист прангоса или нависающую каменную плитку. А на гнезде наседка — обычно это самка — сидит столь крепко, что можно наступить, случайно набредя на нее.

Разом появились птенцы — пушистые комочки, выпархивающие из гнезда в первый же день. Природа обеспечила новых носителей жизни готовым набором приемов по выживанию: следование за

маткой, что и как склеивать, как звучит крик тревоги, как затаиваться — все это птенец знает, едва вылупившись. Отцы семейств изредка участвуют в воспитании молодняка, но чаще удаляются на линьку, образуя отдельные стаи.

Иногда матки объединяют усилия, и выводок разрастается до двадцати — двадцати пяти особей. Глаза разбегаются, когда такой огромный выводок выпархивает из-под ног.

Как-то в сентябре на узком научном совещании рассматривался план по кольцеванию птиц.

— Зачем нам искать гнезда мелких воробьиных птиц? Некоторые окольцованные птенцы пропадают...

— Какой же выход?

— Предлагается кольцевать взрослых кочующих кекликов. Для этого нужно подправить «рабочее место» — площадки-тахты, оставшиеся от охотников: они за тридцать лет не успели развалиться. А ограждение из веток, ведущее к тахте, устроить недолго. Через две — три недели начинается миграция кекликов. Отловить и окольцевать их можно нынешней осенью, не откладывая до следующего сезона.

Разговоры разговорами, а делом заниматься технику-охотоведу Анатолию Погребняку. Леснику Пардабаю Муслимову поручалось отремонтировать десятиметровую сеть, пружинный механизм наброса сети, рычаги и другие технически умные вещи.

Охотовед в паре с другим помощником Абдухамидом приступил к ремонту и восстановлению тахты: выковыривается и подносится камень-плитняк, выравнивается площадка, выкладываются в виде заборчика пушистые ветви арчи.

Кеклики, приблизившиеся незаметно к месту работы, тревожно проклокотали и бесшумно ускользнули по известным только им ходам.

— Не время, подождите самую малость, — успокаивает птиц охотовед, с трудом отдышавшись после переноски тяжелой плиты.

Наконец, все отлажено, дежурный наблюдатель уселся в скрадок в пяти метрах от тахты. И за птицами дело не стало. Переговариваясь на птичьем языке, вытягивая шеи, чтобы рассмотреть, что же там, за заборчиком, птицы подходят к тахте, чуточку пугаются, но все-таки приближаются к ее краю, шеренгой выстраиваются на уступнике.

Осенней порой кеклики неохотно летают, поэтому они так долго переговариваются между собой: «А может спустимся с уступа, пойдем и дальше пешком?»

Человек нажал рычаг, взметнулась сеть и накрыла всю стайку. Птицы забились, закричали, закудахтали — все напрасно: сеть удерживала прочно. Подошедшие люди осторожно, одного за другим выпутывали кекликов, делали замеры, наощупь определяли жировые запасы, приспособливали к ноге колечко с номером. Выпущенная из рук птица бестолково хлопала крыльями, еще не веря в свое освобождение, долго планировала над склоном. Приземлившись, тревожно зазывала: «Где, где вы, мои попутчики?»

У.У.: Кольцевание — не пустая работа. Извешали ли вас, куда кочуют кеклики из заповедника?

Ю.Л.: Возвраты очень редки — менее 1%. Наши кеклики оседают на зиму в соседнем речном бассейне, перемещаясь не более как на сто километров. К нам на зимовку подкочевывают кеклики из соседних гор. Весной птицы, естественно, устремляются в обратном направлении.

Насколько благотворно сказывается заповедный режим на численности и прочих характеристиках кеклика установить трудно. Впрочем, это распространяется и на других мигрирующих птиц.

СОВЫ

*Собираясь на ночную охоту, Иван и Казым торопили друг друга: осенний день короток, а надо засветло прийти на место, осмотреться, занять позицию на кабаньих переходах. На улице кыштака Аркыт (а поселок растянулся на добрый километр) встретился еще один азартный охотник Виталий.

- Подождите меня, я быстро соберусь, вместе на засидке распределимся — все веселее будет!

- Некогда. Хочешь, приходи в Бакай, крикнешь нас. Мы позовем — там найдешь нас.

На том и договорились.

Охотники, изрядно вспотев, через час выбрались на гребень.

* Кыргызстан, 1968 г.

совпадающий с границей заповедника. Оказавшись за его пределами, направились в темневший внизу Бакайсай. Места были знакомые по прежним охотам. Уселись, прислушиваясь к вечерним звукам леса. Крупная стая юрков треском разрываемой ткани пронзила воздух. Мелодичную трель протянул черный дрозд. Невидимая косуля совсем близко процокала копытами. И все стихло.

Темнело. «И-а-а, И-а-а», - жалобно раздалось вдаль. Казым соскочил с валежины, сложил ладони рупором и прокричал в ту сторону: «Виталька! Мы здесь. Иди сюда!» хотел повторить, но, взглянув на Ивана, осекся: тот заливался беззвучным смехом.

- Это же сова прокричала. Неясыть на научном языке.

- Тьфу, а я думал, что Виталька нас разыскивает, кричит: «Иван, Иван!»

В стороне раздался заунывный крик. Иван прислушался:

- Вот еще одна сова, совсем маленькая. Сплюшкой именуют. Весной она чаще кричит, сейчас в отлет собирается, кричит изредка.

Казым пересбил:

- Я знаю ее. С ней связана целая легенда.

Поговорили, стараясь не шуметь. Виталий так и не пришел. Видимо, дела задержали.

У.У.: Много ли в заповеднике сов? И есть ли от них толк – природе, человеку?

Ю.Л.: Признаться, я не знаю, насколько отличается совиное население заповедника от такового на сопредельной территории. Совы – ночные пернатые хищники, и по определению их численность должна быть низкой. При учетах, проводимых иногда в заповеднике, ориентируемся в основном по ночным голосам.

Численность сов в заповеднике, как, впрочем, и других улетающих в теплые края или кочующих птиц, в немалой степени зависит от преследования, от их сохранности на путях миграции и на зимовках. Сплюшка весной, прилетая из заморских стран, на радостях своими криками (а трель у нее далеко не радостная, не для слабой психики) не дает ночью спать. Сплюшка считается синантропом, то есть жмет к человеческому жилью, поэтому судить о ее численности по издаваемым трелям трудно – результат, как правило, завышенный.

Далеко разносится крик серой неясыти. Ее может быть много,

но и она на зиму скапливается в лесах и редицах нижней полосы среднегорья. Изредка осенью гукает филин — крупная, оседлая в нашем районе сова. Встречается в дуплах самая мелкая из сов — домовый сычик. Осенью наши горные леса пополняются за счет сов, прилетевших с севера.

А вообще совы — птицы своеобразные. Когда случайно вспугиваешь их днем, они какие-то сонные, не знают куда лететь, натыкаются на стволы деревьев, могут налететь на человека — по ошибке, без всяких агрессивных намерений.

ПТИЦЫ

*Мотор у нашего вездехода — «козлика» окончательно заглох в пределах видимости от конторы заповедника. Мне же надо было срочно добраться до кишлака Сони («Последний»), по поручению директора проверить, как идет сенокосение. Пришлось идти пешком, благо что автомобильная дорога, в свое время сооруженная геологами, а впоследствии включенная в пределы заповедника Рамит, лишь немного не доходила до кишлака Сони.

Чтобы совместить приятное с полезным, я решил провести учет птиц на маршруте и рептилий по следам, оставленным на пыльной дороге. Грунтовая дорога повторяла изгибы реки Сорбо, грозно шумевшей внизу: в высокогорье таяли снега. Местами дорога, сделав крутую петлю, пересекала ручей, чуть ниже впадавший в реку, и тогда уныло — сухая каменистая степь — полупустыня сменялась зарослями кустарников и мелких деревьев: клена, миндаля, экзохорды, кизильника, шиповника, алычи.

В кустарниках гремели трели соловья и иволги, ярким экзотическим нарядом поражала в порхающем полете райская, или длиннохвостая мухоловка.

Переходя ручей Кумоч, я заметил в стороне от дороги, под небольшой скалой толстую мясистую гюрзу. Как и другие змеи, гюрза после обильной закуски, будь то крыса, маринка или горлица, может неделями переваривать пищу, схоронясь в укромном месте. Гюрзу следует опасаться: в отличие от других змей она придерживается

* Таджикистан, 1975 г.

определенных участков, которые считает своими охотничьими угодьями и иногда ревностно защищает их.

Жара притупляла внимание. Я отмечал на схеме следы, оставленные змеями и ящерицами на пыльной дороге. Вот натянутой стрелой проскочил вниз желтопузик – безногая, крупная ящерица. Видимо, торопился к воде, страдая от жажды. Тонкий следок – это проскользнул детеныш полоза. А вот широкий, вдавленный след на пыли – здесь неторопливо изгибалась своим толстым, с охристыми пятнами телом гюрза. Следов рептилий было много: через дорогу транзитный путь к водопою, обратный след – в свои охотничьи угодья.

В скалах выше дороги кокнул кеклик. В пору насиживания кеклики, как и другие птицы, встречаются поодиночке, а если самец подкармливает сидящую на гнезде самочку, то при вспугивании взлетает пара птиц. Лишь горлицы перелетают по долине небольшой стайкой.

С той же стороны, от голых скал послышались голоса скалистого поползня и овсянки Стюарта. Ее родственница – желчная овсянка (трель ее не спутаешь: «Чуть – чуть три рубля не потерял!») облюбовала для поселения заросли прангоса, тут же крутится мелкая птичка с ярким темечком – красношапочный व्यюрок, хотя его место чуть выше – в горах, в субальпийских дугах.

Дорога спустилась к самой реке. В обрывах гнездится колония сизоворонок; с краю из норок-гнезд вылетело несколько щурок. Сизоворонки и щурки расселись на уступах, как бы демонстрируя свой красочный наряд, не испорченный пылью подземных убежищ. Рядом с обрывом я отметил каменку-плешанку, а у самой воды двух трясогузок, белую и горную, а также сорокопуга, чечекавшего на кусте миндаля. Над водой на ветке тополя прикреплена мохнатая «рукавица» – гнездо ремеза.

И так несколько повторений: на дороге – пыльные следы желтопузика и полоза; в кустарниковых зарослях – желчная овсянка, сорокопуг, мухоловка, в скалах – поползень, каменка, овсянка Стюарта.

По дороге, которая считается заброшенной, редко ходят автомашины, иногда в неделю раз проседет какой-нибудь гость навестить родственника в отдаленном, из четырех – пяти домов

книшлаке. Шум мотора меня обрадовал, я «проголосовал». Из кабины грузовика высунулся шофер:

— Разве можно на самосвале людей возить? — в голос водителя сквозила неподдельная веселость.

— Коль ты остановился — значит, можно! — Я, не вдаваясь в лишние разговоры, перемахнул через металлический борт. В кабине разом запищали детишки — их уместилось четверо на одном сиденье.

Грузовик тронулся. Я по привычке отметил стрижа, черкнувшего след по небосклону, майну, вспорхнувшую из под колес, и пустельгу, зависшую в трепещущем (пропеллирующем) полете над долиной.

* * *

У.У.: Сказывается ли положительно заповедный режим на численности мелких птиц?

Ю.Л.: Ощутимый отход наблюдается зимой у оседлых пернатых, особенно мелких воробьиных, а у перелетных — на путях миграций осенью и весной. Заповедник не в состоянии серьезно вмешаться в эти составляющие, хотя в период гнездования определенные привилегии в заповеднике птицы имеют, и главное — устранение антропогенного фактора. Растительность в заповеднике, как правило, богаче. Это заметно сказывается на разнообразии орнитофауны, а также на позднелетней численности некоторых видов. Птицы еще менее чем млекопитающие придерживаются определенных местообитаний (исключая лишь гнездовый период), что особенно заметно в горах. На кочевки в поисках корма или линных угодий с повышенной защитностью накладываются сезонные вертикальные миграции, перемещения в поисках мест от экстремальных проявлений погоды. Тут недолго выскочить за пределы заповедника.

* * *

Горная речка в большую воду завораживает: гигантские валы, шум воды, оглушающий человека на фоне обычной для заповедника тишины. Шум бурлящей воды не только выключает слух, но и давит на зрение: глаз не выделяет ничего интересного, не останавливается и на движущихся предметах.

Я уже полчаса пробирался без тропы по берегу Башкызылсая. И волны — валы воды, и скалы, густо облепленные мхом, уже не

воспринимались так остро, как в первые минуты, в начале маршрута. Но я все-таки заметил за завесой мелких брызг движение птичьей головки: на противоположном берегу на уступе скалы, едва не заливаемом водой (брызги иногда попадали), сидела синяя птица. По-видимому, насиживала яйцекладку.

Почему птицу назвали синей – не знаю, поскольку окраски она была угольной, а в свежем пере – со слабым лиловым или даже фиолетовым оттенком. По сложению тела и другим признакам, привлекаемым систематикой для установления родства, синяя птица относится к дроздам. Но околотовный образ жизни накладывает отпечаток – у нее и питание и устройство гнезда, отличные от других дроздов: прочие представители предпочитают вить гнезда на деревьях и кустарниках.

Птица явно видела меня, но не проявляла беспокойства, видимо, привыкла, что бурная река – для неё родная стихия, для других существ является непреодолимой преградой.

Резкий крик перекрыл шум воды – это другая угольно-черная птица пролетела над самой водой. Заметив меня, она не стала присаживаться к гнезду, улетела вниз по речке. Самец синей птицы в период насиживания крутится поблизости, иногда подменяет самку на гнезде. К концу лета я попал в те же места. Вода – прозрачный ручей – тихо струилась по вымытому, вылизанному ложу. От гнезда синей птицы почти ничего не осталось: разбросанные крупные веточки-палочки, куски глины, да истлевший до пыли помет. Ступив, пять шагов в сторону, обнаружил другое гнездо – настоящее произведение птичьего искусства. Громадный «лапот» из потемневшего, сухого мха когда-то принадлежал бурой оляпке – невзрачной мелкой птичке, прославившейся тем, что и в морозы, и в жару бесстрашно ныряет в бурный поток, добывая себе пищу на подводных камнях.

Пернатым животным: синей птице и бурой оляпке, избравшим околотовный образ жизни, пришлось приспособливаться. Условия, конечно, не слишком комфортные, зато, конкуренции почти никакой. У воды чувствуют себя свободно трясогузки, серпоклювы, перевозчики....

Достоин внимания еще одно гнездо, принадлежащее тоже околотовной мелкой птице – синице-ремезу. Теплое убежище,

устроенное из тополиного пуха, подвешено на ветку и напоминает рукавичку с одним пальцем. Бывает, что пара ремезов подновляет старое гнездо, но чаще встреченные гнёзда имеют заброшенный вид, напоминая об искусных мастерах птичьего царства.

* * *

*Затяжной подъём на Минораташ не располагает к быстрой езде. Конь еле тащился, гладкая летняя шерсть его вначале потемнела, потом появилась пена. Чуть пониже тропы среди арчёвника выделялось одно дерево с обломанной вершинной. Грифы оборудовали на нем гнездо: натаскали сучьев, мусора, получилась круглая плоская площадка. С тропы гнездо хорошо просматривалось, вся «семейная» жизнь этих с виду уродливых, но полезных птиц, числящихся санитарями в природе, была как на ладони. В этот жаркий день самка грифа «проветривала» своего потомка: привстала, расправила крылья и накрыла своей тенью серый комочек. В таком виде она выглядела еще уродливее – коленчатое сочленение голой головы и оперенной шеи, жесткие маховые перья, какой-то куцый хвост. Но птице было не до красот, она занималась важным делом – оберегала потомство.

Заглядевшись на грифов, я перестал обращать внимание на тропу и невольно вздрогнул от крика кеклика и хлопанья крыльев. Взрослая птица, а это, несомненно, была мамаша, надеясь, что всё обойдется, досиделась со своими кекличатами на тропе до того, что конь чуть не наступил на выводок. Конь заметил ее раньше, теперь, казалось, удивленно взирал на всю бестолковщину, которую затеяла птица.

Самка шумно вспорхнула за ближайший кустик, двух-трехдневные поршки – серые комочки – с писком бросились врассыпную, замерли и... исчезли. Только что видел их больше десятка, сейчас же приглядываюсь – и ни одного! Взрослая птица шарахнулась как-то неуклюже, боком, крикнула подранком, как бы приглашая: лови меня! – уводила от выводка. Эти «штучки» давно известны, и я, как мог быстро, стороною объехал выводок и с горки обернулся. Мамаша вернулась к птенцам, подала «команду» и скорым шагом стала уводить их вниз. Птенцы, к которым возвратилась способность двигаться, устремились, едва послева, за ней.

* Узбекистан, 1980 г.

*Переправа через водный поток, даже мелкий, сопряжена с риском замочить обувь, а то и искупаться. Стоит какому-либо камешку потемнеть от росы или брызг, и он становится скользким от намокших водорослей, невидимых глазу. Ступив на берег Пиязлысая, я прикинул его ширину, подыскал плоский камень и аккуратно без брызг поместил его на середину ручья. Ближе к противоположному берегу намечался в качестве опоры другой камешек, слегка затененный листом борщевника.

Благополучно ступив на первую опору, я занёс ногу для следующего шага и тут обнаружил на камне в тени листика затаившегося щитомордника в позе нападения: тело скручено спиралью, приподнятая головка напряжена для броска. Видимо, пока я хлопотал с камнем, мельтешил по бережку, змея изготовилась к отражению опасности. Щитомордник, как и другие змеи, не слышит, но хорошо воспринимает толчки, передающиеся по грунту: видит только движущиеся предметы, но в основном ориентируется по тепловому излучению, исходящему от всего живого.

Занесенная для прыжка нога зависла над потоком. В это мгновение в голове пронеслось: кеды на ногах изодраны до дыр, брючины штанов (а может, штанины брюк) вздымаются от лёгкого дуновения ветерка; к тому же, любой уважающий себя полсвик никогда не связывается со змеями, полагая что всё живое достойно жизни. Я изменил направление прыжка на противоположное. На флоте этот поворот именуется: "Все вдруг!". Флотский прием мне явно не удался. То ли импульсы побежали не в ту сторону, то ли сказалось отсутствие гимнастического опыта. Я рухнул боком — плашмя в воду.

Змея не изменила позы и, если это ей свойственно, наверное, развеселилась, глядя на манипуляции, которые проделывало живое существо в метре от неё. Змеи сами не нападают, свои возможности при обороне, то есть длину броска головой, точно соизмеряют с опасностью, с расстоянием до неё. Так что щитомордник ничего не предпринял, ожидая дальнейшего развития событий. С досады я швырнул в него камень. Камень оказался вогнутым, змее вреда не

* Узбекистан, 1980 г.

причинил, и только тогда рептилия сочла благоразумным удалиться, броском преодолела водное пространство и скрылась в траве на противоположном берегу.

«Чего это я испугался полуметровой змейки?! Впервые что ли встречаюсь с этими тварями? Если бы и «клюнула», то, наверняка, в толстую подошву кеда. И камнями кидаться не следовало: всё - таки законы охраняют все живое, в том числе и змей. А в заповеднике только иск за убитую ядовитую змею эквивалентен тридцати буханкам хлеба», – так я размышлял, отжимая намокшие брюки. Правда, последняя мысль о возможных карах за уничтожение живого объекта больше походила на убаюкивание собственной совести, так как делиться с кем-либо о своем вынужденном купании я не собирался.

У.У.: Соразмерны ли ценность ядовитых гадов (тварей, как вы выразились) и материальная ответственность за их уничтожение?

Ю.Л.: Змеям крупно не повезло. Естественная ненависть человека к ползучим существам, странноватым на вид, подкрепляется религиозными догмами. Распространено поверье, что лишение жизни одной змеи снимает с убийцы сорок грехов. Можно спорить о красоте или привлекательности змей – все это на любителя, но их полезность для человека доказана. Все пресмыкающиеся – необходимый компонент сообществ (биоценозов), вносят вклад в копилку разнообразия. Они как бы срезают в природе излишек мышей, насекомых, пауков (хотя продуктовый набор этими животными не ограничивается).

В заповедных угодьях змей, равно как и других пресмыкающихся, как правило, больше, чем на сопредельных выпасаемых и обедненных территориях. И причина кроется не только в прямом преследовании человеком, сколько в исчезновении и трансформации подходящих для змей местообитаний. В заповеднике жизнь богаче, а это через многочисленные связи сказывается положительно и на численности рептилий. Змей привередливы к пище, круг врагов широк, они подвержены многим болезням – налицо все условия для резкого сокращения численности и в короткие сроки. Так что встреченная змея пусть уползает по своим делам, а сорок грехов, если вы успели их наработать и накопить, можно снять иными приемлемыми способами.

Больше всего в горах, по берегам ручьев и у курумов встречается

безобидных полозов и водяных ужей. Они то и вызывают страх у людей, мало общающихся со змеями, поскольку раскормлены, мускулисты, стремительны в движении.

Ядовитые змеи наших гор гадюки, щитомордники – обычно медлительны, мелковаты да и простоваты в поведении. Несколько раз я встречал взрослых щитомордников в малоподходящей обстановке: то на ягодах, выложенных на сушку, то на песчаном пляже горной речушки – и никакого чувства, чтобы избежать грозящей им опасности, у них не возникало.

Однажды весной в заповедник приехал начинающий специалист по пресмыкающимся. Вдвоем мы поднимались по склону, заросшему миндалем и редкой травой. Наткнулись на змею, поразившей нас узорчатой расцветкой и стройностью тела. После того, как рептилия была прижата палкой и взята за шкуру, возник спор: стрелка ли, молодой полозок ли (впоследствии выяснилось, что это стрелка). Для точного определения необходимо было увезти объект в институт, пренебрегая отсутствием разрешения на отлов. Специалист оказался настолько начинающим и неопытным, что даже не взял в поход мешочков для добычи. Пришлось нести улов на полевую базу в руках. Зоолог, постоянно занятый записями, препоручил змею мне, напоминая, чтобы я не слишком давил шею пальцами. Тем не менее, через двадцать минут змея обвисла и не шевелилась – настолько был силен стресс.

Кстати, стрела-змея ядовита, но опасные зубы располагаются в глубине рта, и чтобы быть укушенным по меньшей мере надо втолкнуть ей мизинец в пасть, а это действие, сами понимаете, никак нельзя отнести к разумным.

БЫВАЛО И ТАКОЕ

*В майский прохладный день я спустился с перевала Ашу в головную часть озера. Место так и называется Кольдымбаши – Голова озера. На берегу стояло несколько палаток. У очага крутился пожилой мужчина: Мамырбек готовил на целую бригаду кушанье – похлебку ли, лапшу ли. По-кыргызски лапша именуется кратко – аш: она отличается тем, что на последнем этапе готовки густо

* Кыргызстан, 1966 г.

заправляется сузьмой — что-то среднее между творогом и мокрым сыром.

Бригада работала на склоне в нескольких километрах, сажала молодые елочки. Я помню, как директор заповедника в свое оправдание на пятиминутках неоднократно провозглашал: «Люdiam надо заработать? Надо! Лесокультурный фонд в заповеднике есть? Есть. Скот посадкам не мешает? Нет. Так в чем же дело?! За работу!»

Понять руководителя можно. На шее заповедника висел целый поселок, из райцентра требовали, чтобы в Сарычелеке не плодили туняццев, неукоснительно и конкретно соблюдали давнее, устоявшееся положение об отсутствии безработицы в социалистическом обществе.

Присев на обрубок ели, мы с Мамырбеком поговорили о том-о-сем. Чувствовалось, что моего собеседника донимает какая-то мысль, которую надо со мной обсудить. Из его слов выстраивалась цепочка: мяса нет, работа трудная, нужна калорийная, сытная пища. С другой стороны, лесничий намекнул, да какое там! — даже разрешил наловить немного маршочки.

Я удивился: — На такую бригаду целый день удочкой не наловишь!

— Зачем удочкой?! У меня есть бредень. — Из дальнейшего выяснилось, что у маринки в эти дни нерест, и она движется косяками из озера вверх против течения по речке и мелким ручьям. «Так уж и косяками!» — не поверил я.

— Разрешил ли лесничий лов рыбы? — засомневался я.

— Не убудет! — отрубил Мамырбек. — Да, посмотри! — он показал рукой вверх по ручью. Видишь на берегу вороны курочат дохляков. И отравления ядовитой пленкой не боятся.

— Чуть теплеет — пойдем ловить! — бригадный кормилец высказался как о давно решенном.

Проскакав на цыпочках пять — шесть метров (откуда и резвость взялась!), Мамырбек заглянул в воду и махнул мне рукой. Я с бреднем (он напоминал небольшой сачок) заскочил в устье речки. Ко мне тут же присоединился напарник.

Рыба, тучей зашедшая в речку, почувствовала опасность и кинулась обратно в озеро. Мы с трудом извлекли из воды сак — полтора ведра рыбы, не менее!

– Никому не говори! – приказал Мамырбек. – Если кто из рабочих узнает о таких уловах, то все работу забросят, начнут рыбу ловить.

– После обеда буду разделывать. Черную пленку из брюха надо убрать засветло. Не дай Бог, кто-нибудь отравится. – Повар пристроил рыбу в зарослях дудника. – А пока на очереди – аш.

Вечером мы ели уху: много лука, много рыбы и, конечно, вездесущая сузьма.

У.У.: Я поражена: в заповеднике даже научные работники оказываются, нарушают режим. Как можно?!

Ю.Л.: Грешен, матушка, грешен! В свое оправдание могу сказать, что, наоборот, кто из работников заповедника не ловил рыбу, выглядел белой вороной: одно время на озере промышляла рыболовецкая бригада из трех человек. Бригада снабжала поселок рыбой по твердым, установленным директором, ценам, а излишки продавались в райцентре. Зимой частенько снаряжался трактор с прицепными саями для рыбаков-любителей, желавших провести выходные на высокогорном озере и наловить рыбки.

Да и о каком режиме заповедания можно было говорить в те годы (прошло сорок лет), если в озеро Сарычелек выпускалась для акклиматизации пелядь, в небольших озерах прижился карп, и запасы этих рыб требовали эксплуатации?!

Следует отметить, что и в других заповедниках к рыбе относятся не так строго, как к зверям или птицам. Когда-то и в Чаткальском заповеднике, где порядки на порядок выше (простите за невольный каламбур!), пытались узаконить ограниченный лов маринки в небольшой речушке Башкызылсай, но потом директор махнул рукой: «Ловите, но не попадайтесь!» После нескольких драматических случаев (упоминать о них нет возможности из-за недоказанности) лов рыбы в Башкызылсае запрещен полностью. Тем более, что перенаселенность маринки не грозит: весной в большую воду ее стаскивает к низовьям, за пределы заповедника. В летнюю сушь она старается спрятаться по омутам.

Извлекать рыбу из воды нужно недюжинное умение. Описанный выше ведерный улов, конечно же, исключение, и оно не повторилось ни на следующий день, ни через год. «Без труда не вынешь рыбку из пруда». Эта пословица и в заповеднике имеет буквальный смысл.

*Тропа серпантинном вьется по склону. Обогнув скалу, она прошла под кроной громадной арчи, возраст которой, наверное, исчисляется пятью-шестью столетиями. Ветви арчи свисали до самой земли. лишь тропа, пробитая с незапамятных времен, создала выемку в кроне. Сучья — коротышки давно вывалились, а на стволе просматривалась аккуратно выпиленная и вырубленная выемка — «окно» в дупло небольшого размера. Строгость квадрата указывала: отверстие выпилил человек, так как в природе правильные геометрические фигуры чрезвычайно редки. «Форточка» выглядела довольно естественно, так как края заплыли корой и почернели от ветра, дождя и солнца.

В прошлые, не столь давние времена здесь поработали бортники, добывая из дупла мед одичавших пчел. Медоносная пчела, точнее ульи с пчелиными семьями, были завезены в предгорье полтора столетия назад. Пчелы не слишком привязаны к человеку, могут существовать и сами по себе. В считанные десятилетия арчевники с их богатым взятком и пригодными гнездовьями в виде дупел были заселены пчелами: вначале «сбежавшими» роями, потом за освоение территории взялись одичавшие пчелы.

В долгую суровую зиму жизнь в клубке пчел сохраняется благодаря потребляемому корму, коим является мед в сотах. Не каждый год богат на взяток, чтобы создать запас корма, отстроить новые соты, обеспечить рост многочисленной пчелиной семьи. Не все рои выдерживают борьбу. К весне в дупле может остаться десяток-другой пчел без матки; остальные пчелы, будучи сугубо общественными существами, разлетаются и присоединяются к другим семьям.

Инстинкт размножения, выражающийся через росение, в середине лета главенствует и побеждает другие инстинкты, благодаря чему пчелы быстро осваивают новые территории. Предугадать последствия и успех своего расселения пчелам не дано. Ну, скажите, могут ли выжить пчелы в альпийском поясе, где зима длится восемь-девять месяцев, а взяточное время короче одного месяца?! Мы же

* Узбекистан, 1977 г.

однажды наткнулись на осаживающийся рой на высоте около 3000 м. Проезжая мимо скалы через десять дней, мы специально, чтобы удостовериться, заглянули в щель. Из нее равномерно вылетали пчелы в рабочем настроении: собрать, запастись, подготовиться к зиме. Конечно, этот рой был обречен, потому что за полмесяца взятка (август был на исходе) никаких запасов не создашь и даже летных пчел, изработавшихся на взятке, не восполнишь, не заменишь на молодых, способных перезимовать. Кстати, замечено, что за взятком пчелы поднимаются снизу в высокогорье, на высоты 2800–3000 м. Где они гнездятся в таком случае – не установлено.

Вслед за пчелами территорию начали осваивать бортники с целью добывания меда: надпиливали, скалывали дупла, задымляли пчел. Впечатление такое, что поисковики обследовали территорию сплошь, не пропустили ни одной арчи. Вскрытые дупла встречаются на каждом шагу.

Жаль, что защитные свойства арчевников для пчел после такой операции понижаются. В наше время о бортниках ничего не слышно, добыча меда из дупел единична, поскольку порча деревьев выглядит нарушением. Кстати, так называемый «дикий» мед ничем не отличается от меда «домашних» пчел.

У.У.: Можно ли говорить об одичавших пчелах как объектах заповедника?

Ю.Л.: Грань между дикими и одичавшими животными и растениями, в пределах вида, трудно уловить. Есть серьезные исследования, что дикие медоносные пчелы в небольшом количестве издавна водились в отдельных горных системах Туркестана, только руки человека для их одомашнивания и окультуривания не доходили. Поэтому всплеск освоения дикой природы пчелами пришелся на последние полтора столетия после завоза пчелиных семей из далекой России. Думаю, что можно говорить об особой форме медоносной пчел с особыми наследуемыми чертами характера, со своей экологией.

Часто приходится слышать об одичавших буйволах, лошадях-мустангах и немустангах. В Башкортостане участок заповедника славен тем, что охраняет лесных медоносных пчел и их борти. В Чаткальском заповеднике к «сомнительно диким» относят грецкий орех, шелковицу, многие огородные сорняки. Считается, что к

расселению их по территории приложил руку человек. Пчелы играют положительную роль в биоценозах и, надо полагать, не затирают других насекомых, «генеалогическое древо» которых выглядит чище.

ДЕЛА ЗАПОВЕДНЫЕ

*Заповедник наглухо завязан экономически со своим хозяйственным окружением и (можно не бояться этих слов) со всей страной. Как бюджетная организация он испытывает все «прелести» переходного периода: неполное материальное снабжение и финансирование, низкие оклады.

А тут, как манна с небес, на заповедники Западного Тянь-Шаня сваливается грант, рассчитанный на много лет. Грант исходит от Глобального Экологического Фонда: вот вам средства на ремонт зданий и дорог, приобретение техники и лошадей, одежды, обуви, полевого снаряжения, оборудования.

Не в привычке международных организаций разбрасываться, давать деньги просто так! Прежде всего – контроль за эффективным освоением вложений, за целевым и рациональным использованием валюты в долларовом исчислении. Неоднократно наезжал контролер – мистер ... пусть будет просто мистер. Он предложил для рассмотрения и пользования разработанную им систему показателей эффективности работы. Рекомендовал и нам подумать, расставить, где надо баллы. Потом он рассчитывал сравнить наши и свои разработки.

Среди прочих показателей эффективности работы заповедника числились и такие, как участие местного населения в делах, в управлении заповедника, а также экономическая выгода тому же, местному населению от заповедника. По своему зависимому положению мы, конечно, должны быть в высшей степени лояльными к запросам ГЭФ.

Я пытался настроиться на серьезный лад, даже стал медитировать: «Менеджмент, раз... менеджмент, два...». Но в мыслях витало что-то несерьезное: «Мадам, а какова польза от новорожденного?»

А тут еще нахлынули воспоминания. Совсем недавно, несколько

* Узбекистан, 2001 г.

лет назад рядом с заповедником. в трехстах метрах от границы поселился арендатор. Развел огород, пригнал коров-рекордисток, оборудовал землянку. Начальник участка, быстро сориентировавшись, выделил на коровоопасное направление специального инспектора, естественно, оголил другие не менее опасные участки.

Сразу же, на первых порах обозначились резкие биологические различия домашнего скота и человека, хотя за последним признают в основном социальные черты. Корова весь жаркий день отлеживается в тенечке, пережевывает жвачку, лениво отгоняет хвостом мух, дремлет. А ночью устремляется туда, где растет сочная трава, то есть в заповедник. Нельзя сказать, что инспектор днем не спит. Иной раз он делает это и с большой охотой. Но основной и, как он считал, законный сон все-таки должен быть ночью. Эту особенность передали ему предки до десятого колена.

Противостояния не получилось, инспектор был посрамлен. Ежеутренне он уныло и безнадежно обзирал появившиеся на самых видных местах коровьи лепешки, диаметром до полуметра. В пределах видимости этих вещдоков (а зачем подходить близко: коровяк — он и есть коровяк) каждое утро шли горячие дебаты. Когда уровень: «Ты меня уважаешь?!» (Нажмиддин и Зухруддин считались дальними родственниками) был превзойден, спорщики начали хватать друг друга за грудки, и был извлечен бланк акта о нарушении на предмет его заполнения, арендатор побежал жаловаться: «Зажимают! Ну не дают работать!»

Директора заповедника вызвали «на ковёр». «С вашими зарплатами..., с вашими штатами..., да, если возьмется за руки, — мышь в заповедник не проскользнет!» Директорская копилка знаний пополнилась таким понятием, как: частное предпринимательство — столбовая дорога развития экономики. Оно подкреплялось: никому не позволительно снижать показатели в этом важном деле! Руководитель заповедника призвал начальника участка:

- Вы там, того-этого, осторожнее со скотом.

- Бажарамиз (выполним)! Бу—у сделано! — отвечивал тот.

Не думаю, что мистер (вспомнил) Р. Петоч имел в виду такую выгоду и пользу, разрабатывая свою систему показателей

У.У.: Что же, заповедник в своей деятельности не находит поддержки в местных органах?

Ю.Л.: Поступать по закону, формально никому не возбраняется.

И директор заповедника – не исключение: сдавай акт о нарушении в суд, тот поддержит, хотя и приложит силы для примирения сторон. Но надо мыслить как в шахматах, хотя бы на три хода вперед.

У.У.: Привлечение местного населения к управлению охраной природы и заповедными делами в последнее время считается не только модным, но и дает какой то положительный эффект.

Ю.Л.: В прошлые времена это направление не разрабатывалось, примеров, на которые можно опереться, нельзя привести. Кто здесь виноват: отцы-командиры, обосновывающие теоретически заповедную отрасль, время ли, требовавшее отовсюду прямого вклада в экономику, люди ли, рассматривающие заповедники как возможную отдушину для браконьерства... Одно ясно: придется в очередной раз заимствовать наработки из-за границы.

К работе в заповеднике предусматривается привлечение посторонних людей. Это через участие в научно-техническом (или научном) совете заповедника. Положением о Совете предлагается вводить в его состав представителей органов власти, уважаемых, пользующихся авторитетом работников. Но, поскольку Совет является всего лишь рекомендательным органом при директоре, да не везде эти Советы и созданы, то и участие посторонних людей в решении насущных проблем заповедника ограничено, чаще всего сведено к нулю.

ЕЩЁ О БРАКОНЬЕРСТВЕ

*Человек не волен заказывать себе сны. У Одурбая, сторожа на пропускном пункте, один сон назойливо повторялся вот уже в течение полугода в нескольких вариантах и порядочно ему надоел. Подъезжает к воротам «Запорожец», из кабины выходит багроволицый Ильдус, широко улыбается:

- Что багажник открыть для просмотра? Пожалуйста!

Открывает, а там мотор.

- И впереди мотор. Не смотри, что автомобиль маленький – он мощный, на двух моторах работает.

Одурбай идет к воротам, открывает большой амбарный замок, распаивает створки. Силится что-то вспомнить. Наконец, до него

* Кыргызстан, 1972 г.

доходит: «Надо бы и передок проверить, нечего доверять этому хитровану Ильдусу, опять он кабанятиной загрузился». Пока он соображает «Запорожца» и след простыл.

Во сне переживания и покаяния глубже, чем наяву. И не было в жизни Одурбай подобного случая, а был всего-навсего очередной розыгрыш в шумном застолье, организовывать которые Ильдус был большой мастак.

Пока Одурбай борется, пытается направить сновидение в нужное русло, по дороге бесшумно, на малой скорости продвигается автомобиль, именуемый в просторечье «козлом». Не доезжая полторы сотни метров до ворот, притормозил.

Из кабины выскочили три человека, споро извлекли из чрева машины по мешку с мясом и направились к пропускному пункту. В полусотне метров один из них ушел вперед, другие присели на мешках, вглядываясь в темноту. Вот человек бесшумно проскользнул в никогда незапирающуюся калитку, двое других также устремились к воротам. Спустя пять минут браконьеры вернулись к машине. «Козел» с ревом подскочил к воротам, шум мотора перекрыли громкие, недовольные голоса:

- Одурбай, не спи! Весь Сарычелекский заповедник растащат...

Сторож, зевая, вышел из будки, сам открыл брезент с задней стороны, не поленился – заглянул под сиденья. Под влиянием еще не улетучившегося сна пошёл было к передней части, но его подняли на смех: – Кабан у нас на привязи, бежит сзади, а ты под капот лезешь.

Одурбай помешкал, учинил допрос:

- А чего это вы так рано уезжаете? Очень быстро нагостевались....

Один из нарушителей вздохнул:

- Дела, брат, дела!

Машина тронулась, люди приветливо помахали сторожу.

Слухи распространяются быстро и не имеют границ. На очередном застолье Ильдус обсказывал случай, произошедший – нет, нет, не с Одурбаем – с другим сторожем.

У.У.: Сон на рабочем месте наказуем...

Ю.Л.: А что же вы хотите?! Сторожей–пропускников – не два, не три. В целях экономии один человек отсиживает на пункте по две-три недели.

А с некоторых пор в Сарычелеке устроили еще один пункт – на внутреннем обводе кыштака, усилили изгородь.

Только и браконьеры не лыком шиты, приспособляются.

“ОБЪЕКТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ”

- *Я этого своесвольного Сарычева прищемлю, заставлю уважать законы! Забудет про свое «милосердие». – Раздражение областного охотинспектора Игоря Волкова вызвал пересказанный ему случай воспитания упомянутым Михаилом Сарычевым «найденного» в лесу кабаненка.

- В природе свои законы: потерял мать – подымай; утрата другой живностью перекрестся. Тем более, в заповедную природу никакое вмешательство недопустимо.

Волков частенько наезжал в заповедник, но наказать техника Сарычева все было недосуг: то разборка с браконьерами, то охота за пределами заповедной территории, во время которой про всё забываешь, то встречи с друзьями, оформленные широким застольем...

Зорька – так назвал Сарычев свою воспитанницу – на время привлекла внимание в кыштаке Аркыт. Она старалась не отставать от своего патрона. И это несудивительно, так как первый срабатываемый инстинкт у многих зверей и птиц при вступлении в жизнь – следование за матерью.

Заснять на пленку дикого зверя в природе представляет немалую трудность, а Зорька, походя, выдавала богатейшую натуру: то она карабкалась на скалу, нависшую над крайними домами поселка, то переплывала бурную речку Ходжаату. А сколько сусально – слезливых заметок и очерков, восхваляющих благородство и заботу человека (конкретно Сарычева) о «братьях наших меньших», появилось на страницах газет и журналов!

Вот на фотографии Зорька «служит», пытается достать лакомый кусочек из рук своего благодетеля. Других людей молодая кабаниха третиrowала.

Я жил по соседству с Сарычевым, вынужденные встречи с

* Кыргызстан. 1966 г.

подросшим диким зверем происходили часто, не всегда заканчивались мирно. Кабаниха, завидев меня, вздымала загривок, маленькие глазки излучали гнев и презрение. Зная нравы кабанов не понаслышке, – как никак каждую осень пополнял свой охотничий опыт (а кабан опаснее медведя – так считают опытные охотники), я всегда ожидал от Зорьки самого худшего и хватал камень по-увесистее. Из-за угла вываливал на своих кривоватых ногах Сарычев:

- А зачем ты мою Зорьку камнями бьешь?! (До драки камнями дело не доходило).

По-видимому, я был занесен Сарычевым в список своих врагов, а этот кондуит постоянно пополнялся из-за неуживчивого характера владельца.

Ближе к осени Зорька стала пропадать в лесу, благо заросшие горы подступали вплотную к поселку, вытянутому в одну-две линии. Но выпавший снег, ставший в короткие сроки глубоким, отбил у нее охоту к отлучкам. Всю зиму она провела в утепленном хлевушке, как и подобает домашней скотине.

Следующим летом Зорька превратилась в могучего зверя. Играли мускулы, лоснилась черная, отливающая серебром шерсть. Тут уж не до прогулок по людным местам – опасность была слишком велика! Сарычев не жалел кормов для своей любимицы, имея свои виды на обострившуюся проблему.

Осенью Зорька исчезла. Вначале еще подходила к домам в вечерние сумерки. Иногда приводила своих компаньонов. Ласковым и жалостливым призывом своего воспитателя пренебрегала, оставляя их без внимания. Всю зиму Сарычев кручинился:

- Я ли ее не кормил – не холил?! И такая неблагодарность за мои заботы. Паскудная скотинка

Но однажды, в начале апреля он явился в контору необычно возбужденным и радостным:

- Зорька вернулась и привела с собой приплод – трех кабанят!

Хлев был моментально перестроен, укреплен и превращен в загон. Пока стучали молотки и топоры, Зорька в отдалении знакомила свой выводок с «настоящим» кормом: кукурузными початками, замороженной картошкой. Полосатые кабанята бестолково тыкались во «взрослый» корм своими пяточками, в пасть не брали, предпочитая молочную диету.

Заманив матку, а с ним и выводок в загон, Сарычев наглухо

перекрыл стенку, не оставив дверцы.

- Отсюда им хода нет! — загадочно высказался он.

Загадка разъяснилась через три-четыре месяца: подростки кабанята пошли на мясо. Осенью была пристрелена в загончике и Зорька.

Сарычева пытались усостыжить («Ваши же слова — Зорька для меня как кровное дитё!»), он оправдывался:

- Слишком много кормов пошло, чтобы я отпустил ее просто так в лес.

Волков при очередном наезде крупно повздорил с инженером охраны заповедника: каждый укорял друга в упущенных возможностях, о несостоявшемся протоколе на нарушителя.

* * *

...*Луниту подарили заповеднику гидростроители. А проще сказать, спихнули, избавились от нее. На строящейся Токтогульской ГЭС пытались организовать живой уголок. Начало положила горная козочка, неведомо как попавшая в поселок гидростроителей в возрасте младенца. Окрестив ее звучным именем, строители в дальнейшем никаких забот не проявляли ни о живом уголке, ни о единственном его представителе.

Из-за отсутствия кормов Луниту пришлось выпустить из клетки на подножный корм. «Подножье» ее не устраивало, она стала попрошайничать, активно гонять маленьких детей, отбирая у них куски хлеба, которыми малышня, как известно, постоянно пробавляется. Приноровилась шкродить в огородах, разбойничать.

Посоветовавшись, жители поселка решили, что в заповеднике Луните будет рай, и очередная группа отдыхающих увезла копытное в Аркыт. Здесь Лунита не изменила своих привычек, своего неудобного для человека поведения, благо, что в заповедном поселке собак извели в приказном порядке, и гонять горного козла было некому. С возрастом Лунита стала настырной. От выпрашивания перешла к разбою.

- Удалить из поселка, отправить в угоды, - было решение администрации.

Лаборант Турусбек с помощью брата-лесника погрузил Луниту

в кузов грузовика. с него – на плоскодонный катер, высадив на неприступном скальном берегу и ... больше ее никто не видел. Исход для неприспособленного зверя был один: Лунита несомненно погибла. Наткнулись ли на нее волки, забили ли насмерть местные горные козлы (а среди них все отношения диктуются иерархией, положением в группе-табунке), оттощала ли она от бескормицы среди обилия непривычного для нее травостоя – но главной причиной все же оказалось людское «милосердие». временная игра в благородство. Люди от незнания полагают, что их забота перекроет выгоды самостоятельного существования зверя в природной обстановке.

У.У.: Почему для Зорьки естественная среда оказалась подходящей для жизни, а для Луниты – враждебной и гибельной.

Ю.Л.: Кабаненок чуть ли не с первых дней жизни проводил много времени вне поселка (да и поселок – средоточие хуторов), хотя и в сопровождении Сарычева. Лунита же – высокогорный зверь, но в первые месяцы жизни «воспитывалась» на голых улицах города.

В Чаткальском заповеднике по плану экологического просвещения в обширных вольерах вблизи конторы (а это зона сухих степей) содержали косуль, горных козлов, кекликов, голубей, беркутов, грифов. Продолжалось это более двух десятилетий. Заготавливали корм, имел место ветеринарный надзор, держали при животных рабочего – кормача.

Птицы при первой возможности улетали на свободу, копытные болели, тощали и отбрасывали отросшие в неволе до невероятных размеров копыта. Ветеринар при вскрытии сразу брал в руки печень, которая на этот орган, можно сказать, мало походила – настолько в ней переродилась ткань, было много наростов и она попросту кишела глистами и прочими червеобразными. К числу причин гибели животных относили степную солоноватую воду из артезианской скважины, однообразный корм – сухую люцерну, скученность, летнюю жару, вредную для среднегорных и высокогорных животных.

Была, конечно, и польза от невольников: дети-экскурсанты видели воочию живого зверя или птицу, и это был, возможно, единственный раз в жизни человека. А сколько пленки изведено на фотографии!

У.У.: Известно, что в зоопарках животные живут дольше, чем в

естественных условиях. Почему же в заповедных поселках забота человека оказалось несостоятельной?

Ю.Л.: Увезите зоопарковую животину в горы, в лес: она там не приживется. А насчет долголетия... Действительно в зоопарке организовано сбалансированное питание, ветеринарное обслуживание, сняты возможные стрессы. Но если в неволе к зверям и птицам относиться беззаботно, век их заметно укорачивается. Впрочем, это в полной мере относится и к домашнему скоту.

ТРАГЕДИЯ В ГОРАХ

*Шорох возник из глубины толщи снега, укрывавшей склон. Человек, идущий впереди, надежнее загрузил снегоступ—джапак и обернулся к спутнику. Тот догадался, что ведущий хотел выдать шутку: вот, мол, и снег начал дышать. Но не успел. Снег, весь склон поплыл. Люди растерялись: один испуганно крикнул, бросил ружье и рванулся вперед, другой судорожно ухватился за лямку, рванул со спины тяжелый рюкзак, туго набитый кабанятиной.

Лавина набирала скорость. В сужении взгромодилась белая гора. Черные фигурки, беспорядочно машущие руками, исчезли, и снег, накатываясь волнами, уплотняясь, понесся дальше, вниз. Набрав скорость, снежная масса ударилась о противоположный склон. С ближней скалы посыпались мелкие камни, стронутые ударной воздушной волной. Но скоро все стихло.

Окрестные склоны и вершины гор остались безучастными к свершившейся очередной зимней трагедии.

... Орозхуджа начал беспокоиться о невозвратившемся сыне на третий сутки после оговоренного срока: «Не впервые. Удача пришла поздно, так что выбирают, не торопясь с грузом». Так успокаивал себя он, вперив взгляд в потолок, неясно проступающий в предраассветных сумерках.

Трое суток прошло. Орозхуджа не выдержал, с утра поднялся на ближнюю к кишлаку гору, осмотрел склоны в бинокль, выпрошенный у знакомого чабана. Ни человека, ни зверя, ни следочка. Что и говорить, это не холмы—адыры рядом с кишлаком, это настоящие горы.

Взрослый сын, живущий отдельно своей семьей, уже не

первый раз отправлялся на охоту. Хотя какая может быть охота в заповеднике?! Браконьерство, конечно. Вот и на этот раз ушел в ту же сторону, прихватив с собой соседского парнишку, у которого из родственников – одна старая мать. С каждым разом передвигаться в горах было все труднее: снег засыпал все тропы.

Два дня валил снегопад, выше, в горах, конечно, с ветром, с метелью. С трудом упросив трех человек, осунувшийся от горя отец направился на поиски на двое суток. Перевалили границу заповедника, заночевали в сырой пещере. Все было завалено снегом: пройдешь рядом, ничего не заметишь! Вернулись в кишлак измученные и расстроены.

Истекла первая десятидневка. Лишь тогда Орозхуджа, понукаемый больше причитаниями соседки, направился в милицию с заявлением. Знакомый капитан обстоятельно расспросил его, вызвал начальника охраны заповедника.

Горе людское слепое, и Орозхуджа не был исключением: «Вы встретили сына в горах, за кусок мяса пристрелили его!» Работник заповедника едва себя сдерживал: «Ты ответишь за свои слова! Нам оружие выдается не для игрушек и не для разбоя, знаем, как с ним обращаться, когда его можно в ход пускать!» Для руководства заповедника наступили черные времена: сверху давит начальство – «не обеспечили...», «допустили...», а рядовые граждане косятся, видя в работниках заповедника чуть ли не врагов.

Милицейский капитан решил, что зря топтать снег нет смысла. И провел широкую познавательную работу. Особенно он обрабатывал известного браконьера, бывшего инспектора заповедника, на которого указывали как на вездешного партнера пропавших охотников. С ним и пошла в очередной раз поисковая группа из охотников и инспекторов заповедника. Капитан подробно проинструктировал поисковиков, но дальше полевой базы заповедника не поднялся, ссылаясь на особые обстоятельства.

Искать пропавших людей по глубокоснежью не имело смысла. Бывший партнер пропавших, он же бывший инспектор водил группу от одной ночлежки до другой. У скалы, под густоветвистой арчой наткнулись на припрятанную кастрюльку, которую Орозхуджа после некоторых колебаний признал своей. В полукилометре от ночевки наткнулись на сошедшую снежную лавину. Глядя на нее, браконьер припомнил: «А ведь лавина здесь сходит попозже – в конце февраля

или даже в марте».

С этого дня на снежные остатки лавины началось чуть ли не паломничество. Орозхужда съездил в соседний район к снеголавинщикам, потом к горноспасателям. Снежную толщу пронзили семиметровыми щупами, но подошвы не везде доставали.

В пору снеготаяния у лавины всегда находились люди. И лишь в конце мая среди обычного снежного мусора обнаружили вытаявшую кисть руки, чуть поодаль из плотного снега выперло плечо, некогда принадлежавшее другому человеку.

Работа с плотным снегом всегда тяжела. Здесь же она отягчалась горестным содержанием: пришлось тревожить останки давно погибших людей. Но в глубине души Орозхужди таилось чувство, похожее на облегчение: многомесячные поиски закончились, осталось отдать погибшим последний долг.

У.У.: Как часты случаи гибели людей от лавин?

Ю.Л.: В холодное время горы пустынные. Заповедник — не исключение. В декабре инспекторы еще добираются до верхней полосы среднегорья, потом снег не топчется, людьми до весны. Различные службы заинтересованы, чтобы с октября — ноября в горах оставался минимум людей — и в плане жизнеобеспечения и в плане безопасности. Вот и ходят в высокогорье зимой лишь редкие браконьеры, бродяжки («божьи люди») и прочие «хожалые» туристы, вышедшие из-под надзора.

ЗУБРЫ

*Разиль Чиныбеков проживал по-соседству со мной — через дом. Как и все сильные люди, он отличался добродушием. Из двора никогда его крика не услышишь: хозяйством заправляла и многочисленное потомство воспитывала решительная супруга Робия. При встрече Разиль расплывался в улыбку и, тщательно подбирая русские слова, выдавал какую-нибудь шутку.

К моменту моего появления в Сарычелеке Разиль работал лесником. Строгий директор, не дававший спуску лодырям, обязал лесников повысить свой образовательный уровень: «Не закончишь техникума — распрощаешься с должностью!» «Коль надо — значит, надо!» Разиль заочно закончил сельхозтехникум по отделению лесного хозяйства в далеком узбекистанском городе.

Весь долгий летний день Чиныбеков мотался по обходу, беседовал

с покосниками; туристов, свернувших в спасительную тень орехового леса, выдавливал обратно на дорогу. Не забывал он ни о сборщиках малины, норовивших собрать полведра запашистых ягод до восхода солнца, ни о рыболовах, умудряющихся забросить в кромешной ночной темноте сетку—накидку в речку. Для него было ясно: если живут люди в границах заповедника, значит, нарушениям обязательно быть! И его, лесника, долг — уменьшить вред от нарушений.

В заповедник завезли зубров. Каждый зверь стоил громадных денег, величину этой суммы Разиль себе и представить не мог. Но, когда стали выкликать добровольцев для наблюдения и ухода за диковинными копытными, он пошел, не слишком раздумывая: хотелось испытать себя в новом деле. И здесь Чиныбсков остался верен себе: поменьше вреда природе, если избежать его не удастся!

А вред лесу от зубров оказался ощутимым. Казалось, звери были неистощимы на выдумки, чтобы ущерб вышел богатым и разнообразным. Зубры уничтожали подрост деревьев, ломали кустарники; спускаясь, так уродовали копытами склон — кабанам с поросями не угнаться. Почему—то от зубров особенно страдал грецкий орех.

Зуброводы, а их в штате числилось трое, предложили перегнать копытных на луга выше границы леса, хотя бы на летние месяцы. Ведь идут же весной некоторые копытные: косули, кабаны — за отступающей вверх кромкой снега.

Зубры уже не держались сплоченной группой. Из полутора десятка особей один старый и два молодых самца держались поодиночке. Старая самка, неизвестно почему угодившая на расселение, лишь изредка навевывалась к сородичам.

Собранное стадо направили по дороге вверх. Два молодых самца так и не пожелали примкнуть к гурту, соблюдали дистанцию сзади. Ускорить перегон оказалось невозможным: зубр — зверь серьезный, может накинуться на всадника, стоптать вместе с лошастью.

Два дня затратили на перегон гурта в Верхний Кечкиль. И все напрасно! Зубры разбрелись вдоль верхней границы леса, а потом форсированно, за каких то полдня притопали в Томаяк, на старые свои места.

- Никоним образом не идти в поводу у зверей. Пусть отдохнут, а затем попытку повторить, — таков был приказ директора. Но, видимо,

все понимали: зубр — лесное животное, на дугах жить не будет.

Приказ забылся, и звери продолжали бесчинствовать в лесу. И то, правда: где-то же им, вымирающим, жить надо!

... Шли годы, подрастали дети, обростал хозяйством Разиль. Летом он косил сено в Томаеке, зимой это же сено скармливал зубрам.

Менялись кони под ним: бракованных прирезали на мясо, сильных, хорошо обьеженных, присмотрев, забирало себе начальство. Последний конь (ох, если бы знал Разиль, что он спланирован судьбой последним!) оказался молодым, норовистым жеребцом. Кто-то его обьездил, но не до конца привил ему послушание и вообще хорошие манеры. Разиль надеялся между делом довести неук до кондиции. Но не успел.

Ранней весной, когда бурлил снеговой водой Ходжаатасай, Разиль возвращался домой из зубропарка. До кыштака оставалось сотни три метров. Жеребец зачуял на другом берегу кобыл и потянул с дороги к речке. Разиль огрел его камчой, крепко натянул поводья. Не тут-то было! Жеребец (силы на полтрактора!) захрапел, попер в воду; ни камча, ни поводья не помогали. Вот уже волна залила сапоги, приподняла пустой хурджин. Он налилс водой, опутал ноги седока. Одна нога застряла в стремях. Волна играючи перевернула коня, тот подмял всадника под себя. Конь ползком выбрался на берег. Седока, уже мертвого, выловили из воды сбежавшиеся жители в километре от места катастрофы.

У.У.: Что же дало разбирательство?

Ю.Л.: Инспектор облпрофсоюза нашел криминал в действиях директора: Чиныбекову пятьдесят два года, а его, как в молодости, сажают на полубьеженного жеребца. Выводы повлекли за собой выговор, денежный начет. А кто виноват? Может быть горы, бурные речки...

У.У.: Часты ли вынужденные купанья?

Ю.Л.: Если человек осмотрителен, а конь надежный, переправа через реку, даже в половодье, тяжелыми последствиями не грозит. Я был свидетелем, как один молодой мужик переправлялся через бурную речку. На все мои уговоры не рисковать он отвечал, что на коня надеется. Первым рейсом он перевез двух сыновей, устроив одного сзади, другого спереди седла. Было видно, как напрягается конь, как уверенно он ставит ноги на дно. Вернулся седок на

исходный берег чуть ли не галопом, привязал накоротке к своему седлу упирающегося ишака и в третий раз пустился через бурный поток. На середине речки ишак сделал кувырок вдоль продольной оси, но ничего из сбруи не потерял. Конь буквально выволок его на берег.

Иногда случаются купанья и среди работников заповедника, но все они относятся к этому с юмором. Случай с Чиныбековым - это, конечно, исключение.

НАРУШЕНИЯ

*В горах водоток выбирает кратчайшее расстояние, вода стремится вниз по самому крутому месту. Здесь же вода, заключенная в надежную канаву, текла поперек склона, прихотливо повторяя все его изгибы. Арык был прорыт людьми в стародавние времена. Настолько давние, что на его берме выросли мощные тополя. Деревьев такой толщины по соседству на склоне не найдешь. Некоторые тополя, перебрав даровой воды, загнили и рухнули; брешь от выворота заделывалась с немалым трудом.

Я иду вдоль арыка по натоптанной, «служебной» тропке. Она исхожена людьми, набита копытами ишаков. Человеку нужна вода: чуть уменьшился водный поток — снаряжается гонец устранить причину. Арык — как арык. Вот только одна особенность: начинается и проходит километра полтора—два по территории заповедника, минует перевал-границу, которая так и именуется — Сувошкан (открытая вода). бурным потоком срывается в широкую долину, а там вода разбирается строго по нормам.

При организации заповедника водопользователей предупредили: в этом месте воду не брать! Покинет же вода пределы заповедника через десяток километров — тогда, пожалуйста, разбирайте на полив.

В окрестных хозяйствах потребители смирились: на фоне потерь выпасов, сенокосов, дровяных угодий арык метровой ширины выглядел не слишком большой утратой. Но своих усилий «водохлёбы» не прекратили. Капля за каплей долбит камень.

Кому-то показалось, что заход постороннего человека в

* Узбекистан, 1989 г.

заповедник, — не слишком тяжкое нарушение. И стоит ли на него внимание обращать?! В общем, всё возобновилось как в добрые старые времена. Весной подюжины работников неделю — другую чистят арык, на ишаках волокут металлические и резиновые трубы для латания дыр и перехода, подходящих сбоку мелких сайков. Летом чуть ли не ежедневно по тропе бегает мираб («князь воды»), надзирая за потоком. Какой ни есть фактор беспокойства! Тем более, что граница заповедника проходит рядом. Она совмещена со скотопрогоном, дважды в год по нему туда-сюда прогоняют отары и гурты. Ничего не поделаешь, где-то и овец надо перегонять!

Заповедное зверье: кабаны, косули, барсуки, дикобразы — давно сообразили, что территория в этой стороне не охраняемая. Временами я посещаю по какой-либо надобности участок между границей и арыком. И я никогда не поднимал, не выгонял из укрытий каких-либо зверей. Хотя вспоминается: однажды в марте стронул с лежки двух волков. Оно и понятно: волка нельзя считать принадлежностью заповедника.

В данном случае волк и косуля не определяют в полной мере суть заповедания. Главное — вода! Эталонную роль животного населения в заповеднике можно оспаривать, с водой же определено ясно: судя по гидрологическим исследованиям вода в горном заповеднике относится к классу абсолютно чистой. В близости от границ заповедника открыт цех, бойко работает линия по розливу «элитно-эталонной» воды. То есть доказывать, что вода — необходимый компонент в комплексе природы заповедника, нет необходимости. Однако с давних времен повелось: заповедник — это животные, к ним можно еще добавить деревья и кустарники, остальное ему ни к чему.

Когда в очередной раз затевается разговор о необходимости организации буферной зоны по границам заповедника, я подумываю: «Эта зона вроде бы существует де-факто, только вот почему-то, как вывернутый наизнанку пиджак, прилегает к границе изнутри заповедника».

У.У.: Какой режим предполагается для буферной зоны?

Ю.Л.: В одно-двухкилометровой полосе прописан шадящий для заповедника режим хозяйствования. В частности, нельзя охотиться, ловить рыбу, нормы выпаса приводятся к оптимальным, о сплошных

рубках леса не должно быть разговора. Считая свое «изобретение» удачным, некоторые авторы предлагают проводить в буферной зоне эксперименты: посевы, лесные культуры, отстрелы, отловы излишков зверья, а буде это возможным, хозяйствовать заповеднику напрямую, в частности развивать подсобное хозяйство.

На практике это выглядит иначе. Поскольку землепользователи (а проще – владельцы земли) иного ведомственного подчинения, все намечаемые меры чаще всего остаются благими пожеланиями. Более того, так называемая буферная зона порой превращается в плацдарм для наступления нарушителей на территорию заповедника.

Нельзя считать выигранным утвердившееся в биосферных резерватах Запада положение о включении буферной зоны в состав охраняемой территории. Руководство резервата обязано заниматься хозяйственным освоением природных ресурсов, привлекать предпринимателей, контролировать распределение доходов, то есть компенсировать высокую себестоимость продукции из природоохранных фондов и вообще делать хозяйствование и доходы справедливыми.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

*С каждым шагом подъема склон все более уплотшался, терял крутизну, в конце концов, выровнялся, превратился в уступ. Уплотненное место встретило меня сплошным ковром приземистого, рыжевато-зеленого в эту июльскую пору горца-спорыша. В давние времена здесь располагалось тырло, или кош.

Древних пастухов в определенном смысле можно признать стратегами. Место для стоянки скота подбиралось с расчетом на мало-мальский комфорт для животных. Самому пастуху можно и претерпеть невзгоды: ветер на открытом месте временами срывает палатку, воду и дрова надо завозить на ишаке или носить на себе издалека.

Правила древних остались неизменными до сих пор: тырла для летнего выпаса скота используются десятилетиями и веками. В выбитом виде они достались и заповеднику. На тырлах условия для растений жесткие: почва уплотнена, потеряла структуру, органика в

* Узбекистан, 1989 г.

избыточном количестве, место, открытое для жгучих лучей солнца и ветра. Поэтому здесь поселяются растения, приспособленные к дискомфорту. Проходят годы, десятилетия, а травостой как был горцовый, так им и остался. За это время истлел навоз, превратился в обычную почву, которая по-своему оказалась плодородной, рыхлой структурной (хоть сейчас картошку сажай!), но спорыш проявил незаурядные качества агрессора (в ботанике такие растения именуются виолентами - силовиками), не допустил в свою среду слабых, не выдерживающих междоусобиц растений.

Я перебираю стебельки растущего спорыша - может найду какую-нибудь мелочь, вкрапленную в рыжий ковер травостоя, умеющего постоять за себя. Действительно, попадаются одиночные растеньица веронники, ясенника, песчанки, гусиного лука. Тут и там торчат стебли зверобоя, трубкоцвета, лука, бузульника, пустырника. Но все эти растения встречаются в одиночку: побыли год-другой, помелькали и исчезли. Какого-либо влияния на жизнь травостоя они не оказывают. А кругом бушует другая жизнь: мощные прангосы, заросли вишенки и шиповника, редины арчи с покровом из душицы и зизифоры.

Я решил спрямить путь и сошел с «боевой», набитой тропы на северный склон - тескай. На нем не так сильно бесчинствуют, выжигают лучи солнца, влаги в почве остается больше, и растительность положительно реагирует на любую прибавку комфорта. Справа на склоне темнел древостой арчи, слева в неглубоком саю светлой и веселой зеленью играл лиственный лесок из яблони, алычи, клена, магалебки, груши с богатым подлеском из кизильника, шиповника, жимолости. На крутом склоне просматриваются выходы скал, покрытые темно-бурым, высохшим мхом; почва здесь маломощная, бедная. В дискомфортных условиях, на тескаях густо прижились, заполонили всё сухолюбы-кустарники: эфедра-хвойник, спирея-таволга, майкараган-калофака, миндаль, шиповник, жимолость, вишенка, курчавка.

Ближе к речке коренные, скальные породы прикрыты маломощным - до 2-3 метров - плащом из лессовой глины. Такое сочетание: крутой, скальный склон, покрытый маломощной глиной - способствует сходу оползней. Весной, в пору затяжных дождей глина насыщается влагой, изменяет электрический заряд и взаимное

расположение частиц — необходимые условия, чтобы соскользнуть как на салазках вниз по склону и остановиться только у прочной преграды. И не пожелай человеку ли, зверю ли попасть на пути этой сметанообразной массы! После схода оползня остается в земной тверди четко — выраженный желоб. Оползни-желоба видны повсюду на склонах: большие и маленькие, древние, сошедшие полвека назад и уже основательно заросшие, и совсем свежие, поражающие яркой желтизной.

Оползень полувековой давности в свое время взят на заметку: намечалось наблюдать и получить информацию как быстро происходит его зарастание. Выяснилось, что чем положе склон, тем быстрее зарастает желоб, хотя изначально он не имеет почвы. К слову, о почве. С чьей-то легкой руки везде кочуют сведения о вековой замедленности почвообразования: почва до к своей толще может нарастить всего один сантиметр за сто лет. На «нашем» оползне темно-окрашенная и пронизанная корешками трав почва, мощностью 1–1,5 метра, образовалась за неполных пятьдесят лет.

Вот стартовая точка оползня, откуда склон «поехал». Выемку с осыпавшимися бортами украшают небольшие, в три-четыре метра деревца арчи, клена, магалебки. С ними соседствуют крупные кустарники жимолости, майкарагана, хвойника, таволги. Вперемешку с травой растет кустарниковая мелочь: миндаль, вишенка, шиповник. Растительность ничуть не отличается от окружающей, за бортами бывшего желоба.

Несколько не дотягивает до нормальной, полноценной растительность в желобах при крутом падении, где почва из-за смыва не успевает образоваться. На смытом желобе нет крупных кустарников, травостой заметно реже, причем преобладают костры и вейник, способные произрастать на местах без признаков почвы.

Пройдя сотню метров поперек склона, я наткнулся на свежий, сошедший нынешней весной оползень-невеличку, три-четыре метра шириной, а длину желоба в двадцать метров определила вставшая на пути скала. Крутой излом бортов, высохшая глина, не потерявшая желтизны, и не единого росточка, ни зеленой былинки! Попытки зеленого освоения начнутся с первыми осенними дождями, в последующие десятилетия будет жестокая борьба за выживание растений с экстремальными условиями среды, а также между популяциями разных видов растений.

В заповеднике для растений, хотя и слабое, но все-таки облегчение не мешает скот. На выпасах скот иногда разбивает места оползней в пух и прах, превращает их в бесплодные обрывы, в лишенные растительности каменистые склоны

Частота схода оползней мало зависит от интенсивности хозяйственного пользования. Иногда в заповеднике в «урожайные» годы целый склон в течение весны может быть изрыт оспинами и шрамами оползней. Иное дело поверхностный смыв, эрозия почв. Если в пределах заповедника это нарушение мало заметно, то на выпасах — можно считать повсеместным явлением.

* * *

*Остаток лавины — осколок зимы! На окружающих склонах властвует летняя засуха, а на приснежной лужайке — ранняя весна. Талая вода, потоки холодного воздуха — холод ощущается даже в яркий солнечный день. Но человек пришел и ушел, а растениям нужно приспособляться к таким условиям. В местах ежегодных отложений снега постоянно встречаются кисличка, мята, котовник, лапчатка, лютик, некоторые альпийские мятлики — эти растения выдерживают холодный режим. И чем позже вытаял участок, тем беднее представлен он видами растений. Интересно сравнить потребность в тепле для одних и тех же растений. Для этого применяется такой показатель — сумма накопленных средних суточных температур от 0 до 5°C. К моменту зацветания недотроги в ореховом лесу накапливается почти 1000°, а на приснежной лужайке для начала цветения той же недотроги требуется сумма температур в два раза меньше. Вегетационный период на вытаявших участках земли как бы съедается: травы проходят свой цикл в полтора-два раза быстрее, прихватывая при этом и холодную высокогорную осень. Склоны порыжели от летней засухи и первых осенних заморозков, а на лужайках, на дне саев — яркая зелень, цветение трав, гудение пчел, прилетевших за взятком.

ТРОПЫ ГОРНЫЕ

*Встреча на территории заповедника своих работников всегда в радость. Есть возможность перекинуться новостями, посоветоваться

* Кыргызстан, 1971 г.

на счет неотложных работ, а если нет спешки – приготовить совместный обед. Поднимаясь вдвоем с лаборантом на перевал Очильды, мы издали заметили большую группу людей. В бинокль уточнили – наши инспектора.

Что они так долго делают на одном месте? Кто-то ходит поперек склона и внимательно высматривает, кто-то ковыряет землю лопатой. А вот совсем неподходящее занятие для инспектора, охраняющего природу, – ломом откалывать кусочки от монолитной скалы. А тут еще и горячий спор возник. Подъехав, поняли: группа инспекторов, вооружившись шанцевым инструментом, прокладывала новую тропу, взамен окончательно вышедшей из строя, к тому же очень крутой. Поводом для пререкания послужил выбор направления: взять слишком круто – для лошадей тяжело, больше накрутить серпантинов – работы людям прибавится. Поскольку пользоваться тропой придется исключительно самим работникам (редкие гости – не в счет), решили ради собственной безопасности и удобства не экономить на трудозатратах.

Троп на территории много, хотя их и не видно порой. Ложбину между скал проторили козлы; дважды прошествовал медведь, залоснив выступающие камни своей длинной, грязной шерстью. Среди травы скрывается тропка для скота, сохранившаяся с дозоповедных времен. Вот она четко обозначилась на куруме: здесь путники регулярно чистили ее от осыпавшихся камней, оберегая копыта лошадей. На глинистом склоне тропа пропала совершенно, заилась мелкоземом при обильных дождях и снеготаянии.

Тропы, проложенные геологами, даже через много лет после того, как были заброшены хозяевами, поражают своей шириной и тщательностью исполнения. Но пользоваться ими накладно: слишком медленный подъем из-за многочисленных серпантинов-поворотов. Не мудрено: геологи по тропам перебрасывали к месту работы массу полезного груза.

Географы полагают, что каждая тропинка – не игра случая, а скорее материальное выражение какой-то своей логики. Тропа в горах – средоточие опыта многих поколений людей, жителей гор. Пренебрежение этим опытом не только неэкономично, но порой грозит серьезными и нежелательными последствиями. Спешка,

* Узбекистан, 1978 г.

если она не оправдана, может привести, как подмечено многими пословицами, Бог знает к чему.

... Однажды мы, вдвоем, спустились с горы к поселку Аркыт. Далеко, на противоположном склоне мы увидели цепочку живых существ, берущих в лоб гору чуть ли не от крайних домов поселка. Не особенно задумываясь о последствиях, я сгоряча брякнул:

- Вот, и телята стали настоящими горцами, напрямую в гору поднимаются до хорошей травы.

Мой спутник иронично хмыкнул, но свое мнение высказывать не спешил, припал к биноклю.

- Это кабаны, для них посильна любая крутизна. И тропа там основательно набита.

Конечно, только в Сарычелеке можно среди бела дня и рядом с поселком увидеть табунок кабанов. Но я все-таки в душе ругал себя, что так обмисхурился. При передвижении в горах действует физический закон: сэкономишь силы – проиграешь во времени! В этом и заключается логика тропы, неукоснительно проявляющаяся столетиями. При подъеме на Курганташ просматривается несколько троп. Вот уже полвека покинули горы геологи, а широкая тропа, тщательно выполненная ими, сохранилась до сих пор.

Чабанская тропа, заброшенная в те же годы, конечно, не сохранилась бы, если бы не подновлялась копытами лошадей из «штата» заповедника. Она спрямляет, пересекает во многих местах геологическую тропу. Но для других диких зверей: горных козлов, кабанов, медведей – и она оказалась малопривлекательной. Звери прут прямо в лоб, по самому крутому, наикратчайшему пути. Только волк, сберегая подушечки своих лап, придерживается современной конной тропы – мягкой пыли здесь больше.

... При первоначальном устройстве весной, пока грунт мягок, тропу стараются вклинить в склон лопатой или киркой, выбирая мелкозем и камни, и укладывая тут же терраской. Упругие ветви кустарников, не поддающиеся топору, отягощаются камнями в сторону от тропы: хочешь – и дальше расти, человеку путь не загораживай. Дальнейшее улучшение тропы берут на себя лошади, умно ставящие свои копыта вплотную к образовавшейся стенке. Трава и кустарник стараются возмездием вернуть человеку, дождь или тающий снег иногда совершенно уничтожают его труды, но он

упрям и терпелив. И если поездки часты, то тропа поддерживается в «босвом» состоянии.

Идет тропа над обрывом, внизу шумит речка. Тут надо глядеть в оба, особенно весной: снизу обрыв подбирается к тропе, ступит лошадь – может с седоком ухнуть вниз. Лучше это место объехать. Броды через речки постоянно приводят к сомнению: годами было мелко, но в половодье на броне вымыло яму. Слабенькую лошадь с седоком понесет, закрутит, а то и перевернет. И поплывут чашки, чайники, свернутые в клубок палатки, до этого умещавшиеся в хурджине.

Таят опасности временные тропы, проложенные по снежным остаткам лавин. Снег слежался, но местами слой его тонок, маскирует обширные полости: падать опаснее, чем под обрыв – там хотя бы видно, куда катишься.

Первые снегопады ровным слоем укроют склоны – тропы хорошо просматриваются. Но дунул ветер, на гребнях образовались снежные надувы: лошадь в замешательстве, потому что за полгода тепла отвыкла от снега. Седоку приходится выручать, иногда по грудь, проламывая пуховую преграду. Весной снег сходит повсюду, кроме снежных надувов: они лежат в сохранности, становятся даже крепче, подтаивая днем и обледенева ночью. Приходится ломать голову, выбирая, где и как безопасно проехать, преодолеть снежный надув.

Опасной становится тропа после долгих осенних дождей, когда звёзды наконец высветятся и ударит мороз. Тут и хорошо кованный конь с опаской делает мелкие шажки, а седок поневоле вспоминает сверхъестественные силы: «Пронеси, господи!» Лучшие свои качества тропа приобретает в конце лета – в начале осени. Конь механически переставляет ноги, заботясь лишь о регулировании дыхания, седок глазет по сторонам, предаваясь своим думам.

Верховые лошади, в большей мере, чем человек, стараются придерживаться тропы. Если седоку требуется для чего-то съехать с тропы и двигаться параллельно ей или под небольшим углом, конь упорно стремится к оставленной тропе: заезаешься – и ты по воле коня вновь на тропе. Исчезли признаки тропы (а для человека и лошади они внешне могут различаться), и конь моментально и в растерянности сбавляет скорость, с рыси переходит на шаг. Если по какой-то необходимости человеку требуется проехаться без тропы

и по рискованному грунту: вязкой глине, мокрому песку, болотным кочкам. — конь и при возвращении будет четко повторять свой след. Так нагаптывается тропа.

Стремясь нагнать без тропы ушедших вперед своих собратьев, конь, с всадником или без него, топает по их следам, даже если компания ему подобных вдруг оказывается в поле зрения, чуть в стороне от следа. Обузу для человека представляет лошадка, выросшая вне гор, непривычная к горной тропе. Она запинается, сбивает ноги, а иногда может упасть. При неправильном её ходе сползает на сторону груз или ненагруженное седло, а спина — не успеешь оглянуться — сбивается, издырявливается.

У.У.: Как используются дороги, проложенные геологами пять-шесть десятилетий назад?

Ю.Л.: Печальное зрелище представляют заброшенные тракторные дороги (некоторые из них были пригодны и для автомашин). В горах их обычно прокладывали геологи, не останавливающиеся перед высокими тратами. Но закончены предусмотренные работы, вывезены бурстанки и неиспользованная взрывчатка, разобран щитовой домик, и геологи уходят, оставляя ржаветь поломанные лебедки, тяжелые сани, изогнутые дырявые трубы и сероватые выбросы щебенки из штолен, которые уродуют склоны.

Дорога, пробитая с великим трудом, спустя несколько месяцев становится непроезжей для механических устройств, имеющих колеса или гусеницы. Потревоженная взрывами горная порода разрыхляется на дневной поверхности, распадается на многотонные обломки, камни и камешки, которые осыпаются вниз и, в конце концов, заваливают дорогу.

Для верховых лошадей тракторная дорога — не путь; им затяжные, пологие серпантины не к чему, и конная тропа захватит кусок дороги в одном месте, в другом, а в целом стремится сократить путь — все вниз-вниз или вверх-вверх.

“ЦАРСКИЕ” ОХОТЫ

* Дементий успел объехать и поработать во многих заповедниках, в том числе и в южных. Сказались ли здесь неуживчивость характера,

* Таджикистан, 1969 г.

не позволяющая задерживаться долго на одном месте – своего рода «белый билет», – время ли, когда людей типа «перекати-поле» прославляли в кинофильмах, а про рюкзаки слагали песни, или же такова была его. Дементия. судьба-планида – судить об этом трудно.

Образование его позволяло оформляться на должность младшего научного сотрудника – мнс'а. На большее он и не претендовал. Научными трудами он, прямо скажем, не блистал, к обязанностям относился с прохладцей – на работе не горел. Но полевик был отменный.

Дементий Рыжепечекский категорически отрицал свои польские корни, утверждал, что таковых не имеется даже со стороны матери. Злые языки разнесли слух, что Дементию удалось при очередной смене паспорта вклинить в фамилию букву «ы», но дальнейшая трансформация Ржепечского в Рыжева-Печкина не удалась. Конечно, память его хранила разнообразные сведения о заповедных местах, их людях, нравах. Но больше всего в памяти удерживались сведения не то чтобы криминального свойства, но все-таки любой директор заповедника многое бы отдал, чтобы они не распространялись, не будоражили людей и вообще не «светились».

*Как-то однажды после плотного ужина, удобно облокотившись на мягкий спальник, поглядывая на мерцание догорающего костра, Дементий рассказал давнем случае посещения N-ского заповедника высоким гостем – министром западной державы. Конечно, с целью охоты. Чтобы гость не знал, что охота организована в заповеднике, аншлаг с угрожающей надписью у подвесного мостика был слегка заляпан грязью. Других аншлагов иностранец узреть не мог, потому что прилетел на вертолете. Двести ведер воды принесли жители ближнего кишлака из горной реки, чтобы вертолет не поднял пыль при посадке. С тех пор это место именуют французским аэродромом.

- Ну что придираться к словам? Если площадка французская, то и гость француз?! Да для горных жителей любой иностранец – француз!

Охрана равномерно распределилась: у вертолета, сверху и снизу по тропе, на висячем мостике.

Высокий гость с супругой, в сопровождении охраны, а также

наших лучших охотников – Кутбиддина и Орифа – перешел мостик и занял оборудованную засидку.

Напротив засидки, через неглубокий сай вздымалась в гору тропа. По ней медведь так часто ходил, что превратил её в подобие лестницы из утрамбованных ступенек.

Супруга высокого гостя, утомленная перелетом, прикорнула на мягком ложе и задремала. Сам гость выглядел свежо, расспрашивал вполголоса о местной охоте; горячился, пытаясь рассказать об африканских охотах – переводчик не успевал. Наши ребята не были буками, старались его рассмешить.

Солнце зашло, надвигались сумерки. Кутбиддин без слов показал на тропу: сверху спускался небольшой медведь, не подозревающий, какая ему готовится участь.

Вежливо растолкали супругу высокого гостя – смотри и не пугайся!

Медведь приблизился. После выстрела высокого гостя ударила канонада его спутников. Зверь получил столько свинца, что его убийство можно было регистрировать в Книге рекордов Гиннеса. Высокий гость, тем не менее, остался доволен: охота, его охота! – была удачной.

Естественно, шкуру медведя гость пожелал в качестве трофея. В день отлёта в аэропорту её удачно подменили, поскольку настоящий трофей был настолько продырявлен, что не годился для выделки.

В хлопотах прошло несколько часов. В ожидании рассвета – пилоты категорически отказались лететь ночью – опять пустились в охотничьи рассказы. Егерь Ориф неосмотрительно проинформировал иностранца, что в наших горах имеются еще и козлы. Министр загорелся убить горного козла. С рассветом вертолет сделал подскок, сел у дороги в соседнем ущелье, где уже ждала автомашина. Высокий гость и сопровождение проехали на вездеходе четыре-пять километров: машина остановилась.

Пока гость разминал затекшие ноги, Кутбиддин побежал за поворот. Что он там увидел и увидел ли он вообще что-нибудь (об это он до сих пор умалчивает), но крик у него получился громким:

- Козлы!!!

Пока люди бежали, на его лице отразилось уныние, руки безнадежно опустились.

- Где?

Кутбиддин нехотя показал на гребень из громоздящихся скал: убежали, мол, туда. Гость был благоразумным человеком, и после некоторых колебаний отказался от преследования зверей....

- Дементий, а может ты всё выдумал?

Дементий стал загибать пальцы:

- Аэродром французский; кровля на крыше в доме Кутбиддина именуется соседями тоже французской (а кровлю продали находчивому егерю из рыночного фонда, и это вам не легковой автомобиль, а кровельное железо!); ко всему этому трофей хранится, высокий гость со временем стал первым лицом, а в настоящее время он высокопоставленный пенсионер с двадцатипятилетним стажем.

- Значит, гость был все-таки французом?

Дементий недовольно повёл плечами: «Ну и надоедливый народ попался».

Не всегда удача сопутствует и сильным мира сего. Однажды приехал в нашу республику руководитель одной восточной страны. Закончив к обоюдной пользе все свои официальные дела, решил с супругой отдохнуть на лоне природы.

Он пожелал поохотиться в горах, в близкой ему обстановке, о чём в газетах, конечно, не писали.

Подобные дела готовятся и организуются серьезно. Наших егерей приодели, проинструктировали, особенно в той части, куда не соваться, не мозолить глаза высокому гостю. Не доверяя егерям, активно-подвижные молодые люди взобрались на гребни гор, прочесали биноклями местность на предмет удаления посторонних людей.

В назначенный срок прибыл гость, и в сопровождении двух оруженосцев-телохранителей и переводчика направился в глубь гор: охотник чуть впереди, по бокам с ружьями, готовыми к бою, оруженосцы, чуть сзади - переводчик, он же человек в штатском, он же телохранитель от принимающей стороны.

Через полчаса у всех поубавилась напряженность ожидания: вот-вот выскочит зверь! Все как-то расслабились, и тут откуда-то сверху раздалось:

- Эй!

Высокий гость, не привычный к такому обращению, вздрогнул.

даже съежился. Телохранители, как по команде, сунули правые руки в левые подмышки, хотя в руках держали ружья, и надобность в дополнительном оружии отсутствовала. В двадцати метрах на небольшой скале стоял смуглый, скуластый человечек в задрипанном кительке и выгоревшей фуражке: за плечами ружьецо.

– Скажи своему охотнику, что по нашим законам оружие передавать в чужие руки не полагается. Могут оштрафовать...

– Ты кто такой? – переводчик, наконец, обрел дар речи.

– Я тутошний егерь.

Переводчик знал много языков. На каком из них он разразился тирадой в адрес встречного, он сразу и не сообразил. Но, по-видимому, на русском, поскольку егерь почесал где-то за ухом, недовольно, с обидой в голосе протянул:

– А ещё в шляпе...

И так же моментально исчез, как и появился.

Охота была испорчена, сорвана. Увидели лишь одного барсука, да и тот юркнул в нору. Высокий гость был недоволен и не скрывал этого: бурчал одно за другим приказания сопровождавшим. Те с упавшим видом, со всех ног кидались их исполнять.

Переводчик был взбешен. Уединившись в кабине вездехода, он для начала потрепал местного начальника за грудки. Затем на соседней поляне выстроил «гвардию», но возмутителя не обнаружил. На расспросы получил противоречивые ответы: егерь обхода находится в отпуске-отъезде, а по второму варианту – этот штат вакантен уже более полугода. Были и другие последствия, но ... сие тайна великая есть.

– А вот был еще случай...

– Дементий, кончай травить, спать пора!

– Нет, я просто хочу сказать, что наши люди, будь они хоть какими высокими по положению, более приспособлены. К нам в Рамит приехал командующий военного округа. На первой машине он сам, с ним директор и наш великий охотник – егерь Салих, следом машина с офицерами obsługi, а на третьей – опять наши, местные. Шум от моторов стоял невообразимый, и авторитеты полагали, что охота после этого возможна только назавтра. В сумерках, по приезду, еще с третьей машины не успели выгрузиться, как в кустах раздалось – бах-бабах. Наши люди из сопровождения чуть

в обморок не попадали: не иначе на пути браконьер оказался, вот будет скандал. Все разъяснилось, волнение сменилось радостью, бурным ликованием. Оказывается, отойдя в сторонку (мало ли для чего нужно отлучиться в кусты после дальней дороги!) генерал самолично уложил неосторожного кабана...

У.У.: Неужели в наших заповедниках возможно такое?

Ю.Л.: «Царские» охоты в некоторых заповедниках и тем более в заповедно-охотничьих хозяйствах в недавнем прошлом были и считались обычным делом. Свою роль сыграли традиции: многие заповедники преследовали охотничьи цели, в частности, обогащение смежных территории охотничье-промысловыми животными. На Кавказе один из заповедников возник после преобразования Великокняжеской охоты. На Украине один дошлый природоохранитель наскреб на целую книгу описаний «царских» охот. Правда, начал он еще со времен Мономаха, а заповедные места существовали и в те далёкие времена, хотя по-другому именовались и несли религиозное начало.

Мне довелось участвовать в давние времена в представительном совещании. На въедливый вопрос одного из работников Воронежского заповедника о законности посещения заповедных угодий высокими охотниками, начальник главка популярно и доходчиво объяснил, что при той плотности оленя, какая имеет место в указанном заповеднике, приезжие охотники участвуют в биотехническом мероприятии по селекционному отстрелу излишних зверей. Подмывало спросить, а получают ли сторонние «селекционеры» зарплату за труды, но, увидев кислые лица сидящих в зале «воронежцев», расхотелось вникать в детали.

Сохранности природы в наших заповедниках мы обязаны во многом недоступности гор. Не всякий азартный охотник способен, да и захочет преодолевать кручи, протискиваться сквозь колючие кустарники, а без физических усилий охота мало удачлива в любых угодьях.

Одно из слегка прикрытых нарушений – выполнение «заявок». Цепь порученцев длинная – нарушение обязательно выплывает наружу. Когда браконьерство открывается, наказывают последние

звено. «стрелочника». Ползут слухи. Родственники наказанного нарушителя начинают возмущаться: «Почему оштрафовали (уволнили, арестовали) нашего Махмуда, а вот Махамад рядом был да убежал, ему – ничего?»

В Чаткальском заповеднике несколько лет назад произошел трагический случай: на организованной работниками заповедника охоте погиб один из участников, второй, стрелявший, естественно, попал за решетку. На протяжении нескольких лет их родственники раздували костер слухов, не давали ему затухнуть; забрасывали инстанции обращениями, требованиями. Как результат их активности, у директора заповедника случился инфаркт – инсульт... Да вы, Умидахон, об этом наслышаны, в заповеднике часто бываете.

* Вспоминается встреча глубокой осенью, в самую сильную грязь группы инспекторов (тогда их еще называли лесниками). Я обратил внимание, что самый пожилой из них, Садык-ака, был обут в валенки, но без галош – на лошади тепло.

Стал с ним прокручивать разные ситуации.

– Если нарушителей встретите, придется за ними бегать по кустам.

– Для этого держим Нуришку и Мехришку. Они мне бросают поводья от своих коней. Я сверху им команду, заодно «поливаю» нарушителей – их вначале надо словами обезоружить. А на бегу много не накричишься.

– Домой возвращаешься, как до крыльца добираться?

– Свистну, из дома выбегают сыновья. Они меня и до жаркой печки донесут. – И так, всё в том же духе...

И этот человек, который, пардон, даже в уборную на лошади ездит, однажды на полдня бросил своего коня и пошел бродить по скалам. Произошло это в конце апреля. Я шел по своим делам, издали заметил двух расседланных лошадок – Садыка и его соседа, тоже лесника. Несомненно, они выполняли чью-то «заявку» на мясо козла, взяли, так сказать, предмайские «обязательства». Я возвращался через пять часов, лошади по-прежнему стояли, ожидая хозяев, выели всю траву на длину аркана.

* Узбекистан, 1986 г.

ГОСТИ

УУ: Гости с претензиями и гости по необходимости: как сказывается их посещение, их «заявки» на работе заповедника?

Ю.Л.: Отношение двойственное. В прошлые времена посещение заповедника (имеется в виду контора) высоким гостем или представительной делегацией, особенно иностранной, для директора – «именины сердца», выражаясь языком известного писателя. Открывались районные заначки, фонды – ИЗ, появлялись дефицитные материалы, назначался ремонт... Какой же директор не хочет выглядеть передовиком?!

Причем иногда забывается, ради чего затевается сыр-бор. Однажды в расчете на приезд участников не то орнитологического, не то ботанического конгресса был организован ремонт. То ли средства оказались неподъемными, то ли начальство в передвижной мехколоне не слишком активным, но нагрянувшие иностранцы прошли по полу, преодолевая сугробы опилок, насыпанных из предосторожности, чтобы краска со стен не портила паркет.

- Ремонтик-с у нас. Вы уж извините! – застенчиво улыбался директор заповедника...

Отстрел зверей почетными охотниками – обычно составляет мизерную долю изъятий.

*Хотя бывают и исключения. Ваш покорный слуга однажды присутствовал при отстреле (совершенно случайно): полуручную самку хангула (тугайного, или бухарского оленя) превратили в кучку дымящегося мяса. Кому-то из высокопоставленных организаторов встречи пришла в голову мысль украсить банкетный стол блюдом из экзотического копытного. Приезжий высокий гость вряд ли притронулся к мясному кушанью, будучи в преклонных годах, надо полагать, строгим диетиком.

**Показателен один случай: может он объяснит природу нару-

* Таджикистан, 1975 г.

** Узбекистан, 1980 г.

шений. В давние годы наш сотрудник, с которым я делил кров на полевой базе, ценой ощутимых усилий добился разрешения на однодневный отдых у своих знакомых. Приезжие обычно крутятся у домиков, иногда спускаются к речке — нарушениями здесь не пахнет. Даже не взглянув на окружающие зеленые горки, молодцы принялись хладнокровно и методично опустошать привезенные с собой бутылки без обычного в таких случаях душевного подъема. Невозмутимость не покинула их и тогда, как компаньон из заповедника решил устроить спектакль: «Украли! Трех бутылок нет».

Я посоветовал ему сложить пустые и не вскрытые емкости. Ломоносовский закон («Ежели из одного места убудет, то в другом месте прибудет») оказался верным и в этом частном случае.

Когда отдыхающие обрели способность вновь передвигаться, я спросил, соблюдая максимальную вежливость и осторожность, нельзя ли было сию опустошительную операцию провести в городской квартире, под ровный шум кондиционера, не тащится по жаре в неизведанную даль? Молодцы и не думали обижаться: «Хочется испытать все прелести отдыха, доступные для немногих!»... Уезжая, один из них совершенно серьезно заявил: «Ну вот, отдохнули как нормальные люди!»

* * *

Сарычелек — средоточие красот — летом испытывает наплыв туристов, организованных и самостоятельных, экскурсантов и просто отдыхающих. Противоречия между местными жителями и приезжим туристско-отдыхающим праздным людом начинаются уже на уровне одежды. Отдыхающий считает, что для здоровья и общей пользы нужно загорать, принимать воздушные ванны, и поэтому оставляет на себе одежду, которую с большой натяжкой можно отнести к минимуму. Лесник или рабочий в заповеднике (как и в соседнем лесхозе) чуть ли не все жаркое лето, трудясь в поте лица (в буквальном смысле) на сенокосе, озабочен необходимостью ограничения влагопотерь из своего брэнного организма и поэтому строго следит, чтобы как можно меньше оставалось неприкрытого

тела. И все это основывает на многовековом опыте своих предков. Экскурсанты, «дикие» туристы, вырвавшись на лоно природы, считают, что законы остались где-то позади, в очагах цивилизации: лесники, приставленные к «исполнению», поражаются правовой безграмотности приезжих.

Однажды на озере Сарычелек лесник Чукетасв заметил медленно плывущее сооружение. В бинокль разглядел самодельный плот с туристами. Туристы, пользуясь вместо вёсел досками, выгребли уже далеко от берега, когда к плоту — четыре бревна, связанных ивовыми прутьями, — подскочила моторка. После разговора на повышенных тонах одного туриста пересадили в моторку, а плот подцепили на буксир. Моторке сообщили приличную скорость, и плот начал рассыпаться. Кое-как добрались до берега, Чукетасв самолично демонтировал топором плот, со скандалом усадил проштрафившихся в грузовик и отправил вниз.

Все приезжающие в Сарычелек, забываясь, собирают букетики цветов. «То, что растет, — не моё, а что в букете — моя собственность!» Владение красотой почему-то считается особым шиком. Добро бы в букет попадали такие распространенные растения, как лапчатка азиатская, зверобой пронзеннолистный, но ведь нередко стараются уничтожить красивоцветущие растения, многие из которых особо охраняются.

БРАКОНЬЕРСТВО — БИЧ ЗАПОВЕДНИКОВ

*Дождь был обычный осенний — мелкий, затяжной. Небосклон густо покрыли темные тучи: невозможно определить, когда закончился короткий ноябрьский день, когда вступила в свои права ночь. Давно смолкли приглушенные разговоры, обычные в пути, все вымокли. Жался лошадей, не слишком гнали их на подъем. Ожидасмый отдых в сухой землянке, а для измученных лошадей — выпас на ровной поляне, хотя и с высохшим травостоем, — предвкушение этих благ было главным среди обрывков других мыслей.

Передний всадник свернул с тропы, уперся в незамысловатое строснис, именуемое землянкой, и сразу разразился громкой

бранью. Оказывается, браконьеры обрушили крышу землянки, повалив опорный столб. Ничего не поделаешь – граница заповедника проходит всего в двух километрах.

Развели большой костер, сбоку приткнули чайник, начали сушиться. Лошади, на которых не сказалась беда человека, выстаивались, освобожденные от груза. Самый молодой из путников острым сучком расширил боковой лаз, протиснулся под крышу, обследовал и остался доволен.

– Два человека со спальными мешками разместятся. Да я сейчас супец налажу – очаг под крышей сухой. – Инспектор для верности взобрался наверх, покачался на крыше.

Браконьеры – отпетые люди, некоторые их «деяния» бессмысленны, порой отдают духом вандализма. Могут разобрать и пустить на дрова накат мостика над речкой, бурной в майское половодье. Могут в одинокой чабанской хижине завести лошадь в летнюю кухню, чтобы спрятать ее от осенней непогоды (после чего кухню уже нельзя считать кухней). Могут в сентябрьскую ночь при блеклом лунном свете обрушить орешину, собрать упавшие плоды и до рассвета удалиться на безопасное расстояние.

Нарушители придерживаются правила: что-нибудь привезти с гор домой. Не отстрелял горного козла, но встретил отбившуюся от отары овцу – превратить ее в мясо! Нарушители выкапывают в саду саженцы груши, ореха, высаженные весной. Был случай – эти людишки разобрали геодезический знак – треногу, венчавшую горную вершину десятилетиями: трубы сгодятся для газовой магистрали. Попавшись с поличным, браконьеры и прочие нарушители скулят, взывают к милосердию. Конечно, при себе у них документов нет, они заблудились, крепко оголодали, и вообще их уже спасать пора. Землянку в заповеднике они разрушили, походя, проявив «крутой» характер, а может быть и мстят за прошлые штрафы.

УУ: Я думаю, что в интересах любого руководителя – не только бороться с браконьерами, но и надо заботиться о своих работниках, создавать мало-мальский комфорт на рабочих местах.

Ю Л.: Ваша мысль при всей кажущейся правильности и привлекательности нередко оспаривается. Соорудили инспекторы простейший мостик–переход через реку – сразу же окрик: «Облегчае передвижение браконьерам и прочим нехорошим

людям!» У родника оставлена, подвешена на колышек стеклянная банка. Опять: «Нельзя!». Проектом предусмотрена сеть землянок и навесов. «Ни в коем случае! Возите с собой палатки».

Помимо браконьерского обеспечения, существует проблема (на мой взгляд, надуманная) ландшафтно-архитектурной неуместности всех человеческих творений в заповеднике. Вот озеро Сарычелек, вот катер, на котором можно удобно, и главное, быстро попасть в дальний конец водоема, в урочище Кольдымбаши (Голова озера). И тут же ненужные, «незаповедные» работы: гостей по озеру катать, туристов иногда прихватить, десяток ульев с пчелами завезти, пару топяков, выуженных на дрова, подтянуть к причалу. И все это сопровождается удушливым выхлопом, бочками с соляркой на берегу.

— Чтобы озеро стало заповедным, что нужно сделать? Правильно: удалить катер. В один день было исполнено: катер вытянули на берег, просверлили в днище две дыры, а всю сервировку, издающую незаповедный дух, загрузили на машину и увезли.

- Кому надо в «Голову озера» - добирайтесь через перевал Ашу! Высота большая — две с половиной тысячи метров? Ну, так это ж от уровня моря!

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

*Пологий подъем, прерываемый скалами, между которыми серпантином вилась тропа, привел на Третью фенологическую площадку. Феноплощадка выделена в натуре несколько десятилетий назад, свое название передала и окружающей местности. Отсюда открывается широкий обзор на горы и долины, как на ладони просматриваются все высотные пояса на участке — зеленые леса и степи среднегорья, пестрое от снежных пятен высокогорье. Вблизи же, если начнешь приглядываться к деталям, все законы поясности теряются, исчезают. Так, левобережный теневой макросклон Башкызылсая до самого гребня — до высот 2000 м над уровнем моря — покрыт лиственными и арчевыми лесами, кустарниковыми зарослями, среди которых торчат скалы. И совсем иная картина на правобережном макросклоне, экспонированном на

* Узбекистан, 1976 г.

юг, поглощающим и летом и зимой повышенную дозу солнечного тепла: внизу лишь ленты саев покрыты кустарниками и рединами, а все пространство занято миндальниками и растительностью из зонтичных – умбеллярами. Выше отдельными деревьями внедряется арча зеравшанская, а под Кумбелем арчовые редколесья образуют уже полосу.

Выше, в высокогорье, арчовые редины с кустиками жимолости, барбариса, шиповника постепенно сменяются дугами с преобладанием прангоса-югана, тарана, различных злаков. Ржавые склоны Кызылнуры, которые целиком относятся к высокогорью, покрыты редкой ферулой, а перед вершиной – колючетравниками: кузинией, песчанкой, котовником, астрагалом.

Сама вершина Кызылнуры голая, если не считать редких колючих подушек акантолимона, прилипших к каменистым глыбам белесых «лепешек» остролодочника савелланского, прячущихся в расселинах камней куртинок мятлика, пуччинеллы, меума. Здесь, в высокогорье, каждое растение надеется, если можно так выразиться, только на свои силы: в «подушке», в «лепешке», в куртинке сохраняется благоприятный микроклимат, перегнивший отпад вновь вовлекается в круговорот обмена веществ.

На Третьей феноплощадке Башкызылсайского участка почему-то на память пришли горы Сарычелеского заповедника. Осадков там выпадает больше, испарение в силу погодных и почвенных причин ниже, и это благоприятно сказывается на растительности. Высотная поясность здесь несколько отличается от той, что встречается в Башкызылсае. Склоны в Сарычелеке покрыты богатыми широколиственными лесами: кое-где в лесном сумраке встречаются темно-зеленые кроны елей и пихт. Чуть выше хвойные деревья уже преобладают, хотя и не выходят на освещенные склоны. В среднегорном, лесном поясе солнцепечные склоны заняты кустарниковыми зарослями из шиповников, боярышников, таволги, абелии, жимолостей, особенно обильна здесь экзохорда-карамарт. Луга в среднегорье представлены высокотравьем. Выше, на границе с высокогорьем, луга составлены из среднетравья: герань, купальница, осока, манжетка, лук, а на вершинах Музтор и Каратоко встречается реденькое низкотравье: мятлик, осока, лук, астрагал, горец...

Приезжие ботаники всегда удивляются: Сарычелек – форпост

севера. по характеру растительности обнаруживается сходство с Заилийским или Джунгарским Алатау. В различных горных системах климат с набором высоты изменяется по-разному, что в итоге дает резко отличные схемы высотной поясности. Исследователи уже давно пришли к выводу: что единой схемы высотной поясности быть не может даже в пределах одного горного региона. например гор Средней Азии.

Заметны и фенологические различия по высотным поясам. В низкогорье начинают зеленеть склоны, в высокогорье зима еще белеет нетронутыми снегами, и таяние на вершинах начинается через полтора-два месяца. Последние «языки» снега сходят на трехтысячниках – на Каратоко (в Сарычелеке) к началу – середине июля, на Кызылнуре (в Башкызылсае) – к середине июня. Соответственно и развитие растительности отстает. В первую половину вегетации зацветание леонтицы-гимноспермиума на каждые сто метров высоты запаздывает на четыре-пять суток, но в середине лета разница уменьшается, и высотный фенологический градиент (есть такой показатель!) в зацветании душицы или зизифоры составляет от полутора до двух суток, что дает при разнице высот, например, в тысячу метров шестнадцать-девятнадцать суток запаздывания. Осень начинается раньше в высокогорье, но такой раскочки, как весной. по высотному профилю не наблюдается: листья рябины у верхнего предела ее произрастания начинают желтеть в последней пятнадцатке августа (иногда в начале сентября), а в среднегорье начало желтения листьев той же рябины растягивается на первую декаду сентября, и фенологический градиент равен полсутки, редко – сутки. Природой ежегодно на развитие растительности отпускается в высокогорье в два-два с половиной раза меньше времени, чем в среднегорье. Но в среднегорье львиную долю теплого, бесснежного периода забирает летне-осенняя засуха, когда для многих растений наступает пора дискомфорта, а некоторые вообще усыхают. Продолжительность активной вегетации сказывается на темпах сезонного развития – как в высокогорье, так и в предгорьях развитие растительности форсируется: внизу из-за засухи, ограничивающей комфортное время, в высокогорье – из-за краткости теплого периода.

*Тропа серпантинном приклеилась к крутому склону. Подниматься

вверх тяжело, хотя это работа переложена на лошадей: мы занимаем свои места в седлах. Мой конек, уткнувшись в зад идущего впереди Рычага (хвост переднего – надежная защита от мух для заднего!) механически повторяет его движения. На Рычаге восседает директор заповедника Есипов.

– Виктор Михайлович, вы как будто впервые попали на Кукар, ко всему присматриваетесь, разглядываете...

Директор тяжело вздохнул, пропустил мимо ушей мое замечание с неприкрытой иронией:

– Бумажные дела в конторе держат. Выезд в горы для меня теперь как праздник. А раньше, когда диссертацией занимался, неделями в горах пропадал: себе работа – детям отдых. Сейчас летом внуки изнывают от жары, а мне все недосуг попасть в горы.

– Вот приглядитесь, – продолжал он, – сколько появилось подроста арчи, яблони, как плотно стоят кустарники. Двадцать семь лет назад, когда я только что заступил на должность, тут арча от арчи стояла на сто метров, весь подрост – и хвойных, и лиственных пород – выбивался скотом. Да у меня фотография сохранилась с тех времен.

Я попытался высказать иную мысль. Дело в том, что здесь на Кукаре у меня под наблюдением была строго фиксированная площадка. Особых изменений на ней за последние пять – шесть лет не происходило. Но Есипов продолжил:

– И что интересно, усиленная трансформация происходит лишь в первые годы: заделываются бреши в растительном покрове, травостой и кустарники смыкаются, появляются новые растения. Но потом как-то все идет на убыль, стабилизируется. И даже может повернуть вспять. Арча, например, и в заповеднике, и за его пределами засыхает – предполагается заболевание от ржавчинных грибов. Деревья теряют иммунитет от загазованных ветров, достигающих заповедной территории от металлургического комбината. Или алыча, гибнущая от тли. Как вы знаете, началась эта напасть за двести пятьдесят километров от нас, перемахнула через границу заповедника. Вот тебе и заповедный режим! Все надежды рухнули. Не всё так прямолинейно складывается и действует.

Есипов пробормотал еще что-то насчет кабинетных ученых, разрабатывающих и предлагающих природе стратегию ее развития.

(«Природа всегда права! Но права то она для себя, а не для человека...»).

– И все-таки заповедный режим – великое благо для дикой природы! Пусть какой-то участок уже не в состоянии восстановиться до коренной растительности: что была здесь тысячу лет назад в пору малолюдья, пусть не складывается природное равновесие, пусть на заповедник давит газами металлургический комбинат! Все равно растут деревья и кустарники, все бывшие обнажения прикрыты зеленью, звери и птицы не пуганы...

Мы подъехали к тополёвнику. Растет тополь – значит, близко от поверхности залегает водоносный слой. В слабой тени от ажурных крон тополей просматривался корневой подрост, больше половины которого уже засохло, а оставшиеся былинки-хворостинки выглядели некондиционными. Установлено, что природа щедра, когда касается размножения, увеличения численности вида. Из сотен корневых отпрысков до взрослого состояния доживают единицы, но и этого хватает, чтобы в тополевым лесу происходила самосмена. К тому же, по окраинам тополёвник ведёт решительное наступление, ежегодно отхватывая изрядный кус земли под тополевые отпрыски-торчки.

– Обратите внимание, сколько здесь подроста арчи. А ведь она не в силах бороться с травой самостоятельно. Здесь же тополь создает мало-мальскую лесную обстановку – и в почвах, и в водоснабжении корней, и в освещении. И если пять процентов подроста арчи выживет, то тополёвник со временем может смениться древостоем арчи. – Есипов, лесовод по образованию, по складу ума, сел на своего любимого конька. – Тяжело приходится лесу в здешней местности, даже в горах. Поэтому и мало его. А если дерево выдержит в первые годы и десятилетия – выглядит не лучшим образом: низкорослое, изогнутое, колючее. Хорошо, что в заповеднике скот не мешает.

... Прошли годы, десятилетия с той поездки, почему-то отразившейся в моей памяти. На могиле бывшего директора, сделавшего так много для заповедника, возвышается памятник. А леса, его забота, по-прежнему шумят на горных склонах.

У.У.: Можно ли ожидать, что в благоприятных условиях заповедника со временем в среднегорье все сплошь заполнит лес?

Ю.Л.: Лес в наших засушливых и полусухих регионах – великая ценность! Не зря в момент организации Чаткальского и

Сарычелеского заповедников в их полных названиях присутствовали слова «горнолесной» и «ореховоплодный».

Полагают (хотя этому мало подтверждений), что наши горы еще в историческое время чуть ли не до вершин были облесены. Это и сплошные древостой, и редины — их было больше, — и крупный кустарник. Вернуть те благодатные времена, мне кажется, не удастся ни пассивным заповеданием, ни лесокультурными восстановительными работами (в том виде, в каком они проводятся ныне). Экологические условия изменились настолько, что к прошлому возврата нет.

На территории заповедника все хорошее (если иметь ввиду исключение отрицательного воздействия антропогенного фактора) «забылось»: выдвинулись другие отрицательные факторы и в первую очередь недостаток влаги во вторую половину вегетационного периода, а кое-где — отсутствие почвы, то есть в экосистемах утрачены лесовосстановительные свойства — точка возврата пройдена.

Человек способен создать лес (как, впрочем, способен и на многое другое), но в сухих аридных горах это «обойдется в копейчку»: да и потребуются особая технология, необычные принципиальные подходы, то есть придется, что называется, «шевелить мозгами». А пока что лесхозы уже неоднократно прошли по лесокультурному фонду: «сажаем — списываем, сажаем...».

НУЖНОЕ И НЕНУЖНОЕ

*В один из жарких дней я добрался автобусом до конечной его остановки — подгорного кишлака. Дальше в заповедный участок вела конная тропа: по ней я не спеша поднимался, рассчитывая через час попасть на полевую базу.

Внизу у речки группа из трех-четырех человек чем-то занималась, порой поднимался спор. В группе я признал агронома районного сельхозуправления; свернул в их сторону.

После взаимных приветствий выяснилось, что специалисты из отдела по борьбе с вредителями берут для анализов воду из речки, вытекающей из заповедного участка. В ящике громоздились наполненные бутылки и банки.

Ко мне, как работнику заповедника, агроном был настроен не слишком дружелюбно. В его сбивчивой речи слышались слова:

«акт», «суд», «арбитраж», «распространители заразы». Наконец я понял, что все их усилия направлены на обнаружение в речке, вытекающей из нашего участка и разбираемой ниже на орошение полей и садов, семян и кусочков стеблей повилики – плетущегося паразитного растения.

Повилика, не разбирая границ, бесчинствовала и в заповеднике, и в соседнем совхозе. В хозяйстве с ней боролись весьма решительно: пораженные участки заливали соляжкой, перепаживали. В заповеднике же, исходя из принципа: «Ничего не трогать!» - повилику оставили в покое. Путем несложных умозаключений в сельхозинстанциях пришли к мысли: «Борьба с повиликой неэффективна, бесполезна, пока заповедник будет ее холить и лелеять».

Действительно повилика вела себя «не по правилам». Считается, что при заповедном режиме возникает равновесие и сбалансированность в природе, в конечном итоге паразиты и вредители окажутся в загоне, здоровые силы победят тучи тьмы и зла, и возникнет, если уж не благоденствие, то толерантность, терпимость между «нужными» и «ненужными» организмами.

Век человеческий короток, трудовые будни сжимаются еще в меньший срок. Заметить коренные сдвиги в природе за малое время трудно, а так хочется иметь всё и сразу. Чтобы, ко всему прочему, подтвердились благие намерения и самые смелые предположения.

Я впервые увидел переплетения повилики по ручьям двадцать лет назад. «Временно, пройдет!» - Мелькнула мысль. Не прошло! Повилика лезла вверх по склонам и, мне кажется, много сделала, чтобы способствовать переводу зеленых кустарников – шиповника, алычи, крушины, кизильника, жимолости в сухостой, валёж, в прах. Казалось бы, откуда ей взяться: на каком-либо склоне и духа ее не было в прошлые годы. Но, видимо, нанесло воздушными потоками летучих, пылевидных семян, и возникла колония, разрастающаяся вширь. Сгубив кустики – опору и источники питания – плетущаяся зараза отмирала сама, но ее продолжение закреплялось в другом месте.

Мы с агрономом направились к дороге, куда должна была подойти автомашина. Сзади два человека несли тяжеленный ящик с образцами воды. Забегая вперед, скажу, что из всей затеи у сельхозуправления ничего не вышло: то ли никто не стал разбираться, то ли компромата

оказалось недостаточно. - но заповедник не тревожили по поводу повилики.

Агроном задумчиво оглядывал лежащие у подошвы горы сады и виноградники, потом высказал свои соображения как давно устоявшееся мнение:

— Все-таки человек украшает своим трудом землю! Не то, что ваша заповедная природа. — Агроном не удосужился развернуться в сторону заповедника, просто ткнул большим пальцем из-за плеча.

Что ж, сравнение действительно не в пользу заповедника: внизу — зелень, геометрически правильные ряды виноградников и садов, светлые нити больших каналов и арыков, наполненных водой: за нашей спиной — сухие, каменистые склоны, поросшие колючим миндалем и курчавкой.

Жара не располагала к спорам. Но хотелось высказать сельхозработнику, что окультуренный ландшафт для производства продукции требует трудов и трудов, что за пятьсот лет почва от усилий человека утратила плодородие и структуру, пресытилась удобрениями, что человек и пашня повязаны друг с другом. В заповедном миндальнике, на крутом склоне, — все свое, для самовосстановления не требуется никаких вложений со стороны человека. В почве хватает и питательных веществ и влаги достаточно, чтобы обеспечить жизнь кустарникам и низенькой в двадцать сантиметров высотой траве, высыхающей из-за суровой необходимости к июлю. Все подогнано друг к другу, все, что было двадцать лет назад, останется в таком же виде в наши дни. повторится, чуть ли не в мелочах через следующие двадцать лет. Добиться такой же сопряженности на окультуренных землях человеку пока не удастся, а это оборачивается необходимостью вкладывать труд и еще раз труд. И если в красоте (с точки зрения человека) сухой склон проигрывает пашне, то в выгоде несомненно остаётся дикая природа.

У.У.: Много ли видов сорняков чувствуют себя вольготно в условиях заповедания?

Ю.Л.: Кроме упомянутых повилик (пять видов) и горцов, покрывающим ковром бывшие тырла (2-3 вида), в Чаткальском заповеднике после полувекового заповедания неплохо себя чувствуют и мешают другим растениям испытать себя «вольными гражданами» десятка два видов сорных растений. Агрессивно

ведут себя душица, зизифора, мордовник, бузульник (три вида), лаготис, зверобой, кузиния (два-три вида), шиповник (два-три вида), трубкоцвет (два вида), пырей, щавель (два вида), василек и некоторые другие. Они неплохо себя чувствовали в условиях пастбищного хозяйства, а в изменившихся условиях используют выгоды заповедания и их сорняками-то уже считать нельзя. Иные травы, вписывающиеся в естественные сообщества, становятся агрессорами. Так, злаки, разрастаясь на мощных, влажных почвах, дают обильную ветошь при отмирании (а в заповеднике она не разрыхляется и не разбивается копытами животных), тем самым вытесняют неконкурентоспособные виды, в результате обедняется видовой состав, снижается биологическое разнообразие. Пример тому – широко распространенные в наших горах бородачевники.

С огорчением следует признать, что наши «требования» к заповедному режиму (а зачастую человек настроен на максимум своих прихотей и желаний) не всегда оборачиваются должной отдачей. Более того, многократные повторения отдельных положений и «теорий», принятых априори и принявших вид аксиом, у практиков могут вызвать сомнение, и даже неприятие: «Скажи сто раз «халва» – во рту сладко не будет!»

ОПАСНЫЕ РАСТЕНИЯ

Растение, контакта с которым следует избегать, – ясенец узколистый, или купина неопалимая. Своими крупными, яркими цветками ясенец привлекает неопытных новичков, но, сорванные для букета, цветы жестоко метят болезненными волдырями. В мае в жаркий полдень ясенец испаряет эфирные масла. Пользуясь этим, некоторые не в меру ретивые шутники устраивают представление: поднесут горящую спичку, пламя охватит кустик и мгновенно погаснет, а купина стоит нетронутая. Отсюда и название, заимствованное из библейских источников – купина неопалимая. Еще одно довольно распространенное в горах растение обладает дурманящими свойствами – кодонопсис ломоносовидный. Невзрачные цветки, листья салатного цвета. Относят его к семейству колокольчиковых, и в быту его называют, не мудрствуя, вонючим колокольчиком. Однажды в жаркий день, спускаясь по узкому ущелью Вохи (заповедник Рамит), я дважды пересек заросли кодонопсиса.

попадались в пути и одиночные растения. Стояла духота, встречный ветерок, который обычно дует днем снизу и на который я так надеялся, в этот раз не ощущался. Надышавшись выделениями, я почувствовал себя, мягко говоря, «не в своей тарелке». Тропа уже вывела из сая на гребень, здесь гулял ветерок, а меня по-прежнему качало из стороны в сторону. Конечно, восприимчивость к запахам – индивидуальная особенность каждого человека. Был случай, когда пришлось выводить за руку студента-практиканта, которому стало дурно среди тарана, вымахавшего в рост человека. Большинство же вдыхают медовый запах цветков тарана дубильного с удовольствием и в своих воспоминаниях пребывание в горах связывают с зеленым лугом, запахом тарана и прочими приятными вещами.

Иногда в растениях слабо «разбираются» существа, для которых это жизненно важно: лошади, коровы, овцы и другие травоядные. Весной, когда трава сочная, зеленая и некоторые растения имеют повышенное содержание алкалоидов, бывают случаи, что лошади временно слепнут, овец одолевает вертячка, коровы дают горькое молоко, от которого отказываются и телята. Правда, неразборчивость к кормам считают следствием голодной зимы: с появлением зеленой травы, а весной к тому же в траве содержится много влаги, – не до гурманских изысканий. Чабаны именуют трудный период начала весны временем овечьей смерти. Выпущенная на волю овца видит на бугорке неподалеку щетку густой зелени и устремляется туда. При ближайшем рассмотрении всходы травы оказываются не настолько густыми, чтобы утолить голод, зато в двадцати метрах на соседнем бугорке густая зелень так и манит. Овца устремляется туда. И так бесконечное число раз, пока носят ноги.

БИОЦЕНОЗ

*Каждый год своеобразен, хотя бы в деталях. В один год весна оказалась затяжной, холодной, в другой – осень отличилась ранними снегопадами. Но бывают годы без каких-либо экстремумов, средненькие, вполне нормальные. После него проходит время, год – другой и о нем нечего вспомнить. В недрах такого стандартного года могут подспудно разгораться незаметные глазу процессы, заявляющие о себе громко, иногда даже скандально.

* Узбекистан, 2004 г.

Ежегодно, с набором теплавесной начинается обычный круговорот в живой природе. На деревьях и кустарниках появляется молодая, изумрудная листва. на ней тут же объявляются гусеницы кольчатого шелкопряда. Пройдет еще три-четыре недели. и в кронах деревьев и кустарников из укромных яйцекладок, упрятанных заботливыми мамашами-бабочками предыдущим летом, появляются гусеницы непарного шелкопряда – волосатые черные червячки со двоянными красными и синими точками на спине. Там гусеницы непарника изгрызли крону боярышника, в другом месте густо усыпали тропу точечным пометом под яблоней. Побесчинствовав около месяца, гусеницы уходят на покой, превратившись в неподвижных, не приносящих вреда куколок. И так продолжается из года в год.

В природе все связано и даже, как полагают, все разумно. «На то воля Божья!» – вздыхают верующие. «Насекомые, членистоногие – необходимый компонент биоценозов, составная часть биоразнообразия: непарный шелкопряд – не исключение. Только проявляет он свою жизненность через вспышки», – утверждают ученые.

С этих позиций терпимости, необходимости и даже желательности и было построено отношение к вредящей деятельности шелкопряда. Тем более что в заповеднике вмешиваться в ход природных процессов не полагалось. К тому же, деревья боярышника, оголившиеся в начале лета, находили в себе силы дать вторую генерацию листьев, хотя и хилых, неполноценных, но способных удержать организм на плаву; не дать ему засохнуть или загнить, что несомненно и происходит, если растение лишится листьев на весь вегетационный период.

Очередная весна была вполне нормальной, если не сказать – приличной: дождливая погода сменялась периодами ясной, солнечной; тепло, хотя и преобладало, но иногда возвращались холода – отголоски прошедшей зимы. Почти весь май не было дождей. Появились первые гусеницы непарника – фенолог зафиксировал дату. Казалось бы, все пойдет и дальше по накатанной дорожке. Но с каждым днем гусениц все прибавлялось: появились оголенные кроны боярышников, яблонь; вот уже целое насаждение фиштакки (посадки тридцатилетней давности) лишилось листвы. Круг растений, охваченных прожорливыми полчищами волосатых медлительных существ, достигающих своих целей исключительно большой численностью, стремительно расширялся: рябина, орех, клен, шиповник, курчавка, спирея, алыча, барбарис, ива, тополь,

миндаль. Из травянистых растений больше всего пострадал почему-то ревень. Казалось, вредитель сознательно выбирал «сладкое»: с противоположного склона хорошо просматривались оголенные круги яблонников, ленты рябинников, растянувшиеся от подошвы склона до гребня. По-осеннему неприятно выглядели обнаженные заросли курчавки.

Правда, существенный урон растительности был нанесен шелкопрядом только в Башкызылсайском участке заповедника: в Майдантальском же участке год по вредителям был обычным. И вообще, к северу и к северо-востоку от заповедной территории горные леса, а они встречаются небольшими участками – выглядели нетронутыми.

- Что же вы хотите, чтобы в заповеднике, в его лесах все оставалось неприкасаемым? – «обнадежил» специалист по болезням и вредителям леса, когда я обратился к нему за консультацией, за советом. – Заповедный режим – это еще не всё! Видимо, экологическая ситуация сложилась благоприятно в предыдущий сезон – появилось множество яйцекладок шелкопряда, зима и весна также благоприятствовали сохранению и развитию вредителя. Ну, а сами древостои и кустарники ослаблены, потому что произрастают на юго-западной оконечности гор – дальше сухие степи и пустыни. Как известно, произрастание на краю арсала – это балансирование на лезвии бритвы. В вашем лесорастительном округе постоянно гнездятся болезни: ржавчина боярышника, засыхание кроны арчи, ореховая плодожорка, тля и марсония плодов алычи, а теперь – вспышка численности непарного шелкопряда – вредителя-листогрыза. Одно утешает: вспышки ежегодно не повторяются. И если такое бедствие случилось, как утверждают отчеты прошлых лет, впервые за тридцать – сорок лет, то будем надеяться, что вредитель оставит вас в покое на будущие годы, если не на десятилетия.

На этой, признаться, не слишком приятной ноте и закончилась наша беседа.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Погода менялась на глазах. Утром было ясно, солнечно. Не успели мы на лошадях подняться на гребень, ведущий к горе

* Узбекистан, 2002 г.

Курганташ, как чернота плотно упаковала небосвод, закапал дождь. На первой попавшейся горизонтальной площадке привязали к кустикам лошадей, извлекли из чехла палатку. за 2–3 минуты установили ее, упрятали вещи, следом протиснулись внутрь и сами. Дождь побарабанил десять минут – не затяжной. летний, хотя на календаре числился конец сентября.

Перерыв оказался уместным – лошади немного отдохнули. Собрались, подтянули подпруги, и лошади резво тронулись в гору.

А вот и первая пробная площадка, намеченная к обработке. Я, как работник с большим стажем, должен знать, где вбиты металлические костыли, маркирующие стационар. Бегаю по склону. Из четырех костылей обнаружил два; а ведь площадку посещал последний раз два года назад. Чуть пониже положенного места наткнулся на извлеченный из земли и засыпанный грунтом костыль: видимо, в прошлом году зимой его «выкорчевала» лавина. Четвертый кол. по-видимому, той же лавиной унесло вниз. Придется с помощью рулетки восстанавливать утерянный маркер.

Другой научный работник Александр Есипов (он в должности заместителя директора) налаживает связь с космосом. Он извлек небольшой прибор – с ладонь величиной, – нажал нужные кнопки и, опираясь на спутники, конх запущено в ближний космос великое множество, считывает с табло координаты – широту, долготу, абсолютную высоту.

А примкнувшая к нам журналистка, чтобы даром не есть походно-полсвой хлеб, помогает и тому, и другому.

У.У.: Мы так не договаривались! Я участвовала в работах, чтобы войти в образ...А поясните мне, зачем нужны координаты стационаров?

Ю.Л.: Полевые исследования в заповеднике проводятся на постоянных площадях, маршрутах и пунктах. Из года в год или с другой периодичностью. Важно сохранить преемственность, несмотря на сменяемость или временное отсутствие исполнителей.

При закладке пробных площадей и маршрутов исполнитель обязан «привязать» их к какому-либо близкому ориентиру: квартальному столбу, пересечению тропы и ручья и прочее – и составить абрис-чертеж. С изобретением навигатора (а для этого надо иметь компьютеры и спутники) рулеткой и буссолью можно себя не

обременять. Все делается гораздо быстрее, а результат привязки более точный, выражается в географических координатах.

САВИЧ

*Составляя отчет по научной теме, я обрабатывал полевые дневники инспекторов охраны. Из дневников-тетрадок можно почерпнуть много ценного, потому как инспекторы – народ глазастый, без бинокля определяют половой и возрастной состав горных козлов в табунке, который показался на несколько секунд и моментально исчез за гребнем.

Упоминаются места встреч, до боли знакомые, так как я сам часто здесь хаживал: Минораташ, Курганташ, Кунгир, Джайляуча, Каразау, Терекли, Серкали, Куракты. Но вот в дневниках стало часто упоминаться новое название – Аликкаров. Алик, Алик-ака – так для краткости и в тоже время уважительно в свое время именовали заместителя директора заповедника по научной работе Олега Владимировича Савича. Аликкаров (во втором слове «к» очень твердое) – значит, наблюдательный пункт Савича.

Действительно из-за ранения, полученного на фронте, Олег Владимирович (Алик-ака) по территории передвигался только на лошади, на своем Яшке. Персональный мерин, несмотря на свою могучесть, во время учетных работ мог доставить стокилограммового Олега Владимировича от кордона, что расположен в устье Зимнанса, до геодезического знака на гребне каких-то три-четыре километра. Дальше шла пешеходная тропа. Алик-ака усаживался под треногой, у бетонной тумбы, сооруженной в незапамятные времена, и часами наблюдал – считал зверье, показавшееся на склонах, контролировал людей, мобилизованных на учетные работы. Геодезический знак, конечно, имел свое имя, но, вот, поди-ты, за этим местом закрепилось (на сколько десятилетий!?) более подходящее название – Аликкаров.

Савич, как и полагается при его должности, в свое время окончил институт, затем заочную аспирантуру. В последующем в личном плане с наукой у него не заладилось: подюжины научных публикаций в

* Узбекистан, 1995 г.

малоизвестных сборниках – это никак не говорит о перспективности научного работника. То ли поздно он начал набираться знаний – помешала война, то ли интерес не проявился и честолюбие не сработало, то ли сказалась прирожденная и приобретенная лень (и та и другая присутствуют почти в каждом человеке), но личный вклад в науку оказался весьма скромным. Но в руководителях научного отдела Савич оказался на своем месте. Такой вот парадокс.

С годами он усвоил, что самый выигрышный вариант формируется, если всемерно ублажать вышестоящих руководителей и не мешать и не мешаться под ногами у инициативных, творчески мыслящих подчиненных. Руководители были вынуждены заниматься показухой, спуская в заповедники планы, далекие от реальности, отражая наскоки–обвинения со всех сторон в никчемности заповедной отрасли, в бесцельном расходовании народных средств. Однажды на столе у замдиректора, сидящего тут же, я случайно увидел перспективный план научных исследований. Громадью планов стоило подивиться.

– Олег Владимирович, ведь нереально на пять исполнителей планировать восемь больших и малых тем: чтобы получить весомый результат нужно сотни дней пробыть в горах, пройти десятки километров пеших маршрутов, «перелопатить» полтысячи литературных источников.

– А кто вам сказал, что все запланированное подлежит исполнению? Несравненный Ходжа Насриддин указал нам выход: через пять-десять лет либо падишах умрет, либо ишак сдохнет... С нас требуют.

И действительно, все как-то сходило с рук.

У Савича был особый нюх на выходные, диссертательные темы и на способных работников. Если эти векторы совпадали, ему оставалось ожидать и регистрировать результаты. Умел он ладить с лодырями и откровенными бездельниками, а также с несостоявшимися и непризнанными гениями, которые, как мухи, липнут почему-то к заповедной науке.

– Олег Владимирович, ведь главное для заповедника и его науки

– Летопись природы. А вы гоняетесь за модными направлениями: то у вас мониторинг на мхах и лишайниках, то биоразнообразие высших растений!

– Что ж, классическая Летопись ничего не даст каждому отдельному исполнителю, потому что нужны десятилетия, чтобы выявились какие-то связи и закономерности. То ли дело – хроматографический анализ на содержание тяжелых металлов: и для исполнителя весомый результат и для Летописи природы материал, пусть даже в виде кучей габлицы.

И действительно, исполнитель, во-время «оседлавший хроматографического конька», через пару-тройку лет защитил диссертацию, моментально увеличил список публикаций, что, как известно, вызывает уважение: «Не зря кушает хлеб!»

При всем при том Алик-ака имел кучу слабостей. Он мог сморозить такую казарменную шутку, что молодые лаборантки, закрыв лицо руками, убегали из его кабинета. А у мужиков вытягивались лица, и сами собой сжимались кулаки.

Заявившись на полевую базу, он мог до ряби в глазах, до опупения загонять в шахматы всех, кто мало-мальски смыслит в этой умственной игре. Затем, оседлав верного мерина, мог набить ему седлом холку, кружа бесцельно по долам и горам в сопровождении свиты из лаборантов и техников.

Огрузнев с годами, Олег Владимирович приобрел солидность и представительность. Если они с директором, человеком стройным и поджарым, заходили в нужную им организацию, то в разговоре незнакомцы чаще обращались к нему, считая его ведущим в паре. Лишний вес и возраст, в конце концов, сыграли злую шутку: к его хромоте растянувшейся чуть ли не на всю жизнь, прибавились сердечные недомогания, отложения солей.

- Олег Владимирович, вам бы надо избегать дальних поездок: что-либо случится, вы будете обузой для сопровождающих с вашим весом.

Не послушал советов, как всегда отделавшись шуткой: «Прикопасте в горах – я разрешаю». При возвращении с дальнего участка он почему-то приотстал. На крутом повороте вывалился из седла: инфаркт. Верный Яшка в недоумении остановился, даже не пытаясь щипать травку. Всякая кончина прискорбна, но этой могут позавидовать все полевики, потому как она произошла в горах и с моментальным исходом.

Один из вышедших впоследствии сборников трудов заповедников

Узбекистана посвящен памяти Олега Владимировича Савича. И, как уже упомянуто, целое урочище носит его имя, неофициально присвоенное работниками заповедника.

НАУКА В ЗАПОВЕДНИКЕ

*Кабинет председателя республиканского, лесного ведомства (Гослескомитета) был обширным и смахивал на зал заседаний. Я это отметил, переступая порог: все-таки многие лесные службы ютились в вагончиках, во дворе Госкомитета. Высокий кабинет я посетил по необходимости, потому что кадрами, их приемом и увольнением, вплоть до специалистов низшего уровня на местах, в лесхозах и заповедниках, ведал сам министр (официально – председатель). Для меня было это новым.

Пожилой мужчина нездоровой внешности с пристрастием расспрашивал о жизненном пути, семейном положении, жизненных позициях – короче, о жизни. Спросил, чем намерен заниматься в заповеднике – наукой или же буду работать? Справившись со смущением (не каждый день приходится министру разъяснять очевидные вещи!), я, соблюдая лояльность, насколько было возможно, попытался представить собеседнику, что научные исследования – это труд порой тяжкий, временами безрезультатный из-за заблуждений, но все-таки труд, рангом повыше так называемой работы.

В глазах министра запрыгали недобрые огоньки, голос обрел жесткость: «Ткачихи в городе сидят без яблочка, а вы в это время кропаете свои диссертации и научные статьи!»

Я тогда имел острое желание попасть в горный заповедник Рамит, поэтому поспешил выразить солидарность с душанбинскими ткачихами, и, если бы потребовалось, то распространить ее, солидарность, на трудящихся всего мира.

В последующие годы я сполна заслушался подобных сентенций, исходивших от бывшего комроты, секретаря райкома и нынешнего министра. Его недавние подопечные рассказывали, что, в бытность районным лидером, он наставлял дехкан как выращивать хлопок, ветеринаров – как лечить скот, учителей – как учить и воспитывать детей.

Субъективизм отдельных личностей легко устраним. Как при

* Таджикистан, 1974 г.

общении с телевизором: нажал кнопку, покрутил ручку настройки – канал сменился. Иное дело, если трудности коренятся изначально, в самой природе предмета или явления.

Первые заповедники открывались исключительно как научные учреждения, даже заведующего отделом науки не предусматривалось: директор заповедника – он и первый ученый. Потом спохватились, что в заповеднике нужно сторожить да не одну контору, а весь природный комплекс. Как результат прояснения – ввели должности заместителей директора по научной работе и по охране всего комплекса. Наука тем временем не стояла, развивалась: а в заповеднике оставались все те же принципы и подходы: материал собирали наблюдатели-одиночки без заданной цели, без попыток его обобщить, сформулировать закономерности (а без них наука – не наука!) В практике организации научных исследований намечалось иметь одного ботаника, одного зоолога, одного гидробиолога, одного... Даже организация основной темы (темы № 1) – Летописи природы, которая рассматривалась как комплексная, географическая, не смогла связать воедино научный коллектив. Летопись природы представляет собой набор ботанических, лесоводственных, териологических, орнитологических, энтомологических и прочих сведений.

Зачастую научный отдел – это оркестр, состоящий из расстроенной скрипки и бухающего невпопад барабана. Отдельные научные работники, проработав в заповеднике десяток лет, остаются на своих позициях: они серьезно полагают, что можно дать какую-либо свежую научную информацию без общения, без руководителя, без проработки печатной продукции, созданной до тебя и для тебя. Как верстовые столбы торчат на общем фоне беспросветной серости, безликости, мелкотемья, отсутствия даже простеньких отчетов отдельные законченные темы, разработанные диссертантами-временщиками. Потенциальные соискатели научных степеней могут привести разлад в мониторинговый процесс: кто-то предлагает «осовременить» методику, кому-то понадобилось перенести в другое место пробную площадь. «Помутив воду» два – четыре года, исследователи-оригиналы исчезают, ставя научных «чернорабочих» перед дилеммой: возвращаться ли на стандартные методики или разбираться в зауми оставленного научного наследства.

Это напоминает давно прошедшие времена, а может быть всё оттуда и происходит, когда в ходу были понятия «хата-лаборатория», «изба-читальня», «народный академик» и штамп-оборот речи: «нет таких крепостей, которые бы не одолели мы, большевики!».

* Вот где-то появилась мода на заповедники.

В короткое время организовали полдюжины, назначили им провести инвентаризацию высших растений, позвоночных животных и кое-что по мелочам. Минует десяток-другой лет – работа не выполнена, инвентаризация не завершена или даже не начата. Собираются вновь отцы-командиры, решают: «Провести инвентаризацию!» Как будто и не было двух десятилетий...

У.У.: Закладываемый круг какой-то! Как же выпутаться из этой паутины, повысить эффективность научно-исследовательской работы? Ведь наши заповедники (в пределах СНГ) положительно отличаются от всякого рода резерватов дальнего зарубежья присутствием науки.

Ю.Л.: Стоит ли заниматься научными исследованиями в заповеднике? Такой вопрос никто и не ставит. Заповедная территория – это неоценимый научный ресурс. Некоторые виды растений и животных нигде, кроме заповедника, и не найдешь. Как эффективнее использовать выделяемые средства? А в принципе любые научные исследования полезны, даже и вне заповедника. Одним из вариантов для мелких (по штатному расписанию) и отдаленных от научных центров заповедников может оказаться организация региональной (республиканской) лаборатории. Сезонбригады ботаников отработала в одном заповеднике, другой сезон – в соседнем. Распыления средств не будет, отчеты квалифицированные, кто-то попутно собирает материал и готовится к защите диссертации.

У.У.: Но как совместить регулярные, круглогодичные комплексные исследования на постоянных пробных площадях и маршрутах и периодичность заездов исследователей по сути дела со стороны?

Ю.Л.: Ни о какой стационарности невозможно говорить в обширных, на сотни тысяч гектаров заповедниках. Добраться от населенного пункта до места наблюдений, предусмотренного программой, иногда бывает труднее и дольше, чем из центральных

* Узбекистан, 1977 г.

областей России попасть в Арктику. Сбор материала, наблюдения — составная часть мониторинга, везде и всюду их выполняют инженеры и техники. Пример трансформации: поступающие со станций фонового мониторинга и метеостанций отчеты и инженерные сводки (точнее, их копии) в заповеднике котируются уже как научная продукция. А ведь наука ориентирована на другое — вынь, подай открытие, подтверди на новом материале ранее выявленные закономерности. Кстати, в некоторых заповедниках техники и инженеры мониторинга — уже не редкость и не вызывают удивления.

Не все научные работники и «романтические лентяи» довольны сложившейся, можно сказать, традиционной ситуацией. Подталкиваемые безысходностью, безрезультатностью, пониманием своей ненужности, некомпетентности, некоторые мнс.ы (а также и снс.ы) теряют перспективу, «опускают руки», пытаются замаскировать ничегонеделание. Когда одного из таких работников спросили, почему два года не составляет отчет по теме, он ответил, что занимается «перестройкой» — более важным на тот период делом. Поистине: не пашем, не строим — мы гордимся общественным строем!

В общем, несмотря на кажущуюся легкость, с которой можно овладеть навыками работника заповедника, его наука многим оказывается «не по зубам».

ЛОШАДИ

* Свежевыпавший снег покрыл склоны, сровнял тропы, лишь одна речка темнела где-то внизу. Временами и она маскировалась туманом. Низкие плотные облака закрывали небосвод, в воздухе лениво кружились отдельные снежинки.

Три всадника, инспекторы охраны заповедника неторопливо продвигались по своему излюбленному маршруту, соприкасающемуся с границей.

Свежий конский след привлек внимание. «Копыта кованные. Наверное, браконьер», — настаивал Орзыкул.

* Узбекистан, 1981 г.

– Наши рабочие лошади всегда бродят табунком, чуть приотстал какой-то конь – начинает тревожиться, ржать. – Пришлось свернуть с тропы и продираться кустарником по следам браконьера. Через час преследования впереди обозначилось темное пятно. В бинокль разглядели лошадь.... но без всадника. Приглядевшись. Орзыкул с досадой воскликнул:

– Да это же Водянка! Опять нас ввел в заблуждение. – Его спутники обрушились с упреками:

– Послушались тебя, отклонились от маршрута, без тропы потеряли столько времен!

Впереди мерин настойчиво топтал снег. В заповеднике привыкли к причудам Водянки (по документам он числился под вычурным астрономическим именем, но из-за страсти к воде за ним закрепилось эта кличка). Чтобы перевести в разряд меринов, его, молодого жеребчика, в первые годы кастрировали, но операция прошла не на профессиональном уровне, в результате Водянка всю жизнь чувствовал себя полужеребцом. Временами он отрывался от коллектива себе подобных и пускался на поиски племенного табуна, куда входили кобылы и молодняк. Табуном постоянно заправлял жеребец. При встрече с племенным табуном Водянка выражал радость ржанием, но, получив взбучку от табунного жеребца-айгыра, нехотя возвращался к рабочим лошадям. Несмотря на то, что мерин-изгой имел всегда на голове и боках раны различной свежести, он, проявляя забывчивость, целенаправленно устремлялся на поиски кобыл, как только его освобождали от седла.

... Снег сошел на склонах северной экспозиции, и я после длительного перерыва – периода зимнего глубокого снега – собрался обследовать пробные площадки в Тахтаходже, что в двух километрах от полевой базы. Сквозь блеклую, поникшую прошлогоднюю траву-ветошь просматривались зеленые всходы и побеги свежих растений. Непривычно смотрелись голые ветви деревьев и кустарников.

На повороте тропы взгляд уперся в подкованное копыто, торчащее из куста. Копыто крепко сидело на оголенной кости. Крепкая, неизношенная подкова и голая кость – такое сочетание выглядело крайне неестественным, диким. Другие части лошадиного скелета были раскиданы, растащены на пять-десять метров от места гибели лошади: после волков здесь постарались падальщики – наземные и пернатые.

Я слышал, что волки смогли задрать взрослого мерина (обычно они довольствуются молодняком), но, тем не менее, встреча оказалась неожиданной. Нахлынули горькие вопросы: «А может конь был больным? Или же его заездчили настолько, что он не сумел убежать от хищников?»

У.У.: Для меня, горожанки, было тяжким испытанием сесть в седло: так я боялась лошадей. Но в заповеднике они оказались удивительно спокойными, я бы сказала, безучастными.

Ю.Л.: Основная причина слабости у наших лошадей – недостаток корма зимой (исключения составляют жеребцы-айгыры). Понимающие толк в лошадях люди уверяют, что лошадь, выпущенная зимой на подножный корм – это испорченное существо, половина лошади. Заповедник в состоянии поддержать и прокормить фуражом и сеном только лошадей, закрепленных за инспекторами охраны, кобыл и молодняк. Остальные всю зиму на подножном корме, в период глубокого снега сшибают верхушки курчавки – сухого кустарника. А с нее силы не восстановишь

Недокорм, тяжелые горные переходы приводят к преждевременной гибели. Лошади гибнут или уродуют себя иногда по смехотворному поводу или без него. Так, жеребец, отвергнутый конюхом в качестве «руководителя» племенного табуна, чтобы воссоединиться, прыгнул со скалы, примыкающей к загону, в котором содержался табун, сломал две ноги: решение – прирзать. Лошадка, которую вели в поводу, умудрилась затолкать ногу в трещину между камнями и сломать ее. Решение то же самое. Конь, привязанный на ночь на длинный, тонкий аркан, загнал его между копытом и подковой, начал биться, упал, запутался окончательно, перехватил арканом горло и к утру уже не дышал.

Для любого мерина, пардон, отделение мочи – не малая надобность, а большая, даже великая. Надо поприусловствовать рядом, чтобы убедиться с какими трудами это происходит. Если «механизм» прохождения мочи не срабатывает, мерин начинает мучиться, его надо расседлывать, водить, а в тяжелых случаях требуется и массаж. И все равно, несмотря на ухищрения, лошади изредка гибнут из-за непрохождения мочи.

Конь в горном заповеднике – залог успешной работы инспекторов охраны и научных сотрудников. Попытки использовать для передвижения и транспортировки грузов ишаков и туристический

способ «на своих двоих» моментально браковались, потому, как в условиях гор выясняется, что уставший от ходьбы, от подъемов работник без должного внимания относится к своим обязанностям.

Забота о прокорме поголовья лошадей – головная боль руководства заповедника. Нужно выбить и завезти фураж (в Чаткальском заповеднике поступали фонды на ячмень), организовать заготовку сена. Кто на кого больше работает: лошадь на сотрудника или наоборот – это еще спорный вопрос, потому что сеном приходится заниматься в горячие для работников охраны и науки июньские дни. «Пока норму не выполнишь, к другим работам не будешь допущен!» – гласил приказ.

Короток век лошади – полтора–два десятка лет. Проработав в Чаткальском заповеднике дюжину лет, я с удивлением обнаружил, что не осталось ни одной лошади, с кем я «начинал». В трудные времена, на которые так богата наша эпоха, порой складывалась ситуация, когда заповедник лишался запасных лошадей, безлошадными становились и научные сотрудники, и лесники–инспекторы.

ПРОБЛЕМЫ ЗАПОВЕДНИКОВ

*Контрольные проверки для заповедника – не редкость. Кому-то нужна информация для составления более важных документов, кто-то по мере своих сил пытается навести порядок, а для кого-то проверки – повседневная будничная работа, их хлеб, независимо для чего собираются материалы, кому они конкретно понадобятся.

Одна из структур, которой подвластны всё и вся, заглянула в заповедник. «Структура» потребовала разъяснения: «Вам год назад прибавили зарплату (изредка и нас балуют!) – насколько увеличилась численность животных в заповеднике?» Из числа животных исключались блохи, квартирующие на сурке, поскольку ясно было, что проверяющий под животными подразумевал только зверей и птиц. Каких? Стали выяснять: «Мыши?» – «Только не они!» – проверяющий оскорбился. «Волки?» – он затряс головой: «Ну, эти красивые, копытцами цок-цок!» – «А, косули! Но они, хотя и нужны заповеднику, больше приличествуют охотничьему хозяйству. Заповеднику же нужен полный набор местных животных, все видовое разнообразие, хотя и здесь, как нигде, нужна мера. Нельзя

создавать условия для высокой численности отдельных животных — это рассматривается как предпосылка для возникновения и развития эпизоотий, а у копытных подрывается кормовая база из травы и кустарников. Покровительство оказывает человек лишь видам животных и растений, находящимся под угрозой исчезновения. Причем конкретные мероприятия разрабатываются с максимальной осторожностью».

Нашим доказательствам, проверяющий, разумеется, не поверил, посчитал их научной «заумью», наскоро придуманным оправданием.

С давних пор, когда заповедники возникали с охотхозяйственными целями, требовалось, что в них из года в год должна была увеличиваться численность копытных, некоторых хищных зверей, промысловых птиц. При подведении итогов года от директора заповедника можно было услышать:

«Почему уменьшилась численность горных козлов по сравнению с учетами прошлого года? Хуже стали работать?»

У.У.: Но чем-то должен отличаться заповедник от обычных, незаселенных человеком территорий? И логика подсказывает — богатством и разнообразием животного мира и растительного покрова.

Ю.Л.: Конечно, отдельным видам, ценным узловым группам в заповеднике должны быть созданы условия для наращивания численности. Если снежный барс повсеместно редок, то даже десятикратное увеличение его численности в заповедниках Западного Тянь-Шаня (немного пофантазируем!) не скажется отрицательно на других видах, с которыми он связан, а также на его «связях» с человеком. Излишек будет изъят браконьерами за пределами заповедника, так как охотничьи участки этого хищника велики и у большинства особей или семей выходят за пределы.

Иная ситуация складывается порой с кабаном. В Сарычелекском заповеднике при сезонных (осенних) скоплениях кабан вредит луговой растительности, подрывает кормовую базу. До приемлемого уровня его численность не может опуститься как в результате затяжной эпизоотии чесотки, так и изъятием путем отлова (что в условиях заповедника в общем-то неприемлемо).

То же и с растительностью. Проходит десять-пятнадцать лет

после установления строгого заповедного режима, растительность на лугах и степных участках смыкается, исчезают тропки, набитые скотом, но при этом могут уменьшиться в числе (а то и исчезнуть) редкие виды, из числа тех, кто не выносит задержания.

Начнем снова «от печки», вернемся к проверяющему, которого оставили в недоумении относительно оценки работы заповедника, а конкретно – его продукции. Повышение зарплаты сотрудникам, создание им надлежащих условий для работы не всегда влечет за собой положительные сдвиги в состоянии охраны природы, видовом разнообразии и численности отдельных видов. Не все так прямолинейно в биологических системах: сказывается инерция (и она может растянуться на много лет), и вообще зависимости подчинены законам вариационной статистики, то есть определенная тенденция может проявиться четко, может оказаться размытой, а в некоторых случаях – вообще не проявиться. Хотя с позиций здравого смысла такие сдвиги и тенденции следует ожидать.

Как-то усилили охрану прилежащего к заповеднику участка, прижали браконьеров. Результат оказался неожиданным: обнагтели волки, которых браконьеры раньше стреляли при случайных встречах из-за выплачиваемой премии. Хищники распространили свое влияние и на заповедник, и на его участке заметно уменьшилась в числе косуля.

Усиление охранных мер в заповеднике, а это чаще всего сводится к увеличению числа охранников (инспекторов или лесников), может повлечь повышение антропогенной нагрузки на экосистемы за счет дополнительного выделения выпасов, организации временных стоянок–ночевок. Я думаю, работникам заповедников не покажется дикой мысль: «Чем больше на территории людей, тем больше браконьеров!»

Еще пятнадцать–двадцать лет назад было ясно: не было пожаров, крупных нарушений, сохранили поголовье лошадей, вышел сборник трудов, а главное – освоено средств несколько миллионов рублей, значит, заповедник работает хорошо. А если был пожар, допущен падеж лошадей, недоосвоены запланированные средства, не заполнен штат научного отдела – работа оценивается как плохая.

Суть происходящих изменений на территории заповедника, для которых побудительны такие причины, как фактор времени,

влияние с сопредельных территорий. катастрофы. природные или антропогенные, экология и биология отдельных видов, групп и сообществ – все это при оценке остается в стороне.

Иной директор заповедника, поднатерев в составлении требуемой отчетности, в запале восклицает:

– Нам работать, хозяйствовать – территория ни к чему, только мешает!

У.У.: Вписывается ли в состав первоочередных задач природоохранное просвещение, возложенное на заповедники в последние десятилетия?

Ю.Л.: Заповедник рассматривается как передовая форма природопользования и как центр охраны природы в регионе. Приоритет в деятельности заповедника – охрана природного комплекса. Нежелательные популяционные и возмущения со стороны можно устранить силовым воздействием, добрым примером, разъяснением, просвещением, рассчитанным на будущее.

*Один из директоров заповедника (а их на моем веку и на моей памяти было предостаточно) настаивал, что силовое воздействие должно быть выделено, не в пример остальным. «Сила, то есть лесная охрана, пока что требуется. Оружие выдается не всем желающим. Так не будем разжижать эту силу менее важными, а порой и вовсе ненужными поручениями и отвлечением лесной охраны. А пропагандой с успехом занимаются музеи природы, зоопарки, ботанические сады, общество охраны природы, комсомол, пионеры...».

Что же отказать в логике ему нельзя. К сожалению, не все выделяют в приоритет силовое начало. Во время очередного обустройства музея, когда чуть ли не весь коллектив крутился вокруг привлеченных художников, выполняя разовые и недельные задания директора (он и сам «по горло» был занят музейными делами), я разговорился с появившимся в конторе начальником участка, не в меру озабоченным.

– Третий раз приношу плеть винограда, а художник ее выбраковывает. Дикий и культурный виноград даже ботаники не в состоянии различать, а художник выпендривается. У меня на участке горячка – начался прогон скота на летние пастбища по границе

* Кыргызстан, 1969 г.

заповедника, нужен глаз да глаз!

Не менее важен и другой аспект. Полноценное экологическое просвещение – дорогостоящее занятие. В наше время самоделки никто не пойдет смотреть в музей. Из ничего ничто не возникает! Нужны таксидермические экспонаты, художественные экспозиции, живой уголок, фотооборудование, киносьемочная аппаратура, кинозал... Средства, выделяемые на охрану природы, заповедникам в частности, скажем так, конечны. И если они отпущены на изготовление дорогостоящих чучел зверей, а на приобретение верховых лошадей и кормов для них не хватило, инспекторы вынуждены передвигаться на ишаках, то ...короче, не хочется развивать эту тему. Полагаю, здесь уместна поговорка: «Под мышкой два арбуза не удержать!» Тем более что «арбузы» очень уж сильно различаются. Примечательно, что специалисты, ученые-биологи с прохладцей относятся как к самой идее экопросвещения, так и к ее практическому воплощению.

*Вспоминается, как с Международного орнитологического конгресса несколько участников завернули к нам, в заповедник. Ради орнитологов директор заповедника расстарался, пригласил известного «птичника», содержавшего мелочь в клетках.

– Ньюра! – засел за телефон птичий владелец после того, как клетки были размещены в отдельной комнате, и птицы весело защебетали. – Привези костюм, в котором я выезжаю с коллекцией за границу.

Зайдя в музей, иностранцы заинтересовались чисто технической стороной дела: «А здесь вы поролон употребили? А ручеек сделан с помощью глицерина?» Директор, предвкушая эффект, указал на приоткрытую дверь: «А здесь – живые птицы, ваш хлеб, так сказать». Иностранцы, кто с недоумением, кто с плохо скрываемой растерянностью заглянули в комнату, не переступая порога. Поились плавные речи, в которых явственно звучало: «wild life», «wild birds», «wild nature»... Гости вежливо поинтересовались, когда же их повезут на природу.

Может быть, было бы полезным средства, отпускаемые на экологическое просвещение, которое выливается в факультатив для школьников, в приятное времяпрепровождение для отдыхающих, направить на ужесточение экологической экспертизы, на экологи-

* Узбекистан, 1981 г.

ческое образование, организацию семинаров для специалистов и в прочие адреса, по которым просматривается отдача и несомненная польза для сохранения природы.

А не слишком ли жестко, грубо сказано? Но практика экопросвещения в Чаткальском заповеднике показывает, что оно мало влияет на негатив, исходящий от местного населения. В первое десятилетие работы музей был крохотным, посильным для того времени, — ущерб от нарушений заповедного режима был терпимым. В последние годы, после ряда ремонтов, пополнений, а главное — испытыв благотворное влияние мощного финансирования, музей превратился в некое произведение искусства: усилился поток посетителей. Но ущерб от нарушений, мало зависящий от уровня просвещения и образования, увы, возрос. Часто элементы просвещения превращаются в ширму, за которой удобно скрывать недостатки в охране территории.

- Живут же люди! А тут ночами не спишь, заседания длятся допоздна, на каждое не хватает пачки сигарет! — Тирада прозвучала из уст крупного руководителя, на склоне лет оказавшегося у руля природоохранной отрасли бывшего Союза (издавна охрана природы была отстоем для чиновников разного ранга). Министр критически и несколько покровительственно оглядывал макеты и диаграммы музея заповедника. Можно предполагать, что при решении вопросов, касающихся заповедной отрасли, его мнение, полученное в музее, будет решающим.

- Наш заповедник — передовой в Средней Азии (то есть, в Туркестане)! — неоднократно подчеркивал один из директоров, проработавший на этом посту не один десяток лет.

Чем же славен был заповедник? При ближайшем рассмотрении к эпохальным деяниям и объектам, заслуживающим внимания, можно было отнести просторный административно-лабораторный корпус, пятнадцать транспортных единиц, объемное жилищное строительство, живой уголок, музей природы, несколько выпусков альбомов, кинолент и сборников научных трудов. А охрана территории, состояние природного комплекса? Здесь все выглядело средненько, серенько, если не сказать, убого. Внимательно присмотревшись, начинаешь понимать: не виновны в этой ситуации работники охраны заповедника, ибо в условиях, когда по соседству

живет, громыкает многомиллионный оазис, сохранить природу от различных поползновений весьма и весьма трудно. Кстати, по авторитетному утверждению специалистов, строгий режим на всей территории заповедника не удавалось выдержать никогда и нигде.

Приоритеты в деятельности любого комплексного предприятия, учреждения не назначаются, они образуются волей различных установок-положений, продукцией на выходе и во многом – волей обстоятельств. Квадратные метры в строительстве, тонно-километры на транспорте никак нельзя сравнить с существующими ныне показателями чисто заповедной «продукции». Разумеется, последние проигрывают и на стадии контроля, и в материальном осязании продукции.

- Заповедник, честь и хвала ему, снижает остроту жилищной и транспортной проблем в районе. – эти слова постоянно звучали с различных трибун в масштабе района. Кстати, из двух десятков квартир, отстроенных за полвека заповедником, ныне лишь две занимают семьи его работников. Так, спрашивается, для кого старался директор, увлекая в трудовом энтузиазме своих заместителей, специалистов, а порой отрывая на строительство и лесную, инспекторскую охрану? Все мы, конечно, сильны «задней мыслью», но разговор идет о приоритетах.

* * *

У.У.: Имеют ли охраняемые территории, в частности заповедники, сакральное (религиозное) значение?

Ю.Л.: С давних времен, может с момента своего возникновения, ислам культивирует так называемые «святые места». Их посещают паломники, дающие обет – это составная часть ритуала. Однако «святые места» не обязательно связываются с дикой природой и тем более с охраняемыми природными объектами. Совпадение может оказаться случайным. Обычно же поклоняются месту, связанному с жизнью человека, который прославился на религиозном поприще, либо с его захоронением.

В последние десятилетия на Западе развивается направление, стержнем которого является идея о сакральной нагрузке, религиозной значимости дикой природы, в том числе особо охраняемых территорий.

Стоит ли возлагать на заповедники дополнительную «нагрузку», разрабатывать направления, часто несовместимые со статусом природоохранного и научного учреждения, возникшие на модной «волне» людских увлечений? И не являются ли они не более как попыткой покуситься на часть богатого, испеченного с великим трудом пирога?

Сложность заповедного дела привела к тому, что во всей охране природы заповедники оказались наиболее наукоёмкими. Тем не менее, говорить о завершении теоретической разработки заповедного направления (специалисты согласятся) преждевременно. Сакральный «вклад» может только внести путаницу, отдалить познание истины. Объявление заповедной территории иконой («Не ступи нога! Кто же икону топчет!») приведёт к нагромождению технических и организационных нелепиц. К примеру, чтобы оседлать браконьероопасный перевал на границе инспекторскому патрулю придётся объехать 100-150 км по труднодоступной горной местности (по прямой, через заповедник 15-20 км). А вертолётное браконьерство, а тушение пожаров, возникших от естественных причин!? И не пахнет ли почитание дикой природы язычеством и религиозным экстремизмом? В странах, население которых исповедует ислам, и то и другое, по меньшей мере, неприемлемо.

Есть ли где «абсолютно дикая» или «двественная» природа, столь почитаемая в некоторых религиозных кругах? Ответ, пожалуй, будет отрицательным. Нет её не только в обжитых, тысячелетиями осваиваемых человеком районах ойкумены, не найдется и в Антарктиде, над которой по вине человека «крыша поехала», то есть прослеживается внушительная дыра в тонком озоновом слое. Дикость чаще выступает как субъективный признак: «С сего числа, согласно приказу, в соответствии с изменением вывески на конторе – лесхоз заменяется на заповедник. Полагать бассейн реки Чахчамсай диким и заповедным». Нередко трансформация территории из хозяйственно-освоенной в заповедную ограничивается всего лишь сменой вывески.

* * *

У.У.: Так что же такое заповедник? На основании своего личного опыта вы, Юра-ака, можете дать хотя бы простенькую

характеристику этого вида деятельности человека, признаваемого всеми как передовая форма природопользования?

Ю.Л.: Считаю себя практиком заповедного дела. я, не впадая ни в кабинетный, ни в критический раж, хочу слегка коснуться маленьких дел, чем славен заповедник.

Заповедное дело, заповедная идея развиваются собственными путями, имеют специфические задачи и цели. в основе лежат свои теория и методология, отличные от других направлений охраны природы. Уже одно это предполагает повышенную сложность. противоречивость основных положений, не всегда подтверждающихся практикой, нередко отвергаемых жизнью.

Иллюстрацией сложности, излишней требовательности к заповедникам может послужить пример. Известный зоолог и специалист заповедного дела К.П. Филонов потратил семь лет на обработку первичных данных в некоторых заповедниках, чтобы вывести приемлемые закономерности по проблеме «хищник - жертва», которая является составной частью более значительной проблемы – стабильности и равновесия в экосистемах заповедника. В выводах здесь нужна предельная осторожность, так как можно попасть впросак, взяв на себя роль пророка. А в заповедном деле сплошь мелькают априорные идеи и установки, не опирающиеся на опыт, на практические разработки. Разумеется, на начальном этапе, при организации заповедников без них не обойтись, но с накоплением опыта теория должна опережать: лошадь должна быть впереди телеги.

Четверть века назад один из специалистов сетовал в своей статье, что никто не доказал или, проще сказать, не показал эталонной роли заповедной природы. Другой работник заповедника в порыве откровения признавал, что мы де расслабились, увлеклись романтикой, а вот показатели работы заповедников так и не разработаны. Время движется, но дальше сетований не пошло, все осталось на прежнем уровне.

Стоит проследить эволюцию взглядов в такой узловоей проблеме, как устойчивость и равновесность экосистем в условиях заповедного режима, которая обеспечивает возможность эталонирования, то есть сравнения «неизменных», «нулевых» систем заповедника и затронутых хозяйственной деятельностью, трансформированных и разрушенных территорий за его пределами.

На подкрепление появилась идея подвижного равновесия. Луговую растительность в считанные годы истребили олени, которым усиленно покровительствовал человек, — экосистема ухнула вниз. Появились и ускоренно размножились волки и шакалы, которые быстро привели в норму разбушевавшуюся популяцию оленей: экосистема выравнилась. Трудно сказать, приемлемы ли в роли подвижек пожары, вспышки листогрызов в хвойных лесах, которые в соответствии с логикой представляются непозволительной роскошью для заповедника, поскольку уничтожается объект заповедания. Но в любом случае идея мало привлекательна, так как не связана с идеей заповедника.

Многих бед, связанных с повышением эталонной роли да и просто восстановлением утраченных связей в экосистемах, можно избежать уже на стадии выбора места под заповедник или устраняя последствия антропогенного воздействия в первые годы работы заповедника.

Часто под заповедник назначаются природные комплексы с нарушенными системами, хотя есть возможность выбора. Как правило, «богатые», то есть продуктивные комплексы, и «красивые» — привлекательные и ценные в рекреационном аспекте объекты признаются и подходящими для заповедания. Сарычелек был заповедан для усиления охраны ореховых и плодовых лесов, которые нещадно эксплуатировались в течение многих и многих веков, а также из-за одноименного горного озера, которое, надо полагать, посещалось с незапамятных времен для утоления как духовных, так и материальных потребностей. Окончательное слово высказало лесное ведомство, заинтересованное в усилении охраны ценных орехоплодовых лесов в период осеннего сбора урожая: все-таки лесников в заповеднике больше, чем в лесхозе. В данном случае возобладала ресурсно-сырьевая сторона, а заповедно-экологический аспект, базирующийся на приоритете устойчивости и равновесности систем, «полученных» от природы или организованных человеком с небольшими затратами времени и материальных вложений, попросту не рассматривался. Вывод: если же под заповедник отводятся высокопродуктивные угодья, то, надо полагать, у заповедника хватит забот на грядущие десятилетия.

Неустойчивые экосистемы антропогенного происхождения — а на Земле нет уголка, где бы в той или иной мере не проявилось

воздействие человека – и в дальнейшем, если для них организована абсолютная охрана, могут деградировать. И в такой ситуации требуется от человека толчок, целенаправленные действия в сторону повышения устойчивости систем, объявленных заповедными. Смену вывесок на конторе никак нельзя признать таким толчком. Высокое звание заповедника не спасает от катастрофических наводнений, вспышек шелкопряда, нашествия мелких грызунов, чрезмерной, запредельной плотности копытных и прочих малоприятных явлений и процессов, свойственных неустойчивым, несбалансированным экосистемам.

Считается, что заповедник – наивысшая форма организации в охране природы, и всякое понижение статуса территории негативно скажется на охране. В то же время забывается народная мудрость: «Дурная арба дорогу портит!» то есть наносится вред заповедному делу.

Стоит ли планировать и создавать трудности с тем, чтобы в последующем их мужественно преодолевать?! «Вы, что же, хотите кабанам и барсукам скармливать грецкий орех?! Не получится...». Как вы думаете, кому могут принадлежать эти слова? Экономисту, политику, администратору, хозяйственнику? Ничего подобного! Мне и другим сотрудникам пришлось их услышать в Сарычелске от видного ученого-биолога, профессора, посетившего заповедник с целью «разобраться на месте и дать рекомендации». А ведь есть и другие учреждения подходящего профиля, нацеленные на охрану природы и эксплуатацию ресурсов, в частности на рациональное использование орехоплодовых лесов: лесные опытные станции, опытные лесхозы, специализированные заказники, национальные парки. Для Сарычелска наиболее подходящая последняя форма, но почему-то остановились и упорно держатся за заповедник.

Случайный характер носит расселение из заповедника излишков животных и связанное с ним обогащение сопредельных охотничьих угодий. Дело в том, что какой-то зверь, особь, оторвавшись от коллектива, то бишь своей популяции, попав в обстановку гонений со стороны человека, подвергается стрессу, у него резко повышается шанс стать покойником. Особенно убийственно это сказывается на «островных» заповедниках, которые окружены трансформированными человеком угодьями. Наоборот, звери

приграничных с заповедником угодий, подвергаясь преследованию, выделяют замысловатое броуновское движение, которое прекращается при пересечении границы заповедника. В тесноте да не в обиде! Оправдывается кем-то выдуманное правило: «Звери сбегаются в заповедник». Вопрос, куда направлен вектор миграций ценных и промысловых животных, всегда решается в каждом конкретном случае.

Искоренив антропогенное влияние, заповедники неплохо справляются с основной задачей – сохранением генофонда: что им достается при организации в общих чертах сохраняется на долгие годы и десятилетия. Чего нельзя сказать о ценофонде – «комплектах», сообществах из растений и животных, так как в процессе восстановления и при прочих пертурбациях виды могут качественно и количественно перетасовываться, исчезают старые (нарушенные) сообщества, возникают новые, большей частью в стадии восстановления, сообщества с совершенно иной структурой, другим видовым составом.

Восстановление растительности до первичных, коренных сообществ происходит в заповеднике по нисходящей кривой, как у слабовольного и нерадивого школьника, взявшегося с жаром исправлять плохие оценки: чем дальше, тем медленнее. Устраненный при заповедании отрицательный антропогенный фактор, главный на первых порах, – лишь один из совокупности экологических факторов. В сумме эти факторы и при заповедном режиме могут устроить такое испытание для растений и их сообществ, что с лихвой перекроют бывшее влияние человека. В жестких условиях в растительном покрове проявляется тенденция: выжить. Нередко сообщества в экстремальных условиях приостанавливают восстановление на начальных стадиях. Это и понятно: желающих среди растений и животных жить при дефиците влаги, избытке тепла и солнечного освещения, что складывается на солнцепечных склонах с неразвитой почвой, мало найдется.

В таких же экстремальных условиях не всегда видовое разнообразие становится богаче, даже в «зрелых», с многолетней историей заповедниках. Нередко в заповедниках «теряются» отдельные виды, по необъяснимым причинам уменьшается фитоценотическая насыщенность (количество видов), то есть

происходит это вопреки «правилам», предлагаемым заповеднику человеком. Не по «правилам» вдруг возникает вспышка вредителей леса, широко распространяются болезни у растений, не снижают своего влияния болезни животных, до нежелательного уровня может вырасти численность отдельных видов животных и растений, что в конечном итоге негативно сказывается на общем тренде восстановления экосистем, на равновесии в них.

Может возрасти пожарная опасность, так как весь растительный опад на лугах, в степях, под пологом леса переходит в ветошь, а она – хорошая пища для огня.

Близка к охране генофонда функция музея в природе, что немаловажно для неформального образования и просвещения в урбанизированной, индустриальной среде. И хотя в заповедник-«музей» в большинстве случаев вход посторонним запрещен, но «экспонаты», объекты в природной обстановке сохраняются, поддерживаются, самовосстанавливаются, как в депо, – лучше, чем в традиционных музеях.

Музей в природе представляет собой информационный ресурс. Но значительно больше дает другая функция – научно-информационный ресурс, который ценен и сохранностью научных объектов в депо, и своими текущими изменениями. Немаловажны и проведенные ранее научные исследования, особенно, если их результаты внедрены в практику, позволили обоснованно принять решения, способствовали эффективному функционированию заповедных экосистем.

Длительность сбора данных, как научных, так и инженерно-мониторинговых, независимо от того, кем они были собраны: собственными силами или сторонними организациями, – несомненный козырь науки в заповеднике. Ещё лучше, если научные исследования направлены на решение прикладных для заповедника задач, в первую очередь, восстановления и повышение устойчивости экосистем.

К числу добрых деяний заповедной отрасли относят повышение квалификации, обретение опыта, стажировку, а точнее натаскивание кадров. Особенно это заметно в подготовке квалифицированных экологов. Считается, что, если молодому специалисту в заповеднике «намяли бока», а он только и делал, что «ломал дрова», то после такой школы он становится рангом выше, как научный работник.

Хотя он, может быть, вспоминает годы, проведенные в заповеднике, с нескрываемым отвращением, считает их потерянными, истраченными попусту. Надо сказать, что Кпд «школы» довольно низок, так как отдельные заповедники с попустительства руководителей превратились попусту в проходной двор с высокой интенсивностью движения. Вот, мол, научной продукцией похвастать не можем, но, посмотрите, тридцать лет назад у нас начинал академик, пятнадцать лет – профессор, да и сейчас именитые люди нас не забывают, посещают. Несомненно, такой подход принижает роль заповедников, низводит их роль на уровень подсобной отрасли.

В своем регионе заповедник – форпост в охране природы. Заповедник – хвала ему – напоминает, что есть необходимейшая отрасль деятельности человека – охрана природы.

* * *

У.У.: Чаткальскому и Сарычелекскому заповедникам уже более двадцати лет как присвоен международный статус биосферного. В чем отличие биосферных от обычных заповедников, и как изменение названия сказалось на жизни ваших заповедников?

Ю.Л.: Международный статус заповедникам понадобился для того, что создавалась глобальная сеть биосферных полигонов, станций и резерватов. К системе резерватов подключили заповедники. Все они должны работать по стандарту.

Наши специалисты были приятно удивлены: оказывается, они всю жизнь разговаривали прозой, не догадываясь об этом. То есть биосферный мониторинг, точнее, его составляющая – наблюдения, уже многие десятилетия в той или иной степени отражался в ведущихся в заповедниках Летописях природы.

Биосферный заповедник или станция предназначены для того, чтобы выхватить кусочек биосферы, производить на нем наблюдения по расширенной программе, сравнивать происходящие изменения в заповедных («нулевых») экосистемах и на смежной территории с тем, чтобы вносить поправки в хозяйственную деятельность. Всё решительно, оперативно, конкретно, но пока что в стадии проработки, хотя и прошла четверть века. Потому что биологический мониторинг (то, чем занимались прежде заповедники) недостаточно разработан, для геохимического – главного в плане – всегда не хватает приборов.

В своем стремлении к минимизации заповедники от «биосферной» программы оставляют куцые объёмы. В общем, гладко на бумаге да забыли про овраги.

Есть точка зрения, что биосферный резерват – это обычный заповедник, только чуть лучше. Однако не всё так просто. Косгде основная задача биосферных заповедников – разработка, апробирование щадящих способов природопользования, то есть попросту хозяйствования, пусть даже на буферной зоне. «Уж сколько раз твердили миру...», что в заповедниках не должно быть хозяйствования по определению. Предполагается ли за биосферным заповедником какая-либо чисто заповедная составляющая? Конечно! И в биосферных резерватах предусмотрено нестронутое ядроядрышко. Но это уже не основная забота. В некоторых странах напрямую ставится вопрос об исключении биосферных резерватов из состава особо охраняемых территорий.

В Чаткальском заповеднике в дополнение к собственным наблюдениям Гидрометслужбой организована станция геохимического (фонового) мониторинга, которая ведет исследования, как и положено, по стандартной программе. Но с другой стороны, сказывается близость техногенного ландшафта, высокая плотность населения в регионе, многовековая нарушенность экосистем, к тому же лет пять не велась Летопись природы – всё это обесценивает проводимые исследования по биосферному мониторингу.

Краткий экскурс в недра программы заповедника, обычного и биосферного, наводит на грустные размышления. Сквозь многообещающую, привлекательную благодать, которую надеются получить от заповедника, пробивается вопрос: «А не слишком ли многого хотят, просят и требуют?» Заповедник – неустоявшаяся форма, нет за ней достаточного теоретического, юридического, материального, программно-методического и прочего обоснования. Да и на местах заповедники не высоко котируются среди сельхозпредприятий, лесхозов, питомников, зверохозяйств...

Проблемы ставятся глобальные, груз продолжает увеличиваться: одно требование нанизывается на другое, старые задачи, обретая второе дыхание, требуют решения на более высоком, сложном уровне.

Что же главное в заповеднике? Может быть охрана? Но, как

подметил один остроумец, магазины охраняются ещё усиленнее и эффективнее, но там главное – торговля. Охранные мероприятия – всего лишь средство к достижению основной цели, стоящей перед заповедником: создание нетронутых, равновесных, сбалансированных экосистем, к комплексу которых предъявляется роль эталона.

ЭПИЛОГ

*Мы стоим на вершине Такали (2780 м над уровнем моря), опираясь на бетонный столб, под треногой геодезического знака. Отдыхаем, нормализуем дыхание после длительного подъёма к вершине (см. фото). Только что вспугнули барсука, который, не особенно торопясь, исчез за гребнем. Шум падающих камней заставил обратить внимание: это горные козлы-кийки зачужили людей и стремглав ринулись вниз, в скалы. Одна самочка заметно отстала, ковыляет на трёх ногах, четвертая (задняя) болтается. Может быть, сломала по неосторожности, может быть, перешибла браконьерская пуля. Выживет ли?

Горизонт закрыт темными тучами. Через полчаса ударит снежный заряд (и это в сентябре!), наше настроение, конечно же, упадёт. Но кончится непогода, и снежная крупа на камнях и низкорослых травах заблестит в лучах заходящего солнца. Хочется думать, что и для заповедника различная «непогода» будет всегда меняться на яркий солнечный день.

* Узбекистан, 2002 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Пожар	7
Волки	8
Кабаны	17
Косули	31
Киики	38
Чесотка животных	42
Браконьерство	45
Медведи	47
Сурки	55
Лисица	64
Снежный барс	67
Рысь	71
Барсук	73
Заповедник	75
Звери	77
Охота и браконьерство	80
Дикобраз	82
Куница	84
Норка	86
Горноста́й	88
Степная кошка	89
Из жизни работников заповедника	90
Заяц-толай и другие	97
Лесная соня	99
Заповедные будни	100
Бродячие собаки	102
Суслики	103
Туркестанская крыса	105
Летучие мыши	106
Беркут	108
Пернатые падальщики	111
Улары	113
Ксклики	114
Совы	117

Птицы	119
Змеи	124
Бывало и такое	126
Пчёлы	129
Дела заповедные	131
Ещё о браконьерстве	133
«Объекты просвещения»	135
Трагедия в горах	139
Зубры	141
Нарушения	144
Восстановление растительности	146
Тропы горные	149
«Царские охоты»	154
Гости	160
Браконьерство – бич заповедников	162
Растительность	164
Нужное и ненужное	169
Опасные растения	172
Биоценоз	173
Полевые исследования	175
Савич	177
Наука в заповеднике	180
Лошади	183
Проблемы заповедников	186
Эпилог	201

Юрий Сергеевич Лынов

ДЕЛА ЗАПОВЕДНЫЕ
(природа, особенности, люди, проблемы)

Фото Н.Бешко, А.Есипова.

Редактор С.Курбанов

Разрешается к печати 18.02.2012 г. Формат 60x84^{1/16}.
Печать офсетная. Уч. изд. лист 17,8+цветная вклейка 0,4.
Усл. печ. лист 21,4+цветная вклейка 0,4. Тираж 100 экз.
Заказ № 81. Цена договорная.

Издательство “Университет” Ташкент – 100174.
Вузгородок НУУз им. М.Улугбека.

Отпечатано в типографии Узбекско-Американского
СП “Groteks”.

